

На той далекой, на Гражданской

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Юрий Ковальков

18+

Юрий Ковальков (Земляк)

На той далёкой, на гражданской.

«Автор»

2026

Ковальков (Земляк) Ю.

На той далёкой, на гражданской. / Ю. Ковальков (Земляк) —
«Автор», 2026

Продолжение. Вторая книга романа о двух попутанцах. Чепаев свою роль в рождении государства сыграл. Впереди Гражданская война. Борьба за будущее страны продолжается. Как включится в схватку второй попутанец? Как исправить старые ошибки и при этом не наделать новых? Как встретятся попутанцы? Какие испытания встанут перед ними? С первой книгой романа "Я пришел дать вам победу" познакомиться можно здесь:

© Ковальков (Земляк) Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предупреждение.	5
Глава 1. Год 1918.	6
Глава 2. 1916.	9
Глава 3. Год 1916.	16
Глава 4. Год 1916.	22
Глава 5. Год 1916.	30
Глава 6. Год 1916.	37
Глава 7. Год 1916.	45
Глава 8. Год 1916.	51
Глава 9. Год 1916.	59
Глава 10. Год 1916.	65
Глава 11. Год 1916.	74
Глава 12. Год 1916.	80
Глава 13. Год 1916.	88
Глава 14. Год 1916.	98
Глава 15. Год 1916.	105
Глава 16. Год 1916.	110
Глава 17. Год 1916.	115
Глава 18. Год 1916.	120
Глава 19. Год 1916.	126
Глава 20. Год 1916.	131
Глава 21. Год 1916.	140
Глава 22. Год 1916.	147
Глава 23. Год 1916.	154
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Юрий Ковальков (Земляк)

На той далёкой, на гражданской.

Предупреждение.

Представленное вашему вниманию творчество не относится к документальному, исторически достоверному. Всё, здесь написанное, является авторским вымыслом, от первой до последней буквы. Упомянутые в тексте исторические личности никогда ничем подобным не занимались и заниматься не могли. Названия населённых пунктов, учреждений, адреса - суть совпадения и выдумки и упомянуты исключительно в рамках художественного вымысла. Никаких вторых смыслов в произведение заложено не было. Автор с глубоким уважением относится к чувствам возможных родственников упомянутых в книге личностей и никоим образом не имеет умысла на оскорбление этих чувств. Автор с глубоким уважением относится к представителям любых рас, религий и приверженцам любых политических и философских воззрений.

ПЕРВАЯ КНИГА ЦИКЛА "Я ПРИШЁЛ ДАТЬ ВАМ ПОБЕДУ" здесь: <https://www.litres.ru/73493373/>

Внимание!

Присутствует ненормативная лексика!

Выражаю искреннюю признательность **Рэму Хроносу** за помощь в оформлении обложки!

Глава 1. Год 1918.

"Кто-то должен остаться в гражданской войне Вне закона, вне закона".

Дождь плакал с утра и до полудня. Нудно, лениво.

На восходе, робкими лучами, зарождаясь, смеялось и танцевало по капелькам на траве нежное росистое утро. Солнышко ещё не встало, и по стебелькам цветоносов безмятежно, умиротворяюще расплзлась предрассветная дымка. Ничто не предвещало изменения в настроениях погоды.

Нежно-розовый рассвет обещал тёплый, ясный, как обычно, день. Но уже часам к семи со стороны реки неожиданно потянуло прохладой. Потом, словно нарождаясь в тёмных пятнах рощ, выползли первые тяжёлые свинцовые облака. Они тихо, без грома, подкрадывались к станице, устрашая молчаливой мрачностью.

Дремавший в глубинах леса на ветках деревьев ветер внезапно встрепенулся и круговертью, как вестник чего-то разгульного, впереди хмурых туч, кувырком пронёсся по улицам, закручивая пыльный смерч. Тревожно залопотала на ветвях листва, потом резко, над самыми крышами куреней, раскатисто разорвался заряд грома, и на землю неуверенно осыпались первые капли дождя. Вскоре подтянулось всё чёрное кудлатое воинство ливневых облаков, и дождевые слёзы с яростью брызнули по затихшему вдруг юрту.

Постепенно в углублениях дорожной колеи, низинках, начали скапливаться лужи. По их поверхности мурашками заплясали пузыри.

Капля была прохладной. Именно прохладной, не холодной, не тёплой, а приятно холодной. Она на секунду задержалась, а затем, нерешительно, не дожидаясь подружек, скатилась с века на щеку. Вдогонку за ней, не успев удариться о глаз, покатались вторая, третья.

Василий инстинктивно попытался ладонью смахнуть влагу с лица, но обнаружил, что руки заведены за спину и крепко связаны. Мотнув головой, он стряхнул капли и открыл глаза. Над ним, завораживая поблёскивающими цепочками падающих капель дождя, нависала камышовая крыша сарая.

В помещении мерно колыхался, словно дышал, полумрак. Он распространялся повсюду, сгущаясь к дальней от входа стене. В той стороне царил таинственность. В воздухе выписывали кренделя мириады пылинок, сорвавшихся с камыша от ударов дождевых капель, и тянулись в сторону ворот, в надежде вырваться сквозь щели на простор, даже не задумываясь о том, что за створками дверей ливень их просто-напросто прильёт к земле, и их разудалая жизнь на этом обретёт свой конец. Если только солнце не высушит их, и разгульный ветер, резвясь, не зазовёт их вновь на танцы.

Шилов повернулся на бок и осмотрелся. Судя по всему, сарай был подъездным, со сквозным проездом. В одном углу неясными очертаниями просматривались сани и полевые орудия: лобогрейка [1], косилка, конные грабли. Вторая половина была завалена оставшимся с зимы сеном. Пол усыпан небольшим слоем соломы, на которой, в затемнённом углу, спиной к Василию, лежал, так же со связанными за спиной руками как и он сам, крупного телосложения мужчина. Он не стонал, не ворочался. Дыхание его было ровным, едва различимым. По всей видимости, он находился в бессознательном состоянии и довольно длительное время. Разглядеть его основательно не удалось. Во-первых, мешал полумрак, а во-вторых...

Снаружи заскрипел дверной засов, створки распахнулись и на фоне дождевых струй материализовались две фигуры, примерно одного размера. Два молодца из одного ларца.

— Ба-а! Гля-кась, очухался, краснопузый. Живушкой, зараза. Матри, Хфилипп, буркалы как оно тарашшит. Каков хупавый [2]. Стяс [3] я яму присмачу [4], штоб не зыркал! Зараз журным [5] станет, —засунув руки в карманы шаровар, произнёс один из вошедших.

— Оставь, Сипеток! И так сердешного эвон как об земельку приложило, — урезонивая приятеля, ответил другой.

Первый раздосадованно крякнул и подошёл к лежавшему без движения человеку. Ткнул носком сапога в каблук арестанта. Мужчина никак не отреагировал. Даже лёгким стоном не ответил.

— Этот ещё не оклемался, — сделал вывод второй.

— Айда отседа, — и, не дожидаясь первого, повернулся и пошагал к выходу.

Воинственный казачок, сдвинув фуражку на лоб, почесал в задумчивости затылок, махнул рукой и последовал за товарищем.

Василий дождался, когда парочка запрет снаружи на засов сарай, и прислушался к своему организму. Самочувствие, можно сказать, было неплохим. Правда, монотонно, сплошным неприятным, обволакивающим шумом гудела голова, но этот растянутый шум постепенно перешёл в пульсирующий, затухающий. Стоило Шилову пошевелиться, как вновь возобновилось сплошное гудение, однако моментально шум как-то захлопнулся и навалилась тишина. Саднило ненавязчиво левое плечо, да ощущалась тупая боль в левом боку. Безудержно чесалась левая щека. Шилов попытался сесть, и ему это удалось. Послушал голову. Нормально. Следующим движением стала попытка встать. Он сначала встал на колени, а затем, к своему удивлению, легко поднялся на ноги. По икрам и ступням побежали колючие мурашки. Отлежал. Присев раз пять, согнув и распрямив на весу то одну, то другую ногу, убедился, что онемение прошло и подошёл к прицепной косилке. Хозяин, судя по всему, был из зажиточных. Не всякий мог позволить себе иметь подобный агрегат на конной тяге. Основным орудием сенозаготовителей была литовка и серп для жатвы зерновых культур. На табличке прочитал: «Товарищество механического завода В.Г. Столь и К».

«Отечественная, стало быть», — отметил про себя Василий.

«Ну что, согражданка, поможешь земляку избавиться от пут вражеских?»

Пристроившись поудобнее спиной к режущему аппарату и, нащупав сегмент-нож, стал аккуратно разрезать перевязь.

— Непуганое племя. Так безответственно оставлять без присмотра связанного пленника в соседстве с острыми предметами. Но я не в обиде! Благодарствую за то, — с иронией прошептал Шилов и кинул мимолётный взгляд на находящегося до сих пор без сознания мужчину.

— Сейчас, братишка, скину оковы и поглядим, что там с тобой.

Освободив затёкшие руки и, разминая следы от верёвок, Василий прислушался к звукам во дворе.

Хлопнула входная дверь в хате, по крыльцу пробухали кованные сапоги, и, хлопаящие в грязи, шаги стали приближаться к сараю. Шилов опрометью метнулся на то место, где лежал до этого момента. Завёл руки за спину и лёг в прежнем положении. Створка отворилась.

— Эй, служивые! — не заходя в сарай, бросил в сумрак, без какой-то явной злобы, человек. — Как вы тут? Потерпите маненько. Его благородие скоро пригласят для беседы. Ну и нужду тогда справить, поди уж дозволят. А может и чего поснедать отломится. Я бы и сам вам принёс, дак накажут же.

Дверь неспешно закрыли, и шаги удалились.

Шилов прикрыл глаза. Подумал, что надо бы проверить, как обстоят дела с самочувствием у лежавшего рядом мужчины, но решил, что помочь ему всё равно сейчас ничем не сможет и тревожить его, приводя в чувства, вероятно, лучше не стоит. Пусть в отключке сил набирается. Согласившись со своими мыслями Василий попытался вспомнить, каким образом его, лучшего диверсанта страны Советов, мастера японских единоборств и прошедшего нехилую подготовку в училище воздушно-десантных войск, угораздило попасть в плен к белогвардейцам. В том, что он находится в плену и именно у казаков сомнений не было. Привести бы ещё голову в порядок. А то, что-то с памятью моей стало. Тут помню, тут не очень.

[1] Лобогрейка — простейшая жатвенная машина для уборки основных зерновых культур (ржи, пшеницы, овса, ячменя).

[2] Хупавый — гордый.

[3] «Стяс» — так в разговорной речи яицких казаков произносят слово «сейчас». Это связано с особенностью разговорной речи казаков — сокращениями слов за счёт пропуска гласных или согласных

[4] Присмачить — ударить по лицу.

[5] Журной — печальный.

Глава 2. 1916.

Заключительный аккорд завершившегося Съезда прозвучал поздно вечером, и для Василия он ознаменовался важным, в личном плане, событием.

Как неистово ни противились предложению Шилова Сталин и Ленин, тем не менее Василию удалось переубедить вождей и настоять на небольшом торжественном ужине, дабы отметить кончину многовековой монархии и рождение нового государства. Первый этап в череде намеченных планов по становлению Советской власти, строительству счастливой жизни всего народа страны, был завершён. И завершён он был, как и следовало ожидать, триумфально. Конечно, надо признаться, что изначально Василия терзали опасения, что самодержец всея Руси и прочая и прочая, Николай Второй, не наосмелится принять решение о своём отречении, но всё равно, вне зависимости от результатов общения Шилова с царём, общий настрой соратников на неминуемую, закономерную победу был оптимистичным, и это его одновременно радовало и беспокоило. Шапкозакидательские настроения до добра никогда и никого не доводили... Но... случилось, как случилось. Теперь Василий с товарищами на коне. Осталось этого коня объездить, усмирить, чтобы не встал на дыбы и не скинул седоков одним резким движением под копыта, да не растоптал.

Особо мудрствовать не стали. Чтобы не обременять милейшую Евдокию Николаевну приготовлениями праздничного стола, Василий и Шляпников заглянули в привычный им ресторан Соколова на Гороховой, восемь. Здесь они закупили готовые блюда и, оставив небольшой залог за пищевые тусеса, клятвенно заверив метрдотеля вернуть их не позднее чем к завтрашнему вечеру, отправились на извозчике в Кушелёвку.

Шилов сидел чем-то озабоченный и беспрестанно теребил меховую полсть [1], покрывавшую ноги пассажиров выше колен.

— Дружище, — неожиданно окликнул он кучера. — Притормози.

Пролётка остановилась. Шляпников в недоумении повернулся к Василию.

— Что случилось?

— Не случилось, успокойся. Нам надо с тобой заскочить в одно место. Просто необходимо это сделать, — пояснил Шилов и наклонился к извозчику.

— Илья, давай-ка правь в Виленский переулок, пятнадцать. К казармам «волынцев».

Илья был из активных сочувствующих и уже несколько дней находился на извозе у большевиков. Конечно, труд его оплачивали, но самое главное, что устраивало товарищей, он всегда был под рукой.

Запасной батальон лейб-гвардии Волынского полка размещался в казармах восемнадцатого сапёрного батальона. Шилова в данный момент интересовала учебная команда запасного батальона.

Доехали быстро. В казарменном дворе, гулко рубя плац подошвами сапог, «гусиным шагом» отбывали наказание с десятков солдат. Пятеро бегали по кругу и вопили, стараясь перерорать других:

- Я дурак! Я дурак! Я балда!

Василий вспомнил, что Волынский полк считался самым дисциплинированным в русской армии и выделялся на фоне других полков поистине «каторжной» дисциплиной и образцовым внешним видом солдат. Вбивая соблюдение аккуратности в мелочах, словно дрессируемое зверьё, заставляя делать лишь то, что положено, и только тогда, когда положено, доводя всё буквально до автоматизма, офицерский состав добивался от служащих подчинения их воли чужой. Правила были установлены жесточайшие. Почувствовал надобность посещения уборной — беги к отделенному с рапортом. Не надраил перед поверкой пуговицы, и они, по мне-

нию офицера, тусклые — получай наряд вне очереди. Не почистил не недоступную взгляду под бляхой скобу поясного ремня — вперёд, тренируйся «гусиным шагом».

Понаблюдав минуту сочувственным взглядом за происходящим во дворе и поняв, что в части отбой ещё, естественно, не играли, Василий, решительно открыв дверь, вошёл в здание. Дневальный, услышав звук открывающейся двери, весь подобрался, готовый ринуться на встречу командиру роты, так как дежурный по роте отлучился по естественным надобностям в сортир, но, завидев незнакомого прапорщика, остался на месте и гаркнул:

— Смирно! Дежурный по роте на выход!

Василий отдал честь знамени и окинул взглядом коридор казармы, который был пуст. Со второго этажа, по лестнице, оправляясь на ходу, спешно спускался унтер-офицер. Он пропечатал три шага перед Шиловым и, демонстрируя особую отчётливость в отдании чести, кинул руку особым отмахом — назад до отказа, по которому Император узнавал своих «волынцев» даже тогда, когда они, волею случая, служили уже в других полках, доложил:

— Господин прапорщик, дежурный по роте младший унтер-офицер Марков. Разрешите узнать цель Вашего прибытия?

Шилов ответно, без лихости, козырнул унтеру.

— Мне необходимо увидеть старшего унтер-офицера Кирпичникова.

Бравого вида, с некой неприкрытой дерзостью в глазах, старший унтер-офицер молодец-вато сбежал по ступенькам и вытянулся перед Василием.

— Старший унтер-офицер Кирпичников, Ваше благородие.

Шилов оценивающим взглядом окинул будущего «первого солдата революции», поддержавшего впоследствии Временное правительство за погоны подпрапорщика и переметнувшегося в дальнейшем к белогвардейцам для борьбы с большевиками за свободу народа. Но это было потом, а на данный момент Кирпичников был нужен Василию для претворения в жизнь намеченных планов. Проснувшиеся у него, на пике славы после вхождения в состав Петроградского Совета от Волынского полка, безмерная наглость и развязность, сейчас дремали где-то в глубине душевных закровов.

— Господин старший унтер-офицер, мне бы с Вами поговорить без лишних ушей с десятков минут.

Тимофей осмотрелся по сторонам.

— Давайте просто отойдём. Нам никто не помешает. Состав команды сейчас на втором этаже.

— Как скажете, Тимофей Иванович, — начал спокойным голосом Василий, — Вам виднее. Я, собственно, вот что хотел с Вами обсудить. Меня уполномочили именно Вас, Тимофей Иванович, первым из солдатской среды ознакомить с информацией, которая, возможно, я это допускаю, уже достигла и казарм волынского полка. Сегодня царь Николай официально отрёкся от престола. Вы что-либо слышали об этом?

Шилов отметил, как вытянулось от удивления далеко не исхудавшего вида лицо Кирпичникова. Он зачем-то, вероятно, инстинктивно, обернулся в сторону лестницы на второй этаж, кинул взгляд на дневального и только тогда вернулся глазами к Василию.

— Н-н-ет, нам таких сведений не поступало. Мы сегодня не покидали расположение, а сторонних никого не было. И господа офицеры новостью не делились. Так, ненароком прапорщик Горбатенко обмолвился, что в городе волнения непонятные, слухи разные ходят об каком-то ещё неизвестном решении Государя. А может и они не в курсе?

— Всё может быть, всё может быть. Ну, главное, что теперь Вы об этом знаете и узнали Вы самым первым в своей части. Так вот... Сегодня же сформировано народное советское правительство. Мне известны Ваша личная решительность и Ваш настрой больше не участвовать в расстрелах мирного населения. Я знаю о Вашем решении лучше умереть с честью, чем позорить себя народной кровью. Нам импонируют Ваши дерзость и непоколебимость. Я знаю о

Вашем намерении с Марковым и взводными, а также с командирами отделений, не участвовать в карательных операциях и о вашей готовности поднять бунт среди солдат.

— Погодите, Ваше благородие! — перебил Шилова Кирпичников. — Я, конечно, человек стойкий к разным неожиданностям и непоняткам, но не соблаговолите ли Вы объяснить по поводу Ваших знаний?

Василий ухмыльнулся. Он понимал состояние простого парня из старообрядческой крестьянской семьи, которому вот так вот на гора выдаются сокровенные его мысли.

— Конечно, конечно. Непременно. Только, давайте я вначале закончу, а Вы послушайте. Так на чём я остановился? Ах, да! Вами принято решение не выходить из казарм для умирения рабочих. Что же Вы так нервничаете, Тимофей Иванович? Не тушуйтесь, пожалуйста, я не провокатор, который, как самоубийца пришёл в расположение части и пытается вывести на чистую воду бунтаря. Признайтесь, всё, что я сказал, это же правда?

Кирпичников, сглотнув комок слюны, нервно кивнул.

— Поймите правильно, Тимофей Иванович, ситуация кардинально поменялась. Уже нет необходимости кого-то умирять. Теперь власть перешла к народу. Всё, она уже народная. Вот только эту власть надо защищать и укреплять. И поэтому я предлагаю Вам, как Вы и планировали с Марковым, поднять команду на один час раньше и побеседовать с рядовым составом. Объяснить им, что они присягали воевать с врагом, а не стрелять в свой народ. Сейчас на защиту новой власти встают и дружины рабочих, и примкнувшие уже к народу части некоторых полков, казачьих сотен. Нам бы очень не хотелось бы, чтобы в разговоре Вы оправдали своё прозвище «Мордобой», а провели беседу в команде спокойно, но убедительно. Подчинённые Вас уважают и, я уверен, что они поддержат Ваше предложение. Убедительная просьба, не расстреливайте офицеров. Даже вашего командира — штабс-капитана Лашкевича. Лучше произведите арест всех офицеров, запирайте их в каком-нибудь помещении, потом разберёмся с каждым из них по отдельности. Что же ещё я хотел сказать? Вот... Каптенармуса Носкова, в четвёртую роту фронтовиков, посылать не имеет смысла. На сегодняшний день у них сформировалось глубокое недоверие к вашей части и они питают вражду к учебной роте, за участие вашего подразделения в подавлении революционного движения. Они не пойдут на доверительное общение с Носковым.

Василий отметил, как у Кирпичникова глаза полезли от удивления на лоб, а челюсть поползла вниз.

— Откуда... Как... Я только с Марковым переговорил...

— Не волнуйтесь, — улыбнулся Шилов, наслаждаясь произведённым эффектом своих знаний.

— Вы же понимаете, что вас подслушать никто не мог, а Марков, после вашей беседы, практически от Вас не отлучался и что-то передать никому не мог. Это у меня такие способности имеются — видеть.

Василий выдержал паузу, давая возможность Кирпичникову обрести способность воспринимать информацию.

— Младшему унтер-офицеру Дреничеву прикажите с утра в цейхгаузе взять не предписанный, а весь запас патронов, — продолжил Шилов, заметив, что Тимофей смотрит уже более осмысленным взглядом.

— Подготовьте патронные двуколки. Один из пулемётов отрядите в моё распоряжение. За ним утром придут казаки. Второй останется у вас.

— Извините, — перебил унтер-офицер, — а Вы, собственно, кто? Вы всё время говорите «я», а вот я до сих пор не знаю, с кем вообще имею честь разговаривать.

Василий споткнулся на полуслове.

— Блин! Я разве не представился? Упустил. Специальный представитель председателя Совета народных комиссаров Чепаяев.

Оценив, что информация о важности его должности зашла Кирпичникову, и то, что по своему статусу он имеет полномочия разговаривать в подобном тоне, Шилов продолжил:

— Батальонный цейхгауз взломайте и вооружите четвёртую роту фронтовиков. Я от вас направлюсь к ним в казарму. Они примкнут к вам, это я Вам обещаю. Не поддержат вас лишь две подготовительные команды. Тут даже я бессилён... Таким образом, с тысячей фронтовиков у Вас будет уже внушительная сила почти в полторы тысячи штыков. Дальше задачей вашего соединения станет продвижение в сторону Парадной улицы. Там вы поднимете расквартированные в Таврических казармах батальоны «литовцев», «преображенцев», сапёров, ну и далее по остальным казармам. У «преображенцев» в четвёртой роте фронтовиков выйдете на связь со старшим унтер-офицером Фёдором Кругловым. Он поднимет своих. Только прошу лично Вас, удержитесь от практики «повязать кровью». Старайтесь быть предельно миролюбивыми. У «преображенцев» остерегитесь от убийства заведующего мастерскими подполковника Богданова. В любых частях действует единая установка — никакого самосуда. Исключительно арест офицеров без смертей. Вообще, получив новость об отречении царя все части вольются в ваши ряды. Ни к чему лишнюю кровь на себя вешать.

— Звучат Ваши речи, конечно, обнадеживающе, но однако всё это очень странно. Не думайте, я не трус...

— Я и не думаю, — не давая закончить Кирпичникову произнёс Шилов. — Напротив, я определённо знаю насколько Вы смелы. Я точно знаю, что Вы с армейскими товарищами, не кривя душой, прямо смотрите на своё будущее и понимаете, что в случае поражения, вас ожидает смерть. Но вы готовы идти на риск. Сразу же успокою Вас, а Вы уже успокойте своих однополчан, - поражения не будет. Монархия кончилась. Будет тяжело отстраивать власть народа, но правда на стороне народа, а потому победа народа неизбежна.

Василий обговорил ещё мельчайшие детали действий на завтрашний день, согласовал по времени выступление «волынцев» и распрощались с Кирпичниковым, как старые приятели.

Разговор в четвёртой роте фронтовиков вначале не клеился. Встретил Шилова подпорщик Смоляк, который даже слушать не пожелал, с какими намерениями казарму посетил незнакомый прапорщик. Он попытался поднять дежурную команду, чтобы выпроводить непрошеного гостя из помещения, но унтер-офицеры роты ослушались приказа и вежливо выжали самого Смоляка из коридора. Увидев решительный настрой своих подчинённых, Смоляк выпрыгнул в окно и рванул в батальонную канцелярию докладывать о произошедшем.

К Василию подошёл старший унтер-офицер с Георгиевским крестом на гимнастёрке.

— Старший унтер-офицер Буряк. Надеюсь, Ваше благородие, причина Вашего появления в расположении действительно серьёзная, и оно того стоит, что мы пошли на конфликт со своим командиром. Сами понимаете, чем это может для нас обернуться. Говорите, я Вас слушаю.

Шилов расстегнул шинель, обнажая свои награды. Буряк отметил это движение и ухмыльнулся.

— Ну а чего? — улыбнулся Василий, — Как я ещё докажу, что не тыловая крыса, а ваш брат окопник?

Шилов протянул руку унтер-офицеру. Тот не рядясь ответил.

— А чего же, брат фронтовик от продажных шкурок, которые выслуживаются перед офицерами ради унтерских нашивок, вышел? — мотнув головой в сторону казарм учебной роты, поинтересовался Буряк, подозрительно прищурясь.

— Вас как по батюшке?

— Александр Васильевич.

— Меня зовут Василий Иванович. Может быть, раньше и были в учебной команде стремления выслужиться до лычки, но всё уже в прошлом. Сегодня они приняли сторону рабочего класса. Встали на защиту новой власти, народной. И потому я пришёл к вам с просьбой, чтобы

вы поддержали их. В роте у них всего около четырёхсот штыков. С вашей тысячей — это уже сила. Можно серьёзный отпор дать в случае каких-нибудь неприятностей.

— Какая такая новая народная власть? О чём речь?

Шилов вкратце рассказал унтер-офицеру о событиях минувших двух дней. Буряк озадаченно почесал затылок.

— В сам деле? Не брешешь?

— Нет, ну ты погляди на него. Брешешь... Такими вещами, брат, шутить грешно.

Василий достал из планшета фотографию царского Манифеста об отречении. Какой же он всё-таки умничка, что догадался озадачить фотографа скоренько отпечатать несколько экземпляров с важнейшего документа. Не будешь же повсюду таскать с собой оригинал исторического документа. Унтер бегло пробежал глазами по тексту, посмотрел на Шилова, прочитал ещё раз и вернул фотографию хозяину.

— Ну коли так, то конечно... Думаю, что наши фронтовики поддержат. Только проблема имеется. Ты ведь, наверное, в курсе, что четвёртые роты запасных батальонов считаются самыми неблагонадёжными, к карательным акциям нас не привлекают и оружия у нас нет. Как быть? С кулаками в бою добывать у возможного противника?

— Я уже распорядился — «учебники» вскроют батальонный цейхгауз и вас вооружат.

На все разговоры у Василия ушло около получаса.

Шляпников, дожидавшийся Шилова в пролётке за воротами казарменного двора, заметив его выходящим из четвёртой роты, подпрыгивая на месте, энергично замахал руками, стараясь привлечь внимание. Василий огляделся с опаской по сторонам. Провинившиеся уже закончили курс «воспитания» и удалились с плаца в казарму.

«Чего он там скачет, как взбесившаяся вошь? Блаженны прыгающие, ибо они допрыгаются».

Не обнаружив ничего подозрительного, Шилов подошёл к Александру Гавриловичу.

— Василий, только что офицер пробежал в казарму. По виду очень разгневанный.

Шилов опрометью кинулся в казарму учебной роты. Он понимал, что сбежавший через окно из четвёртой роты подпрапорщик Смоляк уже успел настучать офицерам в канцелярии батальона и сейчас в распоряжение, для разборок со своими подчинёнными, явился никто иной, как штабс-капитан Лашкевич.

Дневальный молча, одними глазами, указал Василию на второй этаж, подсказывая, где находятся Кирпичников и только что прибывший командир. Собственно, этой немой помощи и не требовалось. Крик офицера, словно пугаясь самого себя, стремился вырваться на свободу, сбежать от инициатора воплей и скатывался с радостью на первый этаж, растекаясь сразу по коридору в разные стороны, где спокойно опадал и затихал.

Лашкевичу было двадцать пять лет. Он был молод, амбициозен, беспощадно требовательным начальником и великолепным строевиком. Команда им была вымуштрована до полного автоматизма, рефлексивных, почти бессознательных действий. Но сейчас эта безропотная машина исполнительности сломала привычное повиновение и всколыхнула из глубин души каждого потуги к самостоятельности и инициативности.

— Кирпичников, я требую объяснений, что здесь происходит?

Тимофей не успел ответить, как на вопрос откликнулся младший унтер-офицер Марков.

— С этого часа солдаты в народ стрелять не будут.

— Что-о? — хватаясь за кобуру, Лашкевич двинулся к Маркову.

Унтер спокойно взял винтовку на «руку» и направил штык на ход офицера.

— Вы... быдло... вы что себе позволяете? Бунтовать вздумали-и? — вначале штабс-капитан бурлил словами свистящим шёпотом, а в конце перешёл на визг.

— Всех под арест. Под трибунал. Вы... Допрыгались! Сейчас же выдать мне зачинщиков. В противном случае я доложу командованию и расстреляют всех.

— Иван Степанович, будьте благоразумны, — вклинился в истошное визжание Шилов.

Лашкевич резко повернулся на голос. Глядя на по-девичьи румяное, круглое лицо с ясными добрыми большими серыми глазами, никто бы не смог даже предположить, что оно принадлежит человеку жёсткому, беспощадному.

— Умерьте свой офицерский снобизм, — продолжил Василий, спокойно подходя к офицеру.

— Кто таков? Дежурный! Почему посторонние в расположении? Что за бардак?!

Шилов безнадежно вздохнул и, махнув рукой, обратился к Кирпичникову:

— Тимофей Иванович, определитесь по помещению, куда будете размещать арестованных офицеров. Не унижая их достоинства, подберите что-нибудь приличное. Без окон. Сейчас ещё двое, нет, трое должны появиться.

Василий подошёл вплотную к Лашкевичу, который в бешенстве вращал глазами и хватал ртом воздух.

— Господин штабс-капитан, сдайте Ваше оружие. И без глупостей, пожалуйста.

Офицера обступили двое солдат с винтовками на перевес, направив штыки непосредственно в грудь командира. Лашкевич затравленно оборачивался по сторонам, словно надеялся получить поддержку хоть от кого-нибудь из его подчинённых, стоявших в шеренгах. Безуспешно. Он всем был безразличен. Горестно выдохнув, штабс-капитан вынул из кобуры револьвер и протянул Шилову. Василий принял оружие и сделал отмашку конвойным.

— Ну вот что, товарищи! — обратился Шилов к солдатам, смотря при этом на Кирпичникова.

— События неожиданным образом ускорились, и потому спать сегодня, вероятно, спокойно не придётся. Тимофей Иванович, организуйте оборону. Расставьте солдат по казарме. Определите место для пулемётов. Это на всякий пожарный случай. Будем надеяться, что против вашего подразделения никто сегодня не выступит. Отправьте кого-нибудь вскрыть цейхгаузы и вооружите четвёртую роту. Они с нами.

— Смирно! Дежурный по роте на выход! — раздался с первого этажа крик дневального.

По лестнице поднимались прапорщики Колоколов, Качура и Воронцов-Веньяминов. Колоколов у солдат пользовался уважением, и его приветствовали как обычно. Остальных офицеров тут же окружили пары конвойных. Приказ о сдаче оружия они восприняли без пререканий, определённо не понимая, что здесь происходит.

— Ну всё, братцы! Мне пора. Готовьтесь, держитесь, — обратился к шеренгам Шилов. — Тимофей Иванович, утром, как и договорились, придут казаки, а ты выдвигайся в сторону Парадной. Мимо батальонной канцелярии не рискуй. Офицеры теперь оповещены Смоляком и готовы. Можете под пулемётный огонь попасть. Лучше обойти их.

Вдруг на первом этаже раздался непонятный шум, топот сапог бегущего человека и тут же разнёсся сдавленный крик:

— Сто-ой, су-ка-а!

Резко хлопнула входная дверь. Марков кинулся к окну, быстро распахнул створки и навскидку выстрелил. Василий подбежал к нему и выглянул на улицу. На земле ничком лежал убитый Лашкевич.

— Дурак, — в сердцах плюнул Шилов. — Как есть — дурак. Мог бы жить.

«А Михаил стрелок отменный», — взял на заметку для себя Шилов.

На второй этаж, держась за разбитый нос, поднялся солдат. Кирпичников в ярости подскочил к нему и хотел было уже добавить нерадивому охраннику, но передумал.

— Он попросился к Вам, поговорить с господином прапорщиком. А как вышел в коридор, саданул мне в нос и побежал, — оправдывался солдат, зажимая ноздри, не давая бежать крови.

— Чего уж теперь, — махнул рукой Тимофей. — Всё, назад дороги нет. Первая кровь офицерская пролилась.

[1]Покрывало для ног в экипаже

Глава 3. Год 1916.

В доме у Евдокии Николаевны собрались люди исключительно приближённые к дражайшему телу Шилова, а говоря по простому, посвящённые в тайну его невероятного межвременного переноса. Рассаживались соратники за столом с шутками и прибаутками, беззаботно балагурия и делясь впечатлениями прошедшего дня. Незаметно наступила естественная расслабленность, присущая человеку, выполнившему тяжёлую работу. Василий дождался, когда все надёжно обосновались на своих местах за столом, и постучал вилкой по бокалу, призывая соратников к вниманию.

— Друзья, не будете ли вы так любезны, уделить минуточку своего времени в потоке ваших восторгов для огласки информации?

Не сразу, но установилась относительная тишина. Лишь из кухни, где Евдокия Николаевна разогревала доставленные из ресторана блюда, доносились звуки шкворчания масла на сковороде.

— Мы с Александром Гавриловичем только что побывали в полку у «волынцев». Ситуация повернулась неожиданным образом, и теперь учебная команда, а также четвёртая рота фронтовиков — на нашей стороне и с утра приступят к выполнению намеченного мною плана по привлечению других подразделений и освобождению города от непримиримых сторонников монархии.

Соратники возбуждённо загудели, стали переговариваться друг с другом, обсуждая свежую новость и высказывая восхищение новым успехам Шилова. Южин подошёл к Василию и похлопал его по плечу.

— Ты как всегда с победой, Василий! Уже даже не интересно. И осторожность, чувство опасности уходит в сторону. Будто заранее знаешь, Чепаев оградит. Чепаев поможет. Чепаев подскажет. С Чепаевым нас ждёт только Виктория, триумф!

Шилов улыбнулся и вновь постучал по бокалу, требуя тишины.

— Товарищи, прежде чем нам приступить к поздравительным тостам, разрешите мне поднять один рабочий момент. Для меня он, скажу откровенно, очень важен.

Василий выдержал паузу, следя за реакцией товарищей. Кто-то кивнул в знак согласия, кто-то просто махнул рукой, мол, валяй.

— Сегодня у меня состоялся прощальный разговор с сознанием Чепаева.

Товарищи с нескрываемым интересом посмотрели на Шилова. Уж как не им было известно, что Василий Иванович давненько не выходил на связь с их соратником.

— Да, друзья, это случилось. Он пришёл и... он ушёл. Всё. Больше его со мной нет. По сути, от Чепаева у меня осталась только его фамилия. Если вы не заметили, то я обращаю ваше внимание на одну деталь — усы Чапаевские я слегка подкорректировал. Подстриг. Убрал завитушки-вензеля. Я — совершенно другой. И внешне, и внутренне. Поэтому обращаюсь к вам с убедительной просьбой: верните официально мне мою фамилию по рождению. Да, она из той моей жизни, но она моя. Я с ней прожил двадцать четыре года и отказываться от неё не планировал. И не планирую. Чтобы не вызывать ненужный интерес и не смущать других товарищей, которые привыкли и знают меня как Чепаева, предлагаю фамилию Шилов оформить как партийный псевдоним.

Василий, пытаясь понять реакцию товарищей, обвёл всех вопросительным взглядом, но их лица были непроницаемы. Они ожидали продолжения.

— Слушайте, собственно говоря, чего я тут перед вами коленца выписываю? Среди вас по пальцам одной руки можно пересчитать, кто носит свою настоящую фамилию. Сидят они, молчат. Смотрят. Мне... нужна... моя... фамилия. Возражения есть?

Как и ожидал Василий, его запрос возражений не вызвал. Сидевшие за столом предки, трезво рассуждая, прекрасно понимали, что, по большому счёту, в теле стоявшего перед ними товарища находится не Василий Чепаяев, а абсолютно другой человек. Просьбу Василия удовлетворили единогласно, от души поздравили его с обретением своей истинной фамилии и, окрылённые успехом завершившейся полуторамесячной работы, перешли к тостам в ознаменование своей победы над монархией и по случаю образования советского государства.

На следующий день маховик правительственных инициатив закрутился на полную. Гвалт в доме стоял невероятный, как при перебранке тёти Розы со всем двором в Одессе. Складывалось впечатление, что собравшиеся в помещении сообща впервые решают насущные проблемы и не ведают об элементарной дисциплине. Каждый стремился высказать свою точку зрения о приоритете декретов. Перебивая друг друга, они доказывали значимость того или иного направления. Василий удручённо наблюдал за разгорячёнными словесной пикировкой соратниками. Устав от этого неуправляемого, неуправляемого хаоса, он неожиданно пронзительно свистнул. Гам сразу оборвался.

— Товарищи! Давайте не будем устраивать дискриминацию тем, у кого голос не имеет таких заоблачных децибелов, как у некоторых. Давайте будем тактичными, деликатными по отношению друг к другу и станем высказывать свои варианты по очереди. Мы же все прекрасно понимаем, что какого бы вопроса мы с вами не коснулись, он окажется первостепенным. Мы элементарно сами не знаем, за что хвататься в первую очередь. Для нас сейчас всё важно. Поэтому предлагаю, для старта, по тем направлениям, на которые мы ещё не определились с кандидатурой человека на должность, закрепить временно по каждой отрасли ответственного товарища и пусть он решает задачи. А по результатам его работы поглядим, возможно, что именно он в последствии и будет утверждён на Наркомат. Что же касается моего мнения, то я считаю, что на сегодняшний день перед нами стоит важнейшая стратегическая задача немедленного решения проблемы вероятного развала армии. Массового оставления солдатами своих частей. Их исхода по домам. Нам никак нельзя допустить, чтобы фронт оголился. Если это, не дай Бог, случится, немец парадным строем пройдёт по нашей земле и остановится там, где сам сочтёт, что всё, достаточно. И тогда все принятые нами декреты, за первоочерёдностью которых вы сейчас глотки дерёте, можно будет использовать в качестве бумаги в сортире.

В горле запершило, и Шилов, сделав глоток компота, посмотрел на своих товарищей. Какого-либо явного неприятия его слов на их лицах он не обнаружил. Слушали внимательно, тут же, по ходу его речи, анализируя озвученные Василием моменты.

— Стабилизируем линию фронта, и вот тогда станем спокойно наводить порядок в стране, заниматься подготовкой декретов, связанных с развитием индустрии, аграрного сектора и прочего. Не забывая при этом ни на минуту о неизбежной гражданской войне.

— Вы, Василий Иванович, не горячитесь. Мы все понимаем важность момента, — наливая себе чай, произнёс Ленин и уставился хитрыми, насмешливыми глазами в Шилова. — У Вас есть конкретные предложения?

Василий окинул цепким взглядом по отдельности каждого из присутствующих. Все напряжённо смотрели на него и ждали его ответа.

— Выбор для нас, друзья, очевиден. Войну на два фронта нам не вытянуть. Потеряем страну. Интервенты порвут нас, как тряпку на портянки... Предложения у меня, конечно, есть. Прежде всего, Владимир Ильич, необходимо сейчас же выпустить Постановление о назначении Марка Тимофеевича Елизарова [1] Народным комиссаром путей сообщения. И не машите так руками, здесь комаров нет. Это никакое не кумовство. Товарищ Елизаров действительно ценный сотрудник, компетентный специалист. Он объективен и потому уважаем во всех кругах. Уверяю Вас, что он успешно ликвидирует коллапс и саботаж на железной дороге. Вы же отлично знаете, что он железкой занимается уже порядка четверти века. Прекрасно разбирается в кадровых вопросах, проблематике отрасли в целом. Вызвоните его, пожалуйста, и при-

гласите сюда. Он должен подписать приказ и разослать по всей территории России телефонограммы.

«По всей сети. Всем начальствующим. Военная. По поручению Совета Народных Комиссаров сего числа занял Народный комиссариат путей сообщения и объявляю следующую приказ председателя СНК: «Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху во всех областях государственной жизни, оказалась бессильной и повержена. Совет Народных Комиссаров взял в свои руки управление государством. Обращаюсь к вам от имени Отечества — от вас теперь зависит спасение Родины. Движение поездов должно поддерживаться непрерывно с удвоенной энергией. Страна ждет от вас больше, чем исполнение долга, — ждет подвига... Слабость и недостаточность техники на русской сети должна быть покрыта вашей беззаветной энергией, любовью к Родине и сознанием своей роли транспорта для войны и благоустройства тыла.»

Думаю, что для подготовки Постановления о назначении и на звонок Вам хватит двадцати минут. Если так случится, что меня не будет в момент приезда Марка Тимофеевича, поясните ему, пожалуйста, что с прежним профсоюзом железнодорожников общих дел иметь не стоит. Он будет находиться в оппозиции нам, так как профсоюзные воротилы склоняются к поддержке эсеров. Пусть товарищ Елизаров сразу же озаботится об образовании нового, советского профсоюза железнодорожников.

Следующее, что нам следует сделать, так это оформить вот такое Распоряжение:

«Обязать действующие типографии выделить 15% из имеющихся стратегических бумажных запасов для выпуска агитационных материалов. Солдатским комитетам провести индивидуальную раздачу листовок и воззвания главнокомандующего.» Текст агитки должен звучать следующим образом: «Покинешь фронт — рабами у врага будут твои родители, жена и дети! Мир добывается силой!»

Листовки, по мере подготовки, следует разослать по фронтам. Западный фронт сейчас готовит основной удар из района Молодечно на Вильно. Северный фронт будет осуществлять вспомогательный удар в направлении Двинск-Вильно. Юго-Западный фронт планирует наступать на Луцк-Ковель и нанести встречный удар во фланг вражеской группировки. Там их и надо выпепить. Командующие, естественно, распространять наши агитки не будут и более того, станут всячески препятствовать этому. Поэтому следует подключать солдатские комитеты. Озадачьте кого-нибудь, кто может заняться данным вопросом.

— О, раздухарился! Кутузов, не меньше! Как из пулемёта приказы настрочил, — хохотнул Фрунзе.

— Да, вот такие мы! Чего могём, того могём! — в тон ему ответил Василий и, обращаясь к Ленину, продолжил:

— А после этого, Владимир Ильич, собирайтесь и поедем-ка мы с Вами сегодня к генералу Брусилову. Не будем обижать старика вызовами к себе. Окажем почтение его заслугам. Как Вы помните, царь своим Указом, перед отречением, назначил Алексея Алексеевича Главнокомандующим. И это решение никем не отменено. Для действующей армии генерал является высшим начальником.

— И какую цель мы преследуем, нанося данный визит? — поинтересовался Ленин. — У нас что, нет товарищей, которые бы возглавили военное ведомство? Каким бы уважаемым человеком ни был Алексей Алексеевич, но он — царский генерал.

Василий прикрыл ладонью глаза.

— Свои товарищи у нас имеются. И один из них находится здесь. Это — Михаил Васильевич. Но, Вы верно подметили, что генерал Брусилов — уважаемый человек. Его в армии не просто уважают, к его словам и мнению прислушиваются. И вот именно эти его характеристики нам и необходимо использовать для удержания солдат в окопах.

— И где же его искать прикажете? — поинтересовался Ленин.

— Ну Вы же знаете, что он прибыл на приём к царю с фронта. Так вот, остановился он в Петроградской военной гостинице, то бишь, в «Астории».

— А вдруг он уже убыл из города? — высказал опасения Фрунзе. — Какой смысл ему задерживаться в столице? Про назначение он не знает.

— Не думаю... Хотя, можно позвонить и убедиться...

Василий задумался. Товарищи не вмешивались в процесс мозгового штурма соратника.

— Андрей Сергеевич, — обратился он к Бубнову, — у меня к тебе просьба: позвони в Москву. Пусть товарищи срочно освободят из Бутырки Дзержинского и направят его в Петроград. Он мне по-зарез необходим. И ещё вот что, друзья, — до конца не вырвавшись из плена раздумий, протянул Шилов, — вы не задавались вопросом, где брать кадры? Ведь для того, чтобы производство работало, нужны управленцы. А откуда они появятся? Надо по всем партийным ячейкам всех предприятий и производств разослать Постановление, в котором озвучить: ко всем действующим управленцам во всех сферах приставить представителя из народа. То есть, у каждого директора рядом должен находиться народный директор, который участвует в работе учреждения, проходит обучение и подчиняется только народной власти и никому больше. Пока подрастут новые кадры, думается, что такой вариант может быть приемлемым. А дальше видно будет. Если старый управленец вольётся в систему, пусть трудится дальше на благо народа. Но при малейших признаках саботажа его ждёт наказание по совокупности за всё: и за прошлое, и за вновь сделанное. И это — не слабость и мягкотелость. Люди — это ресурс. Как нефть, золото или алмазы. И им нельзя преступно, неосмотрительно разбрасываться. Без управленцев-практиков мы ничего не добьёмся. Управленцами не рождаются, ими становятся. Надо идти вперёд! Оставаясь с мстостью в прошлом, ты обрекаешь себя остаться без будущего! С ненавистью в душе нельзя построить светлое и справедливое будущее! Мразями пусть занимаются спецслужбы! Общую формулировку я вам высказал, а уж конкретно на бумагу положите сами. Но не откладывая в долгий ящик. Прямо сейчас займитесь и доведите циркуляром до каждого партийца на заводах, фабриках и так далее...

— Скачешь с одной темы на другую, как кузнечик с кувшинки на кувшинку, — усмехнулся Бубнов. — Сделаем, если уж так необходимо.

— Я и сам понимаю, что хочу объять необъятное. Но хоть так, рывками, но есть возможность давать направления к действию. Иначе профукаем всё. Не могу же я один находиться везде и разруливать все направления, - горестно вздохнул Шилов.

* * *

... Алексей Алексеевич не выказал удивления при появлении представителей правительства нового государства. Встретил он их в домашнем халате, вежливо пригласил пройти в зал, присесть в удобные кресла, оставшись стоять, и, устало улыбнувшись, полюбопытствовал:

— Я так понимаю, господа, ваш визит связан с моим недавним знакомством с одним очень занятым подполковником? Если не изменяет память, — Михайлов. И как продолжение той встречи, предвижу от вас предложение поступить на службу новому правительству.

— Уважаемый Алексей Алексеевич, Вы абсолютно правы, — с ноткой смущения, обратив боковым зрением внимание, что с сапог в прихожей уже натекло на половик, произнёс Василий.

Брусилов, проследив за косым взглядом Шилова, понимающе, с одобрением, ухмыльнулся. Он отметил для себя, если человека заботят такие мелочи, как лужа растаявшего снега на полу от его обуви, то можно быть спокойным, — с совестью у него всё в порядке.

— Мы прибыли к Вам с предложением возглавить Генеральный штаб Красной Армии. Император в день отречения жаловал Вас на должность Главнокомандующего...

В этот момент Брусилов удивлённо вздёрнул брови. Известие его изумило.

— Да, да! Именно так, — подтвердил свои слова Шилов. — Указ о Вашем назначении у нас на руках.

Он открыл офицерский планшет и достал из него царский документ. Однако генерал не проявил к бумаге ни малейшего интереса.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Но мы бы хотели оформить Ваше переназначение, - подключился к разговору, до этого момента хранивший молчание, Ленин. — Так сказать, начальником, извините, становится наш товарищ, а Вы, как профессионал, возглавляете мозг армии.

Заметив, как Брусилов задумчиво вздохнул, Василий подался всем телом вперёд в его сторону.

— Алексей Алексеевич, если Вы не готовы поступить на службу советской России, то у нас к Вам есть убедительная просьба: окажите услугу, которая может стоить миллионов жизней русских солдат и независимости страны.

Генерал медленно, словно прислушиваясь к какой-то внутренней боли, присел на диван.

— Меня не пугает ответственность, и мне приятно, что мои знания вами достойно оценены. Я польщён вашим предложением. Мне известны убеждения солдат, которые сложились у них в умах на фронте. Они, да и я с ними солидарен, убеждены, что при существующем управлении армией, что ни делай, толку не будет. И многие в окопах задумываются: за что же жертвовать своей жизнью, не лучше ли сохранить её для будущего? [2]...Для принятия решения мне понадобится некоторое время. Не думаю, что это будет длительный срок. Возможно, это произойдёт сегодня, и даже в процессе нашей беседы. Что же касается вашей просьбы об оказании некой услуги, то я вас предельно внимательно слушаю. Чем смогу, тем помогу. Тем более, когда дело касается жизни русского солдата и моей Родины.

Василий вновь полез в планшет и достал ещё один лист.

— Скажу откровенно. В наших планах — привлечь Вас в формате агитации, как популярного военачальника с именем. Не стану лукавить, Вы нужны нам как знамя, под которое пойдут многие генералы. Появление Вас в наших рядах обязательно окажет влияние на колеблющихся офицеров. Подпишите, пожалуйста, обращение к офицерам действующей армии. Возможно, оно заденет за живое и тех, кто находится в резерве. Приношу извинение, сам текст в черновую, я накидал. Позвольте Вас с ним ознакомить.

«Господа офицеры! Я знаю, что такое воинский долг и военная присяга. Что такое честь офицера. Я не призываю вас изменить своей присяге. Вы служите своей Родине. Не одному царю, а всему народу страны. В этот критический исторический момент нашей народной жизни я, ваш старший боевой товарищ, обращаюсь к вашим чувствам любви и преданности к Родине. Взываю к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их вам ни нанёс. Идите добровольно с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию — на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской Рабоче-Крестьянской России вас ни назначило. Служите там не за страх, а за совесть, дабы своею честною службою, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогу нам Россию. Не допустите её расхищения, ибо в последнем случае, она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою Матушку-Россию. Император от трона отрёкся. Пора нам всем забыть о трёхцветном знамени и соединиться под красным».

Брусилов встал с дивана, потянулся руками, чтобы оправить халат, позабыв, вероятно, что на нём нет мундира.

— Я подчиняюсь воле народа — он вправе иметь правительство, какое желает. Не знаю, чего можно ожидать от новой власти, и отдаю себе отчёт, что в будущем я могу не соглашаться с отдельными положениями, тактикой советской власти, но, признавая здоровую жизненную

основу, охотно отдаю свои силы на благо горячо любимой мною Родины. Принимаю ваше предложение, господа.

[1] Первый народный комиссар путей сообщения РСФСР. Муж Анны Ильиничны Елизаровой-Ульяновой — старшей сестры Владимира Ильича Ленина.

[2] Из мемуаров А.А. Брусилова.

Глава 4. Год 1916.

Казаки бесцельно слонялись по казарме. Собирались в небольшие группки и обсуждали произошедшие за последние дни события, гадали о возможных последствиях их помощи большевикам, поддержки и о том, как может сложиться дальнейшая жизнь, если новое правительство всё-таки удержится у власти. Какие перемены ожидать казакам? Это праздное шатание расхолаживало и могло сказаться на общей дисциплине. Филатов ломал голову над тем, чем же загрузить, озадачить своих подчинённых. Шагистикой изнурять людей ему и самому претило. Оружие почищено на десять раз. Кони обихожены.

Появление Шилова несказанно обрадовало казака. Он понимал, что просто так этот человек не посещает казармы.

— Тю! Друзёк! [1]Али ак табе ноне назвать? Ты, витютень, [2] высоко взлетел. Державу [3]держишь. Войсковой атаман [4]поди жа сровни табе? На-час, [5]али ?

— Здорово дневал, Макар Герасимович! Али, али, егупетка, [6]— засмеялся Василий, но тут же оборвал смех и серьёзным, испытующим взглядом посмотрел на подхорунжего.

— Минуткой, боюсь, не обойдёмся. Пришло время, Макар Герасимович, казакам слово верное сказать: на чьей стороне они и готовы ли супротив обратной стороны братья оружием [7]? Ответ нужен сейчас. С теми, кто поддержит нас, заедина пойдём разговоры разговаривать с упёртыми сторонниками самодержавия. Не исключаю, что уже сегодня придётся применить оружие.

Подхорунжий тревожно вздохнул. Окинул взглядом притихших казаков.

— Сотня-я! В две шеренги — становись!

Забухали по настилу сапоги и сотня споро построилась. Шилов вышел на середину и молча вглядывался в глаза казаков. Они стояли гордо подняв подбородки и недвусмысленно давали понять, что это бравое войско запугать чем-либо очень проблематично. Они готовы ко всему.

— Здорово дневали, братья казаки! — поздоровался Василий.

Строй дружно гаркнул:

— Здравия желаем, господин прапорщик.

Это было уже не то, братское, товарищеское общение, во время их первой встречи с Шиловым, когда они размышляли о жизни и слушали его песни. Теперь казаки понимали, что предстоит разговор с прапорщиком, как с представителем власти.

— Казаки! Мне нет нужды рассказывать вам о событиях, которые произошли недавно. Вы сами наблюдали за Съездом, помогали с организацией помещения и осуществляли охрану делегатов. Вы одними из первых узнали об отречении царя. Теперь у нас с вами наша, новая, народная власть. Она только родилась. Её ещё даже в пелёнки завернуть не успели. И вот этого младенца могут лишить жизни те, кто не принимает конец монархии. Кому власть народа — что кость в горле. Капитал не имеет границ и Родины. Для него Родина там, где он может набить свой карман. Он предаст любого за тридцать сребреников. Он всегда найдёт, за счёт кого получить доход. Ему без разницы, под пятой какого супостата будут пахать работяги. Придёт ли германец или кто иной, капитал с ними договорится. Рабочие и крестьяне останутся те же, русские. И будет капитал богатеть. За ваш счёт, казаки, тоже. Я призываю вас принять решение, на стороне капитала будете вы, или пойдёте в одном строю с народом России. Понимаю, что решение сложное. Но у вас было время на подумать. Вы наверняка обсуждали промеж себя о свершившемся и уже имеете какое-то мнение. Ответ мне нужен сейчас.

Филатов вышел перед Шиловым и, подняв руку, призвал к тишине, обрубив зарождавшийся гам.

— Братья казаки! Гутарю вам не как командир ваш, а как брат казак. Моё внутреннее, кака моя мысль. Скажу так: понимаю, што надобедь за энтать пакумечить [8]... одну минуту. Жданковать [9]нету часу. Противить не стану. Воля казака — яво воля. Кто за народ — становись десно [10]. Кто не готов — наспроти [11]. Упреждаю, кто со мной — должны прямить [12]советской, народной державе. Ятно [13]?

Казаки не стали дожидаться окончания выделенной для раздумий минуты и дружно, толкаясь, двинулись в правую сторону. На месте остались, переминаясь с ноги на ногу, с неприкрытой злостью смотрящие на своих сослуживцев, человек пятнадцать.

— Добря! — кивнул подхорунжий.

— Вы, казаки, таперича, сами по сабе! Берите коней, оружие и покиньте часть, — обратился он к принявшим иную сторону.

Двое из этих казаков, с опаской оглядываясь на унтер-офицера, стоявшего во главе «отщепенцев», перебежали на сторону большинства и скрылись за спинами товарищей.

— Благодарю, братья казаки! Вы трохи абаждите, мне с товарищем Филатовым потребно в четвертый Донской на скорях сбегать.

В сотнях подъесаула Кузюбердина и хорунжего Генералова ситуация сложилась аналогичным образом. Краткое выступление Шилова, добавочные слова командиров и основная масса казаков встала на сторону трудового народа. Не решившихся, или пожелавших поддержать сторонников самодержавия, набралось в общей сложности, человек сорок. Разбираться, душой ли, осознанно ли сделан выбор основным составом сотен или повлиял авторитет подъесаула и хорунжего, которые однозначно высказались за защиту народной власти, Василий не собирался. Кузюбердин и Генералов лучше знали своих людей и могли определиться, насколько искренне казаки выстраивались по правую руку от них. К противникам у Шилова претензий не было. И злобы, на то, что не вняли его словам. Откровенно говоря, он ожидал даже худшего результата. Казаки — это не простой крестьянин. Это особый социальный и военный слой. Василий помнил, как скептически настроено к большевикам было казачество. Желание сохранить свою историческую независимость, своё самоуправление и традиционные ценности, приверженность к помещичьему землевладению вылились в протестное противостояние советской власти, стремившейся ликвидировать казаков как культурную, этническую общность. Так что, смотря на количество не откликнувшихся на призыв самого Шилова и командиров сотен, Василий был несказанно рад. Конечно, он также понимал, что в будущем есть вероятность переосмысления у некоторых, избравших сейчас сторону новой власти и переход их в стан противников, но он ставил своей задачей не допустить совершённых в его истории большевиками перегибов в отношении к казачеству и сохранить тот изначальный выбор казаков, который они сделали только что. И не только этих сотен, но и всего казачьего войска. Укрепить в их сознании, что власть большевиков не враг им, а к управлению пришли именно те, кто не посягнёт на казачьи устои. В чём-то казачеству всё же придётся поступиться, но огульного расказачивания Василий не допустит.

— Ну что я могу сказать, братцы, — отойдя с Филатовым, Кузюбердиным и Генераловым в сторону, произнёс Шилов, — я удовлетворён результатом нашего разговора с вашими казаками. Теперь давайте обсудим ваши задачи на сегодняшний день. Феодосий Терентьевич, отправь в учебную роту «волынцев» подводу с парой казаков.

Василий внезапно осёкся и посмотрел на товарищей.

— Ёкарный бабай, ну вот скажите на милость, как себе в лоб кулаком не зарядить? Совсем упустил. Братцы, у кого в сотне есть путёвый пулемётчик?

Генералов, не раздумывая, выдвинулся вперёд.

— У меня урядник Кудимов брал призы в полку по стрельбам. И из «Максима», и из «Кольта».

— Так и мой Небыков от твоего не отставал. Почитай, делили награды, — с недовольным видом заявил Кузюбердин.

— Но мой-то всё равно поточнее пули втискивал в мишени, — востропел с настроем поспорить Генералов.

— Ну-ну! Вы ещё подеритесь, горячие финские парни! — остановил их эмоциональную вспышку Шилов.

— При чём тут финские парни? — не понял Кузюбердин.

— Забей! — отмахнулся Василий, в уме звезданув себя кувалдой в лоб.

«Опять лезешь со своими словечками, придурок».

— Каждому пулемётчику работа найдётся, не переживайте. Каждый будет иметь возможность себя показать. Отличиться. Значит, Феодосий Терентьевич, отставить отправку своих к «волынцам». Поедет Кудимов и его второй номер. Пусть найдут Кирпичникова Тимофея Ивановича, представятся от меня и получат пулемёт «Кольт» с патронами. Также пусть захватят с собой унтера Маркова. Он мне нужен. А вы все готовьте сотни на боевой выход. Как положено. При полной выкладке. С максимумом патронов.

В казарме у Кузюбердина Шилов минут на десять задержался у телефонного аппарата. Мозг начинал закипать. В памяти всплывали всё новые и новые моменты революционных событий из его истории. Как обхватить необъятное? Понимание того, что один он не вытянет, накатывало снежным комом. Это понимание превратилось в тонкие стены, но стены тюрьмы. Он словно бился в них, задыхаясь от недостатка живительного воздуха, стараясь добраться до такого близкого, но недоступного и зарешёченного окна. Он прекрасно видел перед собой ориентиры, которым следует уделять внимание сейчас и в дальнейшем, понимал, от чего нужно отталкиваться, но он также прекрасно осознавал, что необходимо скинуть с себя часть проблем на других или в ближайшее время отбросит копыта. Боливар столько не вывезет. Тут уже речь не о двоих, а гораздо о большем. Разговор с Потаповым был лаконичным, но содержательным. Даже по тому, насколько быстро отреагировал полковник на телефонный звонок, можно было сделать вывод о том невероятном внутреннем напряжении, в котором находился представитель Генерального штаба.

— Николай Михайлович, здравствуйте! Времени в обрез, поэтому перехожу сразу к делу. Надеюсь, что необходимые действия, намеченные нами ранее, вами запущены и группы приступили к выполнению определённых для них задач?

— Здравствуйте, Василий Иванович. Подробно распространяться о проводящихся в данный момент операциях не стану. Отвечу кратко. Можете не сомневаться — все намеченные пункты будут выполнены точно в срок. Мы не подведём.

— Собственно, у меня никаких сомнений в отношении ваших спецов не было. Более того, у меня возникли некоторые мысли, в осуществлении которых можете помочь опять таки Вы и ваши спецгруппы.

На обратном конце провода висела тишина. Либо Потапов ждал продолжения, либо о чём-то раздумывал. Пауза затянулась секунд на тридцать. Наконец эфир затрещал, оживая.

— Слушаю Вас, Василий Иванович! Я весь внимание!

Шилов молниеносно проанализировал задержку с ответом полковника. Не доверять ему оснований у Василия не было, так как он досконально знал всю дальнейшую жизнь Николая Михайловича, его настрой и его взгляды. Промелькнула мысль о том, что, может быть, не стоит столько наваливать на плечи генералов-заговорщиков, но понимание того, что с задачей, которую он хочет поставить, справятся идеально только специально обученные группы, которые есть у Потапова, диктовало продолжение разговора.

— Николай Михайлович, необходимо незамедлительно взять под контроль все ювелирные мастерские, магазины на Большой Морской. Пусть заходят внутрь и никого не пускают и не выпускают. Хозяев запускать можно, но особых разговоров с ними не вести. Объяснение:

«Ожидайте! Прибудет представитель государства и пояснит сложившуюся ситуацию». К дому Фаберже пусть проявят особое внимание и деликатность. Ни хозяев, ни кого бы ни было, не подпускать к телефонам. Контакты с внешним миром исключить. Никакого насилия. Тактичное, вежливое обращение. В случае проявления агрессии со стороны хозяев или кого-нибудь из находящихся внутри здания, аккуратно "пакуете" их, без применения оружия.

Выложив в трубку задание, Шилов с нетерпением ожидал реакцию Потапова. Она последовала немедленно.

— Извините, не совсем понял смысл слова "пакуете", но, Вы знаете, скажу Вам откровенно, это очень разумное решение, Василий Иванович. Революционные массы могут набедокурить прилично. Уверяю, Василий Иванович, я тот же час отдам распоряжение и отправлю по адресам свободные ещё группы офицеров. Их осталось не так много, как хотелось бы, конечно, но, думаю, мы справимся.

Вновь мембрану телефона терзала тишина. Полковник ждал продолжения от представителя новой власти, а Василий усиленно размышлял об ещё одной задаче, решение которой хотел поручить офицерам.

— Николай Михайлович, я понимаю, что и так уже «загрузил» Вас проблемами сполна, и мне действительно неудобно, однако вынужден обратиться к Вам ещё с одной просьбой, которая, возможно, покажется Вам необычной. Учитывая складывающуюся обстановку, я полагаю необходимым привлечь Ваше внимание к следующему вопросу:

В условиях нынешней политической ситуации в Петрограде, нам крайне важно обеспечить своевременное и организованное прибытие в город определённых воинских подразделений. В данном случае речь идёт о пулемётных полках, расквартированных в Рамбове [14] и Стрельне. У них там, по моим данным, бурлит и клокочет, и они уже сами склонны, без каких-либо призывов к ним, к стихийному переходу на сторону народа. Они созрели к мятежу. Завтра в ночь, они решатся самостоятельно двинуться в Петроград. Однако, опять же учитывая стратегическую значимость их участия в событиях, мне представляется целесообразным ускорить этот процесс. Могли бы Вы обратиться к кому-либо из Ваших генералов или полковников с предложением, чтобы они съездили в расположение полков? Транспортom я обеспечу. Авторота в нашем распоряжении.

* * *

Шилову удалось убедить Маяковского некоторое время послужить делу революции, крутя баранку лимузина императора, с которым он уже неплохо освоился, и быть при Совете Народных Комиссаров штатным водителем. Причём в начале разговора Владимир ошарашил Василия сообщением о том, что он вообще-то возглавил автошколу и спас своего начальника, генерал-майора Секретёва Петра Ивановича. Шилов не поверил на слово поэту, любившему нет-нет да приукрасить некоторые моменты, и доехал с ним до штаба автошколы. Маяковский обиженно дулся на товарища, всем своим видом показывая, как «Видящий сквозь времена» глубоко ранил его своим недоверием. Он лихо зарулил во двор и степенно вылез из автомобиля. На входе в здание стоял солдат с винтовкой, который, при появлении Владимира, вытянулся по стойке смирно. Маяковский небрежно махнул рукой, мол, «вольно», и, приоткрыв дверь, пропустил вперёд Василия.

— Ну и? Что ты хочешь мне предоставить? — оглядываясь вокруг, поинтересовался Шилов.

— А вот пойдём в кабинет генерала. Там тебе всё станет ясно, — ещё с остатками обиды, но уже находясь в предвкушении возможности отыгаться на недоверчивом товарище, пробубнил Маяковский и повёл Василия за собой. Увидев стоявших у дверей двоих солдат с винтовками, Шилов догадался, что это и есть кабинет начальника автошколы. Караульные, а то, что перед ним именно караул, у Василия не вызывало никаких сомнений, радушно, даже где-то

обрадованно разулыбались подошедшему к ним Маяковскому и с облегчением расслабились. Задание выполнено, теперь вся ответственность ложится на их временного начальника.

— У нас без происшествий, — доложил один из солдат. — Шкловский доставил обед, так что, все накормлены. По нужде выводили по первому требованию.

— Хорошо, — ответил Владимир. — Открой.

Солдат вынул из кармана шинели ключ и отворил замок. Маяковский первым перешагнул через порог и взглядом пригласил Шилова следовать за собой. В кабинете находились трое. Один из них, подтянутый, лет сорока, с лихими усами вразлёт, в мундире генерал-майора полулежал на диване и читал какую-то книгу. Услышав звук открывающейся двери, он внешне никак не отреагировал или ему удавалось так умело скрывать возникший интерес к пришедшим. Вторым был ненамного моложе генерала и имел на плечах погоны капитана. Он напротив очень оживлённо откликнулся на появление Маяковского. Третьим человеком в кабинете была женщина. Она, как и муж, читала книгу. То, что это жена Секретёва, Ольга Ивановна, Василий определил сразу.

— Здравия желаю, господа! Здравствуйтесь, сударыня! — поздоровался Шилов.

Маяковский, переминаясь с ноги на ногу, высился своей глыбой чуть позади Василия и не мигая смотрел на генерал-майора.

— Я особый уполномоченный Совета Народных Комиссаров, Чепаев. Вам, вероятно, известно, что Государь сложил свои полномочия и в стране теперь установлена власть народа?

Генерал отложил в сторону книгу и встал с дивана, одёрнув при этом мундир.

— Имели уже удовольствие испытать на себе результат вступления во власть народа. Генерал-майор Секретёв, — отрекомендовался он.

— Почту за честь быть с Вами знакомым, Пётр Иванович! Как же, как же... Отец автобата! Первый генерал автомобильных войск, — без малейшей ноты сарказма, произнёс Василий, — Склоняю голову перед Вашей неукротимой энергией, волей и талантом, благодаря которым у нас в России сформированы автомобильные войска.

Шилов коснулся подбородком груди, означив поклон головы.

— Польщён Вашей оценкой, господин Чепаев, — с искренним удивлением ответил начальник автошколы, не ожидавший подобного заявления от представителя большевиков.

— А Вы, я так полагаю, заместитель начальника Иван Николаевич Бажанов? — повернулся вполборота к капитану Василий.

— Так точно, — кивнув, ответил инженер автошколы.

— Думаю, что не ошибусь, если скажу, что единственная женщина в нашем обществе приходится супругой Петра Ивановича? — одарив обезоруживающей улыбкой Ольгу Ивановну, произнёс Шилов.

— Ольга Ивановна, — изобразив кивок, ответила дама.

— А теперь, мне бы хотелось услышать, что же произошло и каким образом вы почувствовали на себе власть народа?

Бажанов встал у стола, опёрся кулаком на столешницу и, переводя взгляд с Василия на Маяковского и обратно, рассказал о произошедшем с ними случае.

— Внизу сегодня я столкнулся с солдатом, вооружённым винтовкой. Мы не практикуем перемещение с оружием, поэтому был весьма удивлён данному факту. «Ты чего тут стоишь?» — поинтересовался я у него и получил исчерпывающий ответ: «Идите, Ваше Высокоблагородие, от греха подальше. Наша власть теперича пришла. Скинули царя. Вы, Ваше Высокоблагородие, солдатам ничего недоброго не сделали, потому идите с миром. А генерала я дождусь и застрелю его». Я не стал у него уточнять, чем же он так обижен на Петра Ивановича, а прошёл наверх в кабинет начальника автошколы и предупредил его, чтобы не выходил из помещения и не подходил к окнам. После этого я поспешил к ратнику Маяковскому. Мне известно, что он пользуется авторитетом у солдат и надеялся, что смогу получить от него какую-нибудь

помощь. Маяковский сразу отреагировал, заявив, что самосуд допускать нельзя ни в коем случае. Переговорил со своими сослуживцами и, взяв семь человек, прибыл к зданию штаба. Здесь он во всеуслышание объявил, что является представителем новой власти и проводит арест генерал-майора, а также его помощника Бажанова. После этого он убедительно попросил нас не предпринимать никаких необдуманных действий и ожидать его. Нас в кабинете заперли, у входа поставили часовых и снаружи здания тоже. А дальше Вы, вероятно, уже и сами стали участником данного действия.

Шилов повернулся к Владимиру.

— Товарищ Маяковский, от имени Совета Народных Комиссаров выражаю Вам благодарность за грамотные действия, трезвую оценку событий и уместно проявленную распорядительность.

Владимир вытянулся в струнку и засиял, счастливый. Василий прошёл ближе к столу, к которому уже подтянулся и генерал.

— Я приношу Вам извинения за противоправные действия солдата. Хотя и его понять можно и нужно. Вероятно, он предостаточно натерпелся. Не утверждаю, что именно от Вас, Пётр Иванович, но так уж сложилось, что Вы у солдата ассоциируетесь с системой офицерского зубодробительства, подавления собственного достоинства через унижения, муштру. Конечно же, мы будем стремиться максимально пресекать подобные эксцессы, но, согласитесь, что за каждым в отдельности не уследишь. Поэтому не исключаю возможные случаи самоуправства, самосуда. Вам же лично теперь ничто не угрожает. Более того, я могу предложить вам возможность выбора и служить Родине и дальше. Вам, Пётр Иванович, предоставляется удобный случай. Подумайте, пожалуйста. Вы же понимаете, что автомобили нам нужны. А без шофёра автомобиль, просто красивая масса железа и прочих материалов. Поговорите с обучающимися офицерами, предложите им служить народу России. И да, вне зависимости от Вашего решения, можете быть спокойны о Вашей дальнейшей судьбе. Мы перевезём Вас в здание контрразведки, в котором многие знакомые Вам генералы и полковники уже служат новой власти. Собственно, они как раз сопричастны ко всему происходящему. Они — настоящие патриоты Родины.

Обращаясь к Секретёву Шилов не питал иллюзий, что генерал откликнется на его призыв. Память выдала необходимую информацию и Василий знал, что руководством страны необходимость службы в рядах Красной Армии генерала Секретёва будет проигнорирована, его неизмеримый вклад в развитие автомобильных войск не оценят и он вынужден будет эмигрировать, а страна потеряет такого специалиста.

— Я согласен, — прозвучало, как гром среди ясного неба.

Шилов, не скрывая своего изумления, подошёл поближе к генералу.

— Откровенно говоря, я не верил до последнего мгновенья, Пётр Иванович. Благодарю.

Секретёв твёрдыми шагами человека, уверенного в своих действиях, отмерил пространство до шкафа, в котором висела шинель, снял её с плечиков, надел, окинул себя взглядом в зеркало и повернулся к Василию.

— Хочу сразу предупредить. Вы должны понимать, что в штате автошколы более восьмисот человек. Только на обучении в данный момент находится порядка ста двадцати офицеров и обучающихся на автомобильных мастеров нижних чинов двести человек. Я не могу гарантировать их массового принятия моего воззвания. Обещаю лишь, что обращение моё к ним будет искренним.

Выступать пришлось несколько раз перед разными службами. Начинал генерал-майор, за ним подключался инженер Бажанов. Перед нижними чинами речь держал Маяковский, который, надо отдать ему должное, выступал вдохновенно, заразительно.

Преподавательский состав автошколы встретил появление начальника с его заместителем и незнакомым прапорщиком в сопровождении здорового ратника неприветливым гулом.

Вероятно, весть о том, что генерал призывает своих подчинённых поступить на службу новой власти, достигла коридоров учебных классов. Приученные к порядку офицеры выстроились в две шеренги, проявив готовность выслушать своего непосредственного начальника. Пётр Иванович встал перед строем, окинул всех спокойным взглядом.

— Господа офицеры! В нашей России произошла смена власти. Государь сложил с себя полномочия. Все вы давали присягу на верность царю и Родине. Царя больше нет. Осталось верное служение своей Отчизне. Я не могу вам приказать, и поэтому предлагаю продолжить служить народу России.

Краем глаза Василий отметил шевеление справа от себя, в самом конце второй шеренги. Ещё не отдавая себе отчёта, он выхватил револьвер и не раздумывая, практически не целясь, выстрелил в направлении подозрительных телодвижений одного из офицеров. Стоявшие рядом отшатнулись в сторону, открыв взору упавшего на пол, с наганом в руке, штабс-капитана. Он ещё был жив. Кровь толчками пульсировала из раны в груди. Офицер затухающим, но полным ненависти взглядом, прожигал и генерала, и своего убийцу.

— Спасибо, Василий Иванович, — протолкнув комок в горле, выдавил Секретёв и молча вышел из помещения.

Через два часа, отведённых для раздумий, выяснилось, что возваниями «агитаторов» прониклись более шестидесяти процентов от всего состава автошколы. Шилов ликовал.

* * *

Потапов от известия не смог удержаться и перебил Шилова.

— Вам удалось привлечь Секретёва?

— Удивлены? Я тоже был удивлён. Вначале планировал привезти его к вам на адрес, чтобы уберечь от горячих голов. Но потом всё само разлулилось. Генерал убедил своих подчинённых, и они перешли на сторону народа, так что Пётр Иванович остался при своём штабе. Давайте продолжим о поездке в пулемётные полки. Помощь тем, кто туда отправится, на месте будет оказана. В частности, во втором пулемётном полку, дислоцированном в Стрельне, я бы рекомендовал положиться на командира четвёртого батальона, Николая Александровича Павлова, а также на прапорщика Червякова. Эти офицеры, как мне известно, без колебаний примут предложение о сотрудничестве с частями народной армии. Собственно, и командир полка, подполковник Константин Иванович Шереметьев, в дальнейшем тоже созреет для решения в пользу народа, но можно его ненавязчиво подтолкнуть. Тем более, когда он увидит перед собой не солдата-агитатора, а персону высокопоставленную, в чинах. Что касается первого пулемётного полка в Рамбове, здесь я бы посоветовал установить контакт с подпоручиком Тарасовым-Родионовым из учебной команды «Кольт» и прапорщиком Семашко. Но в первую очередь порекомендовал бы посетить оружейных мастеров и найти у них взводного Глотова, рядового Газа. Если удастся, то привлечь прапорщик Дегтярёва. Рядом с ним находятся сильные, активные большевики из рядового состава, которые помогут в нужный момент. После прибытия в Петроград, указанным подразделениям следует незамедлительно, по заранее оговорённому с Вами телефонному номеру казармы, установить связь со мной или сообщить тому, кто будет на месте. Это позволит оперативно координировать все дальнейшие действия и обеспечить эффективное взаимодействие с уже задействованными частями.

Потапов молчал. Василий слегка занервничал, раздумывая, не слишком ли многого требует он от Николая Михайловича, но полковник, видимо, прикидывал, кому можно доверить выполнение поручения.

— Василий Иванович, я предлагаю возложить эту задачу на Бонч-Бруевича и Свечникова. Они в сегодняшних действиях особо не загружены, а авторитета у них для любого армейца предостаточно.

[1] «Друзёк» у казаков означает «друг», «приятель».

[2] Витю́бень — голубь

[3] Держа́ва — власть. Говорят: «В семье надо всегда державу держать»

[4] Атаман Войсковой Наказной. Чин присваивался главноначальникам военного и гражданского управления Донского, Сибирского, Кавказских и Приамурских казачьих войск.

[5] «На-час» у казаков означает «на минутку».

[6] Егупетка — подхалим

[7] «Братся оружием» — казачье выражение, которое означает «биться с оружием в руках»

[8] Надобедь за энтать пакумечить — надо об этом подумать.

[9] «Жданковать» у казаков означает «ожидать».

[10] Десно – на правой стороне.

[11] Наспроти – напротив

[12] Прямить – верно служить

[13] Ятно – понятно

[14] Ораниенбаум называли Рамбов из-за простоты произношения для малограмотных людей, которые ездили через город в Кронштадт из Петербурга и обратно. Им тяжело было произносить сложное иностранное название, и они придумали более привычное для русского уха — Рамбов.

Глава 5. Год 1916.

Открыть совещание никто не насмеливался. Адьютант сменил давно остывший чай на свежий, а в кабинете по-прежнему по углам, за шторами, в люстре пряталась выжидательная тишина. Все в помещении, находившиеся в угнетённом состоянии, отдавали себе отчёт, что необходимость порвать эту тишину настанет неизбежно, но каждый противился побороть свою нерешительность.

— Господа, — кинув взор на портрет Императора, наконец произнёс временный хозяин кабинета, занявший его вынужденно по прибытии в здание Адмиралтейства из здания градоначальства. — Отречение Государя — факт свершившийся, но этот факт ни коим образом не обязывает нас опустить руки и отдаться на волю судьбы. Священный долг защищать своё Отечество с нас никто не снимал. Мы не имеем права терять веру в себя, в свои силы и возможности. Надо отчётливо понимать, что жизнь не всегда идёт так, как нам бы хотелось. На нашу долю выпало не простое испытание. Но... Должностей нас никто не лишал. Мы должны, нет, мы просто обязаны взять власть в свои руки.

Мужчина в пенсне, с обвисшими усами и лысым, лишённым какой-либо жизни черепом, в мундире с погонами генерала от инфантерии, нервно вскочил из кресла и заметался по кабинету.

— Вы абсолютно правы, Сергей Семёнович. Абсолютно. Императрица Александра Фёдоровна настояла на моём назначении военным министром за верность трону, и Государь приказ подписал до своего отречения. Я не слагаю с себя исполнение возложенных царствующей особой обязанностей. Не слагаю и всё тут.

Хозяин презрительно поморщился при словах генерала «военный министр», но вовремя наклонил голову к чашке с чаем, чтобы его гримасу никто не заметил. Да, он отдавал должное трудолюбию генерала, его исполнительности и аккуратности в делах, но именно как усердного кабинетного работника. В военные министры этот, оторванный от армейской жизни, часто мелочный и докучливый начальник ну никак не годился.

— К сожалению, трон рухнул, — бросил он в пространство, не адресуя свою фразу кому-то конкретно.

— Рухнул. Рухнул, — накручивал себя генерал в пенсне, не прекращая ускоренные пробежки по ковровой дорожке, — Но это рухнула монархия. Россия от того не рухнула. Нет. Не рухнула. У матушки Руси есть верные сыны. — погрозил он пальцем кому-то в потолок, — Е-есть! Это её армия. Это мы, наконец. Необходимо немедленно организовать подавление беспорядков. Надо организовать присылку с фронта верных частей.

«Организатор хренов», — с нескрываемым презрением подумал Хабалов.

— Укротить это быдло. Какое правительство? Кому Государь передал власть? Кто они такие? Простолюдины! Чернь! Что Вы молчите, Михаил Ипполитович? — Беляев резко остановился напротив третьего участника совещания.

— В конце концов Вы начальник военной охраны Петрограда. Какие у Вас мысли?

Занкевич тяжело вздохнул и медленно достал из лежавшей на столе пачки папиросу. Словно невидящим взглядом он смотрел на неё, при этом изредка постукивая гильзой о коробок спичек.

— Я не могу с уверенностью сказать, какие из частей гарнизона не подверглись этой заразе и сохраняют верность присяге. Не... мо...гу. Даже казачий караул Государя переметнулся на сторону этих большевиков. Офицеры Измайловского полка, который составляет наши основные силы, и те находятся в неуверенности, колеблются. Каким составом Вы собираетесь давить эту гидру? У меня под рукой, смешно сказать, фактически одна пулемётная рота, две

батареи без снарядов, у Зимнего на охране Преображенский полк. Вот умереть около Зимнего я вам и предлагаю.

— Не будем забывать, что это роты не фронтового комплектования. У нас роты имеют до полутора тысяч штыков, — возразил Беляев, — Вы что же полагаете, что из двухсоттысячного гарнизона Петрограда не осталось надёжных частей? Значит, будем дожидаться прибытие Текинского казачьего полка и Дикой Кавказской дивизии.

В дверь постучали и вошёл адъютант Мацкевич.

— Ваше Высочайшее Превосходительство, разрешите обратиться к Его Превосходительству генерал-лейтенанту Хабалову? — лихо щёлкнув каблуками, вытянулся он в сторону военного министра.

Беляев отмахнул рукой. Поручик повернулся к Хабалову.

— Ваше Превосходительство, звонили из Зимнего. Преображенский полк самовольно покинул отведённый участок охраны и ушёл в казармы. У дворца остались рота Егерского полка и рота Стрелкового полка.

Хабалов в задумчивости покрутил пустую чайную чашку, отрешённо посмотрел в сторону окна, изучающе на генерала Беляева, и решительно поднялся из-за стола.

— Господа, я попробую переговорить с солдатами, которые собрались у Адмиралтейства.

Генерал не спеша шёл по зданию Адмиралтейства. На втором этаже, разместившись прямо на полу, выставив наблюдателей у окон, тихо переговаривались солдаты пехотного подразделения. Здесь же, на втором этаже, на подходящих для обстрела углах, стояли пулемёты. Во дворе торчали стволы артиллерии. Которая была без снарядов. Сергей Семёнович трезво оценивал возможность обороны Адмиралтейства. Она была бежнадёжна.

«Почему?... Почему так?... Неужели я заблуждаюсь? Неужели мои мысли о возможности взять власть под свой контроль — это бредовые идеи нездорового умом человека? Неужели все вот так просто готовы отдать эту власть непонятно кому? Неужели?..»

Генерал на мгновение задержался у двери, но потом без колебаний толкнул её.

Толпа на улице бурлила. Это была именно самая настоящая толпа, а не организованные, приученные к дисциплине и порядку воинские части. Разбившись на множество крупных и мелких кучек, солдаты яростно обсуждали новости, которые поступали, стекались к штабу из разных концов города, от разных источников и с разной долей достоверности.

Увлечённые своими рассуждениями солдаты не сразу заметили вышедшего на крыльцо генерала. Постепенно шум начал стихать, они с нескрываемым любопытством уставились на командующего войсками Петроградского военного округа.

— *Æддагон мыст мидаэггаджи расырдта [1]*, — процедил Сергей Семёнович, обводя взглядом солдат, непроизвольно подтянувшихся, подчиняясь вбитому годами муштры повиновению начальству.

— *Æххуыс дын чи бакæндзаен, æххуыс уымæй агур [2]*.

Один из стоявших перед генералом унтер-офицер с огненно-рыжими волосами, выбившимися из-под фуражки, пренебрежительно, развязно шагнул поближе к Хабалову.

— Вы что-то имеете сказать, господин енерал?

Уже само обращение, нарушавшее устоявшиеся правила, когда к командиру столь высокого чина не пристало даже применять форму обращения «господин генерал», а исключительно лишь, в соответствии с табелем о рангах, «Ваше превосходительство», наталкивало на мысль, что солдат не просто выпендривается перед своими сослуживцами, а целенаправленно нарывался на скандал.

— *Æвзæр фыс — дзугхал [3]*, — прошипел Хабалов.

— Чаво-о? Ты по-человечески бормочи. С людьми говоришь. Не с чурками. — оглядываясь на однополчан, рисуясь своим бесстрашием, изгалялся унтер.

— Солдаты! — игнорируя кривляния рыжего, крикнул в толпу генерал. — Да, Император сложил свои полномочия. Но вспомните, что вы давали присягу не только царю, но и Отечеству... Отечество же осталось. Я обращаюсь к вашему здравому рассудку, к вашей совести. Не слушайте преступных подстрекателей, которые зовут вас к измене. Исполняйте ваш долг перед вашими братьями, которые в окопах сейчас стоят грудью за страну, за народ. Берегите нашу общую мать — нашу родную Россию. Не предавайте же ваших братьев!

Сергей Семёнович снял очки, достал из кармана платок и не спеша, вглядываясь в лица солдат, стараясь понять, насколько проникли в сердца его слова, тщательно протёр их. Рыжий, словно ужаленный в пятую точку козлик, скакал то в одну сторону солдатских рядов, то в другую, стремясь понять то же самое, что волновало и генерала.

— Братцы, братцы, чего вы слушаете этого? Ухи развесили. Пушай топают и сам с другими енералами грудью встают. Нема дурных. Долой царя!

— Придурок, — одёрнул его внушительных габаритов старший унтер-офицер, — царь и так уже отказался от власти. Опоздал ты! Иди отседа, по добру по здорову. Неровён час — зашибём ненароком. А Вы, Ваше Превосходительство, — повернулся он к Хабалову, — и впрямь, шли бы тоже от греха подальше. Вам народ не переубедить. Народ давеча запах свободы вдохнул полной грудью.

Сергей Семёнович с сожалением посмотрел ещё на гудевшую массу вооружённых людей и молча вернулся в здание.

— Ну как? — метнулся к нему, со скоростью молодого чебачишки, убегающего от окуня, Беляев.

Хабалов не ответил. Тяжело опустился в кресло и минуты три молча смотрел на телефон.

— Поручик, — крикнул он, словно забыв о находившейся под рукой кнопке вызова из приёмной адъютанта.

Мацкевич тотчас материализовался у двери.

— Соедини с Петропавловской крепостью.

Поручик удалился. Беляев нервно подёргивал ус, кидая жалостливые взгляды то на Хабалова, то на Занкевича.

— К чему Вам Петропавловская крепость? — подскочил он к Сергею Семёновичу.

— К тому, что за её стенами я вижу наше последнее убежище. Там можно держать оборону.

На вызов ответил заместитель коменданта крепости генерал-лейтенант Сталь.

— Владимир Иванович, обрисуйте мне ситуацию вокруг крепости, в самой крепости. Какие настроения у гарнизона?

— Сергей Семёнович, мы пока что придерживаемся нейтралитета. Никого не пускаем внутрь. Солдаты на данный момент управляемы и особо не проявляют никакой агрессии. Революционная зараза через стены не пробралась.

— Это уже хорошо, — выказывая неподдельную радость, посмотрел на генералов в кабинете Хабалов и, усмехнувшись, продолжил, — Владимир Иванович, что же, и меня не пустите с Его Превосходительством?

— Побойтесь Бога, Сергей Семёнович, как можно такое говорить? — с нескрываемой обидой произнёс фон Сталь.

— Как Вы полагаете, есть ли шанс пройти в крепость через Троицкий мост? Существует ли вероятность это сделать без боя?

Барон молчал. Генерал его не торопил, давая возможность трезво оценить обстановку.

— Мне сложно ответить однозначно, Сергей Семёнович, — наконец ожила трубка на другом конце. — Могу сказать, что на Троицкой площади сосредотачиваются какие-то вооружённые толпы, но никаких активных действий не предпринимают. У моста возводятся баррикады. Но сколько там человек я не знаю. По моим прикидкам, немного. И в основном,

насколько я мог отметить, это не из армейских частей, а скорее всего из гвардии. Красной, разумеется.

Хабалов почесал щеку, прожёл взглядом Занкевича, проигнорировав нервничавшего военного министра.

— Подождите, Владимир Иванович, не кладите трубку, — и обратился к Михаилу Ипполитовичу, — Ваше мнение?

— Нет. Я к Зимнему буду пробиваться, — категорично заявил Занкевич.

— Таким образом, поддержка крепости военной охраной города исключается. Понятно. Какое решение принимаете Вы, Михаил Алексеевич? С Занкевичем или же за стены Петропавловки?

Беляев мялся. Он усиленно прокручивал различные варианты возможного исхода при принятии того или иного решения. Он боялся просчитаться и проиграть. Он хотел жить, но какой из вариантов принесёт ему жизнь, он не знал.

— До крепости ближе и она будет надёжнее дворца. Так что, я, пожалуй, присоединюсь к Вам, Сергей Семёнович.

Хабалов кивнул, ещё поразмыслил секунд тридцать и уверенно прижал трубку к уху.

— Владимир Иванович, Вы здесь? Давайте, обскажите подробно, что происходит вокруг. Вплоть до противных мелочей.

— Так я уже всё рассказал, Сергей Семёнович, — с небольшой задержкой ответил Сталь. — Ну, разве что, добавить насчёт Троицкой площади. Вроде как они пытаются нас заблокировать. Но это мои догадки, и на сей момент блокады нет.

— Я понял. Мы с военным министром выдвигаемся в крепость. Откроете при стуке рукояткой нагана: два удара, пауза, два удара, пауза, один удар и следом четыре. Думаю, что часа нам хватит пробраться незаметно.

Занкевич облачился в шинель, проверил наган и, пожав на прощание руки Хабалову с Беляевым, вышел из кабинета. Дверь не успела закрыться, как вошёл поручик.

— Ваше Высокопревосходительство, здесь в приёмной капитан второго ранга от морского министра. Требуется принять.

Беляев кинул встревоженный взгляд на Хабалова.

— Ну, раз требует, значит примем, — кивнул генерал.

— Проси, — с неким облегчением выдохнул военный министр, надеясь, что получит предложение о совместных действиях с гвардейскими экипажами и в таком случае никуда уже не потребуется уходить.

В кабинет стремительно ворвался молодой, с идеальной выправкой, капитан второго ранга.

— Здравия желаю! От имени морского министра заявляю, что морской министр требует, чтобы вы немедленно очистили здание Адмиралтейства. В противном случае, если вы не испаритесь, из Петропавловской крепости по вам будет открыт огонь.

Хабалов мгновенно вспыхнул гневом.

— А ну, смирно! Я тебе, сучий потрох, испарюсь! Передай морскому министру, что блефовать надо уметь. Шиш вам, а не Петропавловская крепость! Мне стыдно за тебя, подполковник. Офицер, а разговариваешь, как портовый биндюжник. Тьфу! Исчезни! А Адмиралтейство мы и без ваших тупых угроз собирались покинуть.

Посланник ступешался. Видимо, ему и самому стало неловко за фривольное обращение к тем, кто имеет звание выше его. Молча откозыряв, он удалился. Беляев спешно доставал из объёмного портфеля какие-то бумаги.

— Сергей Семёнович, необходимо уничтожить эти секретные документы.

— Михаил Алексеевич, мы не сдаваться на милость победителей с Вами идём. Не натворите глупостей, за которые потом с Вас могут спросить. Мацкевич, выдвигаемся!

Беляев беспрекословно вернул документы в портфель и посмотрел на Хабалова преданными глазами, полными надежды на то, что командующий гарнизоном обеспечит неприкосновенность его драгоценной жизни и выведет в безопасное место, под надёжную защиту.

Командующий, лишившийся своего гарнизона, следом за адъютантом покинул кабинет и, остановившись посередине коридора второго этажа, зычным голосом призвал всех в нём находящихся к вниманию.

— Солдаты! Я не стану толкать вас на братоубийство, принуждая проливать чью-либо кровь. Вы вольны сами принимать решение, как велит вам ваша совесть. Можете покинуть здание. Благодарю за службу!

Не было привычных ответных криков: «Рады стараться, Ваше превосходительство», никто на радостях не кричал: «Ура». Коридор обволокла непроницаемая тишина. Слова генерала сразу не дошли до сознания подчинённых. Они звучали непривычно и потому были непонятны. Им не приказывали. Им дали возможность самим распорядиться своей судьбой.

— Вы что творите, Сергей Семёнович? — взвился Беляев, — Солдаты, я, как военный министр, отменяю решение... бывшего командующего гарнизоном. Вы обязаны немедленно дать укорот всем бунтовщикам.

Солдаты, в нерешительности, переминались с ноги на ногу. Но вот грохнула о пол одна винтовка, следом другая, и ручей не желающих направлять своё оружие против кого-либо потянулся к выходу, не обращая внимания на истеричные призывы генерала от инфантерии.

— Угомонитесь, Михаил Алексеевич, коль Вам дорога Ваша жизнь, за которую я не дам и ломаного гроша, если Вы продолжите в том же тоне обращаться к солдатам. Вы их своим визгом уже не остановите.

Беляев как-то сразу сник, сгорбился и встал за спину Сергея Семёновича.

На площадке, между вторым и первым этажами, вели неторопливую беседу унтер из состава тех, кто сейчас находился на втором этаже, часть из которых уже пробухала сапогами вниз, и тот самый, внушительных габаритов, старший унтер-офицер, что не так давно разговаривал на крыльце с Хабаловым. Завидев спускавшихся генералов и поручика, они приняли в сторону и прижались к стене.

— Уходите, Ваши Превосходительства? — обратился «богатырь» к обоим генералам, при этом смотря исключительно на Сергея Семёновича.

— Уходим, — не имея ни малейшего желания настраиваться на длительный разговор, кратко ответил Хабалов. — Здание переходит под вашу охрану. Не допустите вандализма. Разрушить легко, отстроить гораздо сложнее. Строе и кабинеты ни в чём не виноваты. И новым владельцам послужат. Не на улицах же вы будете управлять.

— Не извольте беспокоиться. Обещаю, что мародёрства и порушений не допущу. — оставаясь стоять по стойке «смирно», проявляя уважение, а не почитание, ответил старший унтер. — Вам выделить сопровождение в целях безопасности?

— Благодарю! Привык полагаться на собственные силы, — с искренним удивлением на стремление солдата проявить заботу, посмотрел на него генерал и шагнул к выходу, но тут же остановился и повернулся к унтеру. — Меня вот интересует другое. Неужели все поголовно встали на вашу сторону? Неужели не осталось никого, кто мог бы пойти в одном строю, например, со мной?

«Богатырь» расслабился, словно исполнил команду «вольно».

— Ну отчего же. Есть и такие, кто готов нам глотки рвать и кровушку нашу в услужение пить. Кстати, можете забрать их с собой. Они собраны во дворе. Их немного, правда, около ста человек, но они уж точно будут верны Вам, как собаки. Не знаю, чем уж мы успели им так насолить, но смотрят на нас, как тот волк голодный.

Он, не дожидаясь реакции Хабалова, спустился вниз и вышел во двор. Генералы с поручиком последовали за ним. В стороне от пушек колыхалась толпа в серых шинелях. Все они были при оружии и их никто особо не охранял.

Сергей Семёнович окинул это воинство признательным взглядом.

«А может ещё не всё потеряно? Может?..»

Обратив внимание, что во дворе появились особы генеральского звания, солдаты, торопливо потолкавшись, изобразили подобие строя.

«Ну и что это, по штатному расписанию запасных полков? Взвод? Рота?»

— Подразделение, слушай мою команду! — встав перед шеренгами, не напрягая голос, крикнул Хабалов, — Выдвигаемся в направлении Петропавловской крепости. Соблюдаем режим тишины. Никаких разговоров. Никакого бряцания оружием. Не курить. Идти будем по льду Невы под мостом, чтобы не привлекать внимание. Лёд уже, конечно, укрепился, но толпой передвигаться опасно. В колонну по одному становись! Дистанция на одного линейного, вперёд — марш!

Шеренги зашевелились, выполняя команду. Удостоверившись, что построение закончено, Сергей Семёнович встал во главе колонны и отмахнул рукой, призывая следовать за собой. У выхода со двора стоял знакомый старший унтер-офицер.

— Желаю Вам остаться в живых, в этой свистопляске, Ваше Превосходительство. А то, может стоит Вам подумать, да и нашу сторону принять?

— Нет уж, увольте! — откликнулся на предложение Хабалов, — Во всяком случае, на сей момент я к подобному шагу не готов. Живи и ты, солдат!

Колонна выплеснулась живым, полным горечи, ручьём на улицу. Беляев семенил рядом с Сергеем Семёновичем, прижимая к груди портфель, и опасно озираясь по сторонам.

Неожиданно со спины раздался выстрел. Генерал от инфантерии молча рухнул как куль на снег. Буквально сразу же щёлкнул жалким хлопком револьвер. Хабалов резко развернулся в направлении стрелков. У выхода из двора серые шинели полукругом обступили лежавшего на земле солдата, рядом с которым стоял «богатырь» с наганом в руке. Он поднял голову и посмотрел на Сергея Семёновича. Потом развёл в стороны руками, мол, извини, не доглядел. Хабалов наклонился над Беляевым, пощупал на шее пульс. Расцепил пальцы, сжимавшие портфель, и забрал его. Подошёл старший унтер-офицер.

— Отправьте генерала в морг, — без ненужных и бесполезных упрёков, попросил Сергей Семёнович. — Нам его нести не с руки.

«Богатырь» молча кивнул и взмахом руки подозвал к себе четверых солдат.

Над Невой, ажурными арками, которые словно застывшие волны, бугрились высокими пролётами, изящно раскинулся Троицкий мост. На обратной стороне немой тенью высилась Петропавловская крепость. Мост был пуст, но какое-то ощущение опасности витало над его мостовой.

Тонкая цепочка людей, вытянувшаяся на сотню метров, неторопливо пересекла реку. На Петровской набережной оцетинилась всяким барахлом наскоро устроенная баррикада. К удивлению Сергея Семёновича, на появление из-под моста вооружённых солдат защитники баррикады никак не отреагировали и продолжали мирно разговаривать, попыхивая едучей махоркой. Так же спокойно, без каких-либо препятствий, колонна миновала Кронверкскую набережную, добралась до деревянного Иоанновского моста и прошла под первую арку крепостных ворот. У подворотных икон теплилась синяя лампада. Хабалов постучал условным сигналом в ворота, и двери тотчас распахнулись. Серые шинели втянулись во внутренний двор крепости.

[1] Уличная мышь выгнала домашнюю. (осет.)

[2] Проси помощь у того, кто тебе поможет. (осет.)

[3] Паршивая овца портит отару. (осет.)

Глава 6. Год 1916.

У здания Адмиралтейства страсти не утихали. Собрав вокруг себя с десяток развязного поведения солдат, с претензиями к габаритному старшему унтер-офицеру, застрелившему их сотоварища, подступил тщедушный ефрейтор. Он, постоянно подцвиркивая через щель в передних верхних зубах, оглядываясь в поисках поддержки, наскокивал на «слона».

— Ты чёй-то исделал, а? Ты чёй-то нашего брата солдата стрелишь, а? Ты чёй-то, буржуйство защищать хошь, а? Да мы тя самого в распыл пустим, а!

«Богатырь» снисходительным взглядом измерил «скакуна», пробежался по стоявшим вокруг «поддерживающим» и, без замаха, не прикладывая силы, двинул открытой ладонью в лоб солдатака.

Ефрейтор от неожиданности опешил.

— Ты чёй-то, а? Ты чё-то, а? — заверещал он ещё сильнее, привлекая своим визгом и других солдат, призывая быть свидетелями рукоприкладства старшего по званию к нижнему чину и требуя своими воплями оказать помощь.

— Да утихни ты уже, доходяга, — беззлобно бросил старший унтер-офицер. — Ты из каковских будешь? Уж не тюремную ли жизнь понюхать успел? Так вот, имеешь что предъ-явить — предъ-являй. При народе. Спокойно, а не верещи, как подсвинок под ножом.

— А ты чёй-то, думаешь, не скажу, а? Исчо как скажу, а! — набравшись духу, заявил ефрейтор, заметив, что наблюдателей за происходящим прибавилось весьма и, в надежде получить их одобрение, подбоченясь, встал напротив «богатыря».

— Обзовись народу, а потом разговор говорить станем, — осадил его унтер.

— Житков я, — осёкся правдоискатель, но тут же выпятил тощую грудь, что, к его великому сожалению, сделать не удалось. Шинель даже не трепыхнулась. — Амченские мы.

— Ага. Ну, а я — Кузнецов. То, что ты жиденский, я и так вижу. Орловский, стал быть? Из Мценска? Не встречал я среди мценских мужиков таких визгунов. Ну, да не беда. Сказывай, чего тебе от меня надобно, старче? А мы с братушками послушаем.

Обступившие плотным кругом конфликтующих дружно загудели, желая услышать причину возникшей ссоры. Ефрейтор подсмыкнул через шинель локтями шаровары.

— Ты чёй-то, нашего товарища стрелил, а? Он генерала укокошил, а ты с нагану стрелил, а. Можно рази так, братцы, а?

Зрители, как и подобает в подобных случаях, разделились в своих мнениях. Одни возмущённо загудели, что «недопустимо стрелять в своих товарищей, которые бок о бок с тобой в одном строю, изничтожают ненавистных буржуев», а другие не менее эмоционально утверждали, что «нельзя просто из-за того, что перед тобой офицер, без разбора стрелять. Офицеры тоже разные.»

Кузнецов ухмыльнулся краем губ.

— Вот видишь, Житков, нет единого мнения у товарищей однополчан. Я тебе так скажу, нам нельзя уподобляться буржуйам. У нас во первую голову должен быть закон. Сволочь офицер или нормальный, это должен решать наш рабоче-солдатский суд. Никакого самоуправства. Усёк?

Ефрейтор недовольно сопел, бросая взгляды на солдат, пытаясь понять, согласны ли они со словами унтера или стоит ещё повыёживаться, погорлапанить.

— Каза-аки-и! — пронёсся возглас, и толпа резко зашевелилась, стремясь успеть принять боевой порядок для отражения возможной атаки.

С Гороховой, без лихих гиканий и присвистываний, размеренной поступью лошадей, приближались казаки. Впереди выделялись двое. Один из них явно не блистал успехами в верховой езде. Он трепыхался в седле, как мячик на короткой резинке, привязанный к луке. Его

тело мелко поднималось вверх и тут же опадало вниз, и было заметно, насколько больно отдаются в задницу ему эти его опускания в седло. С облегчением свалившись на земную твердь, этот горе-всадник оправил свою амуницию и подошёл к солдатам, ощерившимся частоколом штыков.

— Здорово, братцы! Расслабьтесь, свои.

— А чёй-то, золотопогонник и свой, а? — не растеряв ещё бурливший запал, выкрикнул из-за спин товарищей Житков.

— Ну, я же не виноват, что погоны такого цвета. А чего? Красивые. Важно, кто эти погоны носит, — сделав упор на «кто», произнёс Шилов. — Уполномоченный Совета Народных Комиссаров Чапаев. А со мной сотни красного казачества. Вот, товарищи, прибыли, чтобы потолковать с генералом Хабаловым.

— Опоздал, браток, — вышел вперёд внушительного вида старший унтер-офицер. — В крепость он ушёл.

— Ага! — обрадованно завопил ефрейтор, — А я чёй-то говорил, а? Эт ты всё, а! Эт ты отпустил генерала, а!

— Было дело, — утвердительно кивнул Кузнецов, — отпустил. А почему нет? Он нам ничего дурного не сделал. Вышел, поговорил по-человечески. Потом своим Измайловцам волю дал в выборе. Какую сторону хотят принять, туда пусть и идут. Или считаешь, что я не прав, уполномоченный?

Василий хлопнул унтера по плечу.

— По мне, так ты всё правильно сделал. Будь я на твоём месте, точно так же отпустил. Жаль только, что теперь из крепости его выуживать придётся. А дорога у нас и так туда. А ты, стало быть, насколько я понял, у находящихся здесь, в командирах?

— Так получилось, — пожал плечами Кузнецов. — Особо не выбирали, но и против никто не высказался. Вот и пытаюсь здесь порядок держать.

— Ну и замечательно. Пойдём в здание. Мне позвонить надо, вспомнил кое-что по дороге, пока к вам ехали, и по пути потолкуем.

Кузнецов обернулся к своим однополчанам.

— Лямкин, остаёшься за старшего. Пошли, товарищ уполномоченный.

— Василий, — протянул ладонь Шилов.

— Егор, — улыбнулся Кузнецов и пожал руку, отметив для себя, что уполномоченный, несмотря на не такой внушительный вид, как он сам, силой не обижен и рукопожатие у него крепкое.

— Ты вот что, Егор. — поднимаясь по лестнице, начал Василий, — Сейчас, на волне временного полицейского безвластия, неразберихи, всякие ушлые типчики ломанутся грабить, громить. Всё, что на глаза попадётся. А кто-то и целенаправленно двинется по лакомым точкам. Оставь для охраны Адмиралтейства десятка два-три солдат, думаю, что проблем им никто не доставит, а остальных распредели на ювелирные мастерские, различные магазины, и продуктовые, и хозяйственные. Полицейские участки. Пойми, среди революционеров тоже есть предатели. Сейчас они все ломанутся в полицейские архивы, чтобы отыскать свои собственные доносы на товарищей и уничтожить их. Другие наоборот ринутся с целью обнаружить списки платных осведомителей. Что те, что другие, совершенно не разбираются в основах делопроизводства департамента полиции и они, возможно, будут пытаться элементарно сжечь участки, архивы. А есть ещё одни деятели, которые решат, что получив компромат на стукачей, его можно потом не хило продать. Так что, надо постараться все участки, архивы взять под контроль. Под охрану. Не допустить мародёрства. Потом с каждым из хозяев будем беседовать индивидуально.

— Понимаю. — кивнул Кузнецов. — Ты тогда звони, а я не буду время терять. Пойду — распоряджусь.

В казарме у «волынцев» трубку долго никто не брал. Наконец зашуршало, затрещало и неуверенный голос на том конце трубки пробурчал:

— Казарма учебной команды Волинского полка. Ефрейтор Швецов.

— Здравствуй, Швецов. Это Чепаев звонит. Помнишь такого?

— Так точно, помню.

— А Кирпичников далеко?

— Так ушли они все. И фронтовики, и наши.

— Давно?

— Да уж давненько. Полчаса точно прошло.

— Обииидно. — протянул Василий, и повторил, — Обидно. Ну да, видимо, ничего не поделаешь. Ладно, брат Швецов, бывай.

— Погодите, а Вы чего хотели то? Они ведь осторожно движутся. Сильно не разго-нишься. Думаю, что они ещё и на Парадную даже не повернули, как наметили. Могут догнать, если побежать.

— Ай, брат, Швецов, вот порадовал, — воодушевлённо воскликнул Шилов. — Запоминай. В Литовском полку в столовой прошло совещание и солдаты приняли решение поддержать народную власть. Офицеры будут препятствовать контактам с «литовцами», но вы настаивайте на встрече с кухонным рабочим нестроевой роты Хомяковым. Это наш большевик Мельников. Пусть Зайцев с Сероглазовым не тушуются и прут дуром на офицеров. Они смогут прорваться к солдатам, и «литовцы» вольются в ваши ряды. Ломайте цейхгауз, а в нём и пулемёты есть, четыре штуки, вооружайте «литовцев». Преображенцы, их казармы в том же дворе, увидят ваши массы и выйдут с поддержкой. На Госпитальной есть ещё цейхгауз. Пусть отправят подводы туда. Дальше Кирпичников разберётся. Запомнил?

— Так точно, запомнил! — ефрейтор отрапортовал так бодро, что его рвение убедить в этом Шилова, едва не выбило мембрану наушника повышенными децибелами.

— Ну всё, беги, Швецов, беги! — и, уже положив трубку на аппарат, углубляясь в новые раздумья, повторил: — Беги.

* * *

Передвигались не торопясь, пристально всматриваясь в окна домов по обе стороны улицы. И хотя у Кирпичникова была уверенность, что верные правительству части не могли занять жилые здания, осторожность была не лишней. В авангард Тимофей отрядил один взвод из учебной команды, за которым, громяхая колёсиками по бульжной мостовой, тащили пулемёт. С небольшим интервалом за пулемётчиками, уже более расслабленные, следовала колонной остальная часть учебной команды и четвёртая рота фронтовиков. Правда, бывалый вояка с Георгиевским крестом, Буряк, предложил включить в состав авангарда солдат из числа своих, проявивших себя в боевых передрягах, на что Кирпичников без возражений согласился.

Перед казармами Литовского полка взводный Конюков остановил колонну и быстро выставил охранение из двух отделений на перекрёстке Кирочной и Парадной, а ещё два отделения надёжно перекрыли подступы с Виленского переулка и Госпитальной улицы. Парадная, на которой столпился весь состав прибывших, оказалась прикрытой со всех сторон.

Кирпичников подошёл к Конюкову, который наблюдал за воротами во двор казарм Литовского и Преображенского полков.

— Господин старший унтер-офицер, разрешите обратиться, — раздался голос запыхавшегося Швецова.

— Отставить, — недовольно скривился Тимофей, — Какой я тебе господин теперь? Отвыкай. Товарищи мы. Что у тебя?

— Чепаев звонил. Просил передать про «литовцев»

— Чепаев? — изумлённо посмотрел на солдата Кирпичников. — И чего он сказал?

Швецов, наморщив лоб, начал подробно передавать свой телефонный разговор с Василием, стараясь вспомнить всё до мелочей, боясь упустить хоть слово, которое, возможно, окажется самым важным.

— Понятно. — протянул Тимофей. — Ну что же, спасибо Василию Ивановичу, в очередной раз. От пулемётного обстрела офицерём нас отвёл, подсказав, что опасно идти на Знаменскую, и сейчас вот подмогнул.

Он кинул взгляд на появившихся из ворот лет тридцати штабс-капитана и молоденького поручика.

— Взводного Зайцева и ефрейтора Сероглазова к Кирпичникову в голову колонны, — распорядился Тимофей, и команда понеслась по рядам, пока не достигла тех, кого следовало.

— Вот что, братцы. На вашу долю выпало уговорить «литовцев» идти вместе с нами. С офицерами особо не миндальничайте. Грубости не допускайте, но и слабость не проявляйте. Требуйте, чтобы пропустили до разговора с солдатами, а не с офицерским составом. В сопровождение возьмите отделение Орлова.

На приближающуюся делегацию офицеры у ворот отреагировали соответственно. Они дружно вынули из кобур револьверы и направили их на парламентёров.

— Ваши благородия! — остановив своих товарищей и, сделав вперёд ещё пару шагов, обратился к штабс-капитану с поручиком Зайцев. — Давайте не будем нагнетать обстановку. Допустите нас в расположение для разговору с солдатами. Вы же понимаете, что не сможете даже всеми вашими офицерами остановить батальон.

— Не взбаламутите подразделение, и бунтовать будет не кому. Потому, из казарм никто не выйдет. — уверенным голосом с лёгкой хрипотцой, то ли от простуды, то ли от чрезмерного употребления табака, произнёс штабс-капитан.

— Вы так полагаете? — подключился к разговору Сероглазов, направляя на офицеров винтовку. — Мы ведь и выстрелить можем. Но у нас нет никакого желания понапрасну проливать чью-то кровь. Даже вашу — офицерскую. Пропустите, господа.

Поручик каким-то затравленным взглядом посмотрел на старшего по званию и, отметив решительность того стоять на своём до конца, вызывающе подвздёрнул подбородок, качнув при этом стволем нагана. Выстрел прозвучал неожиданно. Его не ожидал и сам поручик, потому что с удивлением уставился на ствол своего револьвера, а потом уже испуганно на парламентёров. Куда был направлен выстрел никто не видел. Первое мгновенье переговоров и сопровождающее их отделение стояли опешившие, а потом солдаты, дружно приняв упор с колена, взяли винтовки на изготовку и припали к прицелам, а Зайцев выдернул из кобуры свой наган. Лишь тогда, когда позади их шеренги раздались возбуждённые возгласы, все поняли, что непреднамеренный выстрел поручика достиг своей цели.

— Кирпичников ранен, — пронеслось над колонной.

— Ну, извиняйте, ваши благородия! Не мы это начали, — прошипел взводный и выстрелил в грудь поручика.

Юнец схватился рукой за место входа пули, выронил из руки револьвер, как-то неуверенно, будто в раздумьях, подвернул правую ногу, прокрутился на каблуке и рухнул лицом с высоты всего роста на мостовую. Тотчас грянул дружный залп, и штабс-капитан, задёргавшись от ударов пуль, упал на колени, а затем завалился на бок.

— За мной, — скомандовал Зайцев и рванул в ворота.

Во дворе, направив напряжённые взгляды в сторону створок ворот, стояли с десятков офицеров. Оружие они не доставали. Вперёд выступил прапорщик.

— Я — прапорщик Соловьёв. Господа, мы даём честное офицерское слово: наш батальон не будут препятствовать вашему продвижению по улицам, не выйдем из расположения и будем соблюдать нейтралитет, не исполняя возможные приказы от правительства.

— Приказы какого правительства Вы имеете ввиду, — не опуская револьвер, усмехнулся Зайцев, — Совета Народных Комиссаров?

— Никак нет, — стушевался прапорщик, не зная что же ответить. — Царского.

— Так царя нет, — засмеялся Сероглазов. — Он же отказался от трона. И какое тогда может быть царское правительство без царя?

— Мы имеем ввиду... — начал Соловьёв, но Зайцев его грубо перебил:

— Господа офицеры, вы озвучиваете мнение офицерского состава. Мы хотим узнать, что думают солдаты.

Доказывать что-либо, продолжать препирательства дальше не пришлось. Из казармы на плац шумной толпой выплеснулся весь запасной батальон. Не дожидаясь команды солдаты построились. Гомон утих, но тут же возник галдёж с другой стороны. Это выходил запасной батальон лейб-гвардии Преображенского полка. Офицеры, понимая, что они бессильны что-либо предпринять, чтобы остановить массовое неповиновение, благоразумно отошли в сторону. К ним примкнули офицеры «преображенцы».

— Братцы, — крикнул Зайцев, обращаясь к солдатам, — надо взломать цейхгауз. Вооружайтесь и айда с нами.

Смертельно раненый Кирпичников лежал на повозке. Его дыхание было прерывистым и тяжёлым. Силы стремительно покидали его, в глазах читалась боль и усталость. Он пытался что-то сказать, но из горла вырывались лишь хрипы. Лицо исказила гримаса страдания, а руки слабо сжимались в кулаки. Вокруг него царила напряжённая тишина, нарушаемая лишь звуками соприкасавшихся иногда штыков. Агония медленно, но верно подступала, и Тимофей понимал, что его время на исходе. Заметив подошедшего Зайцева, он с усилием улыбнулся краем губ.

— Ничего, ты держись, братцы говорят, что из батальона нашего старшего врача Штейна везут. Он тебя поставит на ноги. Ты же знаешь, какой он мастак.

Кирпичников прикрыл глаза, вдруг изогнулся, словно пытался сделать мостик, и рухнул на солому.

— Твою мать, — резко рассёк воздух рукой Зайцев. — Ну как так-то? Вот же нелепица. Повернулся к солдатам, которые в тягостном молчании стягивали с голов фуражки.

— Отвезите в казарму. Переоденьте Тимофея в свежее бельё. Шинель чистую возьмите. Конюков, выводите колонну на Кировочную и двигайте к казармам сапёрного батальона.

Из строя «литовцев», услышав приказ Зайцева, вышел длинный, худой унтер.

— Стрелков, — представился он. — На Кировочной, сразу за садом «преображенцев», фронтом наша вторая рота стоит с поручиком. У этого во рту лишь один приказ: «Прямо по колонне, пальба ротой». Осторожно надо.

— И что, — с недоверием посмотрел на Стрелкова Зайцев, — станут стрелять в своих? Они что, каратели?

— Может и не станут, но упредить тебя я был обязан.

Со стороны Кировочной прибежал посыльный из отделения, отправленного Конюковым вперёд.

— Там «литовцы» стоят.

— Да знаю я, — с досадой махнул рукой старший унтер. — Чего они, спокойно стоят или воевать собрались?

— А кто их знает? Винтари на нас наставили. Поручик у них шибко нервный. То выскочит перед фронтом, то спрячется за спины, и чего-то щебечет своим.

— Не соловьиное время нынче. Не по погоде. Вот что, передай — пусть стреляют этого поручика. Нам проблемы не нужны.

— А ежлив «литовцы» пулять в ответ начнут? — уже собираясь бежать, вдруг остановился посыльный.

— Я пойду тоже, — предложил Стрелков. — Меня многие там знают. Может обойдётся без убийств. Я не про поручика. — сразу же обозначил, что он имел в виду.

— Мдя-а! Мы идём вперёд, в неизвестное! — протянул Зайцев, надвинув фуражку на лоб. — Выдвигаемся, братцы!

Рота фронтовиков поменяла очерёдность передвижения и Буряк повёл своих не сплошной колонной, а прикрывая шеренгу за шеренгой. Из преображенского садика внезапно ударила пулемётная очередь. Пули, с противным цоканьем, выбили кирпичную пыль из стены дома напротив, не причинив урона солдатам.

Двое, не сговариваясь, умело прикрываясь стволами деревьев, метнулись в сторону стрелявших, чтобы ликвидировать точку. В деревянной будке, прижавшись спиной к стенке, обхватив колени, трясся от страха молодой солдатик. Один из фронтовиков подошёл и отвесил ему подзатыльник.

— А если бы убил кого, паршивец? Не трясись. Всё закончилось. Пошли. Да не трись, ничего с тобой не случится. Помогай, давай, пулемёт тянуть.

Колонна продолжила движение, впитывая в себя всё новые и новые воинские части.

* * *

Было тепло. Шилов распахнул шинель. Полы заворачивались, хлестали по ногам, идти было неудобно, поэтому Василий засунул края шинели за ремень. С неба посыпал лёгкий снежок, а буквально через минуту стало валить так, что перед собой, метрах в двадцати, терялись очертания даже домов.

Шилов, без злобы ругнувшись, застегнул шинель. На мосту никакого движения. Вдоль ограждения, в шахматном порядке, через равные промежутки, парами расставлены бочки. Пронеслись снежные заряды, снежная буря стала утихать, и так же, как резко началась, так неожиданно и умерла. Ни единой снежинки, кружась в раскованном танце, не опускалось на расписанный белыми красками город.

— Марков, — позвал Василий, остановив казаков перед мостом.

— Тут я, — отозвался унтер, подходя к Шилову с его снайперкой в руках.

— Эти крайние бочки на нашем берегу — твоя стрелковая позиция. В них — песок. Какая никакая, но защита. По целям мы с тобой определились. Так что — выдвигайся, друже.

Отметив навыки стрельбы Маркова в казарме, Василий считал по крайней мере преступлением проигнорировать стрелковую подготовку унтера.

— Ну что, брат Генералов, быть тебе генералиссимусом, если не продрищем операцию, как наметили с тобой, — улыбнулся Шилов, подходя к сотне.

Он не сомневался, что казаки не единым действием не нарушат обозначенные им задачи, тем не менее он проявлял определённую нерешительность относительно своего выхода на мостовую моста, произвольно оттягивал время, как мог.

— Ну всё, я пошёл.

На выходе с моста рваными очертаниями темнела, собранная из подручных материалов, баррикада. Было заметно, что торопливо уложены обрезки брёвен, мешки с песком, деревянные ящики и обломки мебели. Видно, что конструкция создавалась без чёткого плана, но явно с большим энтузиазмом. В основание баррикады уложили камни, вывороченные из уличной мостовой. В воздухе витало напряжение, каждый понимал важность момента.

Василий миновал большую часть пролётов, когда из-за нагромождения, претендующего на баррикаду, поднялся человек и двинулся навстречу Шилову. Василий призадумался, стоит ли ему и дальше идти или же дождаться визави здесь, где он сейчас находится. Расстояние до баррикады было гораздо меньше, чем то, которое преодолел Шилов от нервничавших казаков. Не приняв конкретного решения, он просто замедлил шаг. Человек не стал сближаться с Василием и остановился, отойдя от завалов метров двести.

Шилов презрительно усмехнулся и стал сокращать дистанцию. Не доходя метров десяти, остановился.

— Я — уполномоченный Совета Народных Комиссаров, Чепаяев. — Засунув большие пальцы за ремень, крикнул Василий. — В целях избежания кровопролития предлагаю вам сложить оружие или же не препятствовать прохождению наших воинских формирований, к Петропавловской крепости.

Стоявший напротив Шилова человек в издевательской улыбке обнажил зубы в правом углу рта. Что-то неуловимо знакомое промелькнуло в этом оскале. Да и само лицо в целом отдалённо напоминало нечто узнаваемое.

— Я — командир Красной гвардии!

— Ба-а-а! Никак Борис Викторович, собственной персоной. Господин Савинков, Вы ли это? Любитель берегов французских, специалист по эксам, неожиданно-негаданно получил "добро" от структур охраны на прибытие в Россию дабы Вы бросились рвать треклятых большевиков?! Увы, Ваша лошадь сильно захромала. Не успели на гешефт. Вы то каким боком к Красной гвардии? Не порочьте название!

Савинков поморщился, но решил продолжить исполнять возложенную на него миссию.

— Как там Вас, Чепаяев? Николашку вы свалили. Но вы не в силах свалить нас. У нас в рядах миллионы партийцев, готовых по первому зову встать на защиту нашей многострадальной Родины. Нас поддерживают сотни тысяч солдат в городских гарнизонах и на фронте. Наша Красная гвардия, а она в основном состоит из членов нашей партии, способна дать такой отпор, что вы сами запросите мира. У меня есть встречное предложение. Прекратите свой мятеж и выйдите на переговоры с нашей партией о создании совместного правительства. Вы должны немедленно закрепить основные посты в правительстве за представителями нашей партии.

— Всё таки "отпор", а не "напор"... Боливар двоих не вывезет, Борис Викторович. Вы свой шанс прощёлкали.

— Что значит — прощёлкали? — Савинков в порыве гнева сделал пару шагов в сторону Шилова. — Мы не щелкунчики, а могучая сила. За нами — народ страны. Крестьянство, рабочие.

Савинков всё больше распалялся и с каждым словом всё больше входил в роль оратора на трибуне какого-нибудь завода. Он запихнул правую руку за обшлаг шинели и размахивал левой в ритм своих слов. Рубил воздух.

— Ты слишком много говоришь, а у меня на митинги времени нет, — взмах руки, и пистолет влетает в ладонь.

С некоторых времён Василий стал ходить с устройством выкидного пистолета из рукава шинели. Небольшой «Браунинг», подвешенный в рукаве на резинке и выдвигающийся за счёт инерции, при резком выполнении рукой кругового вращения, наподобие удара молотом, с полной амплитудой, мгновенно оказывался в ладони.

Два выстрела, практически слившихся в один, и Савинков медленно заваливается на мостовую моста. На месте правого глаза буреет дыра, а с левой стороны груди расплывается тёмное пятно. Борис Викторович ещё не коснулся телом брусчатки, а из-за баррикады прогремели выстрелы. Шилов без промедления метнулся за стоявшие рядом бочки. Удар пули в грудь был чувствительным. Василий поморщился, схватившись за место прилёта вестницы смерти. Со стороны казаков словно заработала травокосилка. Создавалось такое впечатление, что выстроили рядом несколько сотен человек с газетой в руках, и они одновременно начали хлестать по мириадам мух. Громкий «рычащий» треск, в котором каждый выстрел создавал свой собственный пронзительный хлопок дульной волны, сливающийся в сплошной треск, известил о вступлении в действие убийственной машинки — пулемёта «Кольт». Крики, стоны за баррикадой подтвердили гибельную силу американского станкача.

К Шилову подбежали Кузюбердин с Генераловым и присели на корточки рядом с ним. Бесцеремонно отодвинув казаков, без промедления начал расстёгивать шинель, прибежавший с ними фельдшер. Предусмотрительно надетый Василием бронежилет сослужил свою службу. Не имея под рукой изделия фабричного изготовления, Шилов, с помощью казаков, изготовил самоделку из подручных средств. Получилось нечто, похожее на ламеллярный [1] доспех. Небольшие пластины нашили на тканевый жилет и аля-улю.

— Вот, как знал, что какой-нибудь гад хоть разок, но достанет. — хохотнул Василий, стаскивая с себя рыцарскую кольчугу.

Фельдшер осмотрел место удара пули, смазал какой-то мазью, дабы избежать назревания синяка, и, поцокав языком, пригибаясь убежал к стоявшим на берегу сотням.

— Ну что, братцы, мы же не за бочками рассиживаться сюда шли. Вперёд, орлы, вперёд, орёлики!

Шилов приподнялся и осторожно выглянул над бочкой. От баррикады выстрелов не последовало. Короткими перебежками от одной пары бочек с одной стороны мостовой к другой паре на другой стороне, Василий с сотниками подобрался вплотную к завалам. Прислушались. Ни стонов, ни разговоров. Шилов метнулся вперёд и резво взобрался наверх.

— Отбой, братцы. Пусто здесь. Зовите казаков.

[1] Ламеллярный доспех (от лат. lamella — «пластинка, чешуйка») — общее название доспехов из сплетённых между собой шнуром пластин (пластинчатых доспехов).

Глава 7. Год 1916.

Шоссе кишело. Оно заполнилось плотными колоннами солдат, кавалеристов, двуколками с пулемётами и пулемётными лентами, рядами походных кухонь и санитарных повозок. Этот волнующийся поток людей, объятый стальным щёлканьем соприкасающихся штыков, местами прерывался артиллерийскими упряжками, громыхающими колёсами «трёхдоймовок» и ста пятидесяти двух миллиметровых полевых гаубиц. Временами струйки солдат обтекали с боков орудийные передки, сочувственно поглаживая вспотевшие спины лошадей и, возбуждённо переговариваясь, двигались дальше. Кто-то шёл молча, изредка освещая свои серьёзные, задумчивые лица вспышками самокруток. Кому не повезло и не хватило места в двуколках для размещения своих пулемётов, сменяя друг друга, тащили станкачи на верёвках за собой. Колёсики сотен пулемётных станков, подмёрзшие пусть и не на большом, но всё же морозе, визжали и скрежетали. Казаки с поднятыми пиками стремительно носились вдоль колонны, подгоняя отстающих и догоняя тех, кто струсил и пытался, под покровом ночи, сбежать в ближайшие деревни. По правой обочине дороги двигались автомобили и броневики, освещая ярким светом прожекторов нескончаемое море людских голов.

Всё это воинство неизбежно приближалось к рубежу, который через какое-то время, возможно, разделит их на живых и мёртвых. Этому не знал никто, и думать об этом не хотелось.

Бойцы повстанческой армии не знали почти ничего о реальном положении в городе, но единая цель, объединившая их, — успеть до того, как всех царских прихвостней перебьют другие, не опоздать, успеть внести и долю своего участия в борьбе за светлое будущее народного государства.

* * *

Военные телеграфисты всегда умели обмениваться нужной информацией между собой по военному телеграфу. Волнительные обрывки вестей, зачастую противоречивые, дошли и до телеграфистов полка. Солдаты собирались группами, расспрашивая друг друга, в надежде, что кто-нибудь знает больше его самого, что же творится в Петрограде, но никто ничего определённого сказать не мог. Обсуждались самые нелепые слухи.

Появление незнакомого статного полковника лет тридцати пяти, с располагающим, приятным лицом при аккуратных усах, в расположении Школы оружейных мастеров вызвало у командира взвода Глотова чувство тревоги. Несмотря на то, что у Ивана давно было выработано чутьё на опасность, и он видел, что от офицера не исходит ощущение какой-либо угрозы, инстинкт самосохранения дёргал и без того расшатанные нервы.

— Взвод, смирно! Равнение на середину! — скомандовал Гловот и отбил положенные шаги в направлении полковника.

— Ваше Высокоблагородие, взвод оружейников проводит дефектовку поставленного для ремонта вооружения. Командир взвода — прапорщик Гловот.

— Вольно, — с доброжелательной улыбкой ответил Свечников и обвёл изучающим взглядом строй.

— Могу я увидеть Ивана Ивановича Газа? Или, может быть, сегодня присутствует Иван Войцехович Огородников?

Солдаты взволнованно задвигались, переглядываясь друг с другом.

— Вам нечего беспокоиться. Мне сказали, что я могу положиться на данных товарищей в одном щепетильном вопросе.

Из шеренги, без напускной бравады, спокойно вышел довольно приметный своими габаритами солдат. В общем-то Михаил Степанович знал, что в пулемётные роты набирают исключительно крепких ребят, поскольку потаскать, поворочать шестидесяти трёх килограммовые

«Максимы» и сорока килограммовые «Кольты» под силу не каждому, но этот рядовой был на порядок представительнее своих сослуживцев.

— Рядовой Иван Газа, Ваше Высокоблагородие, — кинул он руку к фуражке.

— Вот и замечательно, Иван Иванович, — обрадованно произнёс полковник и, оглядев-шись вокруг, спросил: — Мы можем куда-нибудь отойти, чтобы спокойно поговорить?

— Даже и не знаю, — протянул Газа, потирая рукой подбородок, — У меня так-то секретов ни от кого нет. Здесь все свои.

— Вы уверены?

Иван кивнул. Полковник ещё раз окинул взглядом притихших солдат, прожигающих его любопытными глазами.

— Ну что же... — Свечников расстегнул шинель, положил на табурет фуражку.

— Я — полковник бывшей царской армии Свечников. Товарищи, в Петрограде новая власть. Царь Николай отрёкся. Создано правительство рабочих и крестьян. Я прибыл к вам с воззванием, чтобы ваш пулемётный полк присоединился к защите молодого государства. Почему я обратился именно к Ивану Ивановичу? Мне посоветовали обратиться к нему в Петроградском комитете партии большевиков. Про Огородникова сказано, что он приятель Ивана Газа и является связным большевиков Путиловского завода с воинскими частями Ораниенбаума и Стрельны.

Известие, которое буквально пятнадцать минут назад сообщил и прибывший в оружейную мастерскую Огородников, получало дополнительное подтверждение. Солдаты возбуждённо принялись обсуждать новость, а к полковнику с Газой подошёл мужчина, который до этого момента был скрыт плотными рядами оружейников.

— Я — Огородников, — представился он. — Считаю, что в первую очередь надо двигаться в броневую пулемётную команду. Там подходящая революционная настрой. Костяк её составляют рабочие-металлисты. Многие из Путиловских. А дальше поглядим. Главное, чтобы как можно позже полковнику Жерве настучали о появлении в расположении полка товарища Свечникова. Тогда уж точно полетят громы-молнии.

* * *

Виктор Всеволодович держал полк в «ежовых» рукавицах. Конечно, он не знал истоки данного выражения из будущего, но сути это не меняло. Дисциплина была жесточайшая. Полковник угрюмо рассматривал своё отражение в стекле посудного шкафа. Он пребывал в двойственном положении. С одной стороны ему хотелось верить, что приданный ему полк не посмеет ослушаться приказов, с другой же стороны он трезво понимал, что поступающие из Петрограда вести могут воспламеняюще подействовать на настроения его солдат. Ощущение опасности бунта всё же витало над городом, в бараках, над плацем.

— Поручик, — позвал он адъютанта. — Оповестите весь офицерский состав, что с этого часа ни один офицер не имеет права отлучиться из бараков. Каждый офицер в любую секунду обязан быть при оружии. Даже в уборной. В случае возможных беспорядков, каждый должен усвоить моё напутствие: «Я не прошу, а требую от вас, чтобы вы стреляли в бунтовщиков». Капитану Барщевскому передайте дополнительное поручение. Пусть определит офицеров своего батальона, которые должны занять позиции с пулемётами в казарме третьего батальона и на углу Михайловской и, при необходимости, отсекут попытки солдат покинуть расположение.

— Ваше Высокоблагородие, — поручик нерешительно переминался с ноги на ногу.

— Что ещё, — недовольно крикнул Жерве.

— Мы не удержим солдат, если они вдруг решатся на бунт. Они просто переколют нас штыками.

— Значит такова наша планида — положить свою жизнь, поручик.

— Да за кого положить-то? — вдруг осмелев, понимая бесперспективность противостояния офицеров с тысячами солдат, высказался адъютант. — Царя нет.

— За Родину, поручик! За Родину, — закипая, выталкивал из себя слова полковник.

— Так ведь эта Родина и для них. И они просто видят иную жизнь на этой Родине, Ваше Высокоблагородие.

— Я не пойму, поручик, Вы что же, хотите пойти против присяги? Вы поддерживаете возможный бунт?

— Я, Ваше Высокоблагородие, боюсь, что боестолкновения могут вылиться в гражданскую войну.

— Вы бойтесь потом, а сейчас немедленно в точности исполните мои поручения, поручик. Более я Вас не задерживаю!

С плаца донеслись звуки ликующей толпы. Солдаты вывалили из бараков и уже самые активные ринулись ломать цейхгауз. Виктор Всеволодович моментально влетел в шинель, не застёгиваясь побежал по коридору. Ухватив стоявшего у окна разглядывавшего происходящее во дворе штабс-капитана, он выдохнул ему в лицо:

— За мной! Срочно, пока они там на плацу у бараков митингуют, необходимо снять с пулемётов замки.

— Слушаюсь, — козырнул офицер и последовал за командиром полка.

— Ваше Высокоблагородие, — на бегу попытался высказать своё мнение штабс-капитан, — да сколько мы с Вами снимем замков этих? Там полторы тысячи пулемётов.

— Сколько успеем, капитан. Поспешим!

Не успели. Запыхавшийся полковник в ярости смотрел, как его Первый пулемётный полк без суеты и толкотни, организованно, приученный к порядку, вооружался. Появился прапорщик Семашко с незнакомым полковником в компании. Солдаты уважали Адама Яковлевича и где-то даже любили этого двадцатисемилетнего офицера. Умел он найти подход к каждому. Отменным был оратором, выступлениями солдаты заслушивались. Убедившись, что выдача оружия идёт без нареканий, Свечников и Семашко прошли к стоявшим у выхода с плаца Огородникову и Газе.

— Какие мысли, товарищи? — поинтересовался Михаил Степанович.

Газа и Огородников переглянулись и пожали плечами. Полк поднять-то подняли, а вот что дальше?

— Надо к станции пробиваться, — высказал своё мнение Семашко. — Захватим составы и двинем напрямик в Питер.

Подшли Глотов и прапорщик пятой роты Дегтярёв.

— Размышляете, куда теперь вести полк? — приспросился прапорщик.

— Я считаю, что вокзал — это самое лучшее решение, — твёрдо заявил Семашко.

— Согласен с Адамом Яковлевичем, — поддержал прапорщика Свечников и обратился к Газе: — Иван Иванович, мы не станем терять время и будем выдвигаться, а Вы, пожалуйста, проследите, чтобы организованно повозки загрузили, весь запас патронов взяли.

Лавина выплеснулась с плаца на Михайловскую и потекла к железнодорожному вокзалу. Жерве рвал и метал.

— Почему молчат пулемёты Барщевского? Предали? Поручик не довёл мои поручения?

Дробь пулемётной очереди разнеслась над плацем неожиданно. Сразу же застучал «Максим» на углу Михайловской.

— Ага, ну сейчас эти большевички умоются юшкой, — радостно воскликнул полковник, потеряв всякую осторожность, выйдя из-за здания.

В колонне упали два или три солдата. Сразу несколько человек, в разнобой, начали стрелять в сторону открывших огонь пулемётчиков. Кто-то скатился в канаву и теперь пытался выбраться вновь на дорогу. Вероятно, ответным огнём, офицерские расчёты были уничтожены, потому как больше не прозвучало ни единой очереди.

Жерве выхватил из кобуры револьвер и, целясь на ходу в солдат, грузивших у цейхгауза на подводы оставшиеся пулемёты с лентами, пошёл скрепя зубами. Стрелял он неважно и свой недостаток знал хорошо, но то ли невероятная злость, то ли чёрт рукой управлял, но две пули попали точно в Газу и ещё одного солдата. Оба замертво рухнули на повозку. Из цейхгауза выскочил ефрейтор и, на вскидку, выстрелил в полковника. Командир полка словно споткнулся о невидимое препятствие, выкинул вперёд перед собой руки, намереваясь смягчить падение, но на землю упало уже бездыханное тело.

Двигавшиеся к вокзалу колонны столкнулись лишь с одним пулемётным расчётом, осмелившимся открыть огонь, уже рядом со станцией. Он был быстро подавлен и больше ничто не помешало полку выйти к вокзалу.

Отправиться на воинских поездах осмелились не многие. С трудом набралось два состава. Дегтярёв, докуривая очередную сигарету, смотрел на бегавших у вагонов, кричавших что-то друг другу солдат, которых затаскивали в одни теплушки, но они из них выскакивали и бежали к другим, и тяжело вздыхал.

— Опасаюсь я, что может кто-нибудь устроить умышленное крушение. Если узнают, что мы едем на поддержку новой власти, подлость такую подкинуть им за счастье будет.

— Ничего, мы вреди дрезину пустим с глазастыми ребятами, — усмехнулся Семашко. — Бог не выдаст, свинья не ест. Прорвёмся! Ну, бывай! До встречи в столице.

Решение о пешем переходе можно считать дерзким не столько из-за того, что предстояло преодолеть сорок один километр по дороге, вдоль одетого в лёд залива, пусть при небольшом, но с неприятным ветром, становившемся не комфортным, морозе, а в силу того, что на пути находились многотысячные гарнизоны в Стрельне и Петергофе. Что ждало Первый пулемётный полк? Как встретят его хорошо вооружённые части?

Мартышкино встречало старыми, большими дачами с тёмными окнами и скромными домиками рыбаков, в которых свет не горел, а едва теплился, словно свечные огарочки запалили. Учебная команда «Кольт» приближение полка ждала. Примчавшийся из Ораниенбаума Ильинский сообщил о выступлении пулемётчиков и намерении их двинуться на Петроград. Тарасов-Родионов напряжённо всматривался в темноту дороги. Шум движущейся массы людей долетел задолго до того, как показались первые ряды солдат. Лихо прогарцевали казаки, в целях предосторожности взяв пики на изготовку.

— Идём с нами за свободу умирать, Ваш бродь! — сдерживая пританцовывающего коня, крикнул вахмистр. — Вишь, даже мы, казаки, за народ встаём.

— Пойти-то с вами мы пойдём, только не умирать, а побеждать, — улыбнулся подпоручик.

Впрочем, казак улыбку не увидел в бледном отсвете, падавшим из окна казармы, а понял по тону, каким произнёс фразу офицер.

Шоссе колыхалось живой массой. Впереди показалась деревня Бобыльская. Дорога, зажата с одной стороны заливом, а с другой крутым склоном, плавно втягивалась в ограниченное самой природой пространство. Дегтярёв, посоветовавшись накоротке с Тарасовым, оставил колонну. Идущие сзади, не зная об остановке, напирали на передние ряды. Вспыхнувшая ругань быстро утихла. Прапорщик подозвал старшего унтер-офицера Семака.

— Гриша, надо поглядеть аккуратно. Не нравится мне этот мешочек без завязочек.

— Сделаем.

Заслон из юнкеров школы прапорщиков стоял у царской Собственной дачи.

— Как в воду глядели, Ваш бродь. Ждут нас.

— Выдвигай ещё один броневик вперёд. Пусть идут парой рядышком. При открытии огня в нашу сторону приказываю подавить огневые точки противника.

Юнкера успели выпустить десятка два коротких очередей, которые не принесли ни малейшего урона броневикам и под ответным огнём покинули свои позиции, бросив четыре «Максима».

В Петергоф вошли без происшествий.

На шофёрские будки двух грузовиков установили по два ручных пулемёта Льюиса, так как при таком расположении удобно было стрелять во все стороны и поставили их в колонне после броневиков.

* * *

— Ваше Превосходительство, — выскочив из-за стола приёмной командира полка, вытянулся перед генералом поручик, — могу узнать цель Вашего прибытия?

Бонч-Бруевич вяло ответил на приветствие, приложив руку к козырьку фуражки.

— Мне необходимо повидаться с Вашим командиром и офицерами полка.

— Ваше Превосходительство, господин подполковник находится у себя на квартире и сегодня больше не планировал появляться в штабе. Прикажете сопроводить Вас или вызвать Его Высокоблагородие в кабинет?

— Я на моторе. Выделите провожатого.

Воздух в квартире подполковника Шереметьева был пронизан предчувствием неизбежной грозы. Сведения о выступлении Первого пулемётного полка в направлении Стрельны и гибели его командира уже просочились в штаб Второго пулемётного. В тревожном ожидании приближения лавины бунтовщиков офицеры мучительно искали выход из угрожающей ситуации. В прихожей раздался звонок, известивший присутствующих, что кто-то прибыл ещё. Через две минуты в зал вошёл генерал-майор, в идеально сидящем мундире, передавший свою шинель денщику хозяина квартиры.

— Господа офицеры! — подал команду командир полка.

Все выполнили стойку смирно.

— Вольно, господа. Генерал-майор Бонч-Бруевич, — представился Михаил Дмитриевич.

— Разрешите узнать причину Вашего прибытия, — проявил интерес подполковник. — Вы, вероятно, наслышаны о беспорядках в Первом пулемётном и направлены к нам, чтобы организовать оборону?

Генерал улыбнулся. Какая же непосредственная наивность.

— Нет, Константин Иванович, я у вас по другой причине. Предполагаю, что для вас не станет новостью известие об отречении Государя? И что власть перешла в руки нового правительства, народного, так сказать, вы, вероятно, тоже знаете?

Бонч-Бруевич выдержал небольшую паузу, успев за эти секунды рассмотреть каждого из присутствующих.

— Так вот, господа, я представляю как раз это новое правительство и уполномочен предложить вам принять сторону рабочих и крестьян.

Слова разрубили витавшее ощущение грозы, гроза изверглась и обрушилась непомерным грузом непонимания на головы офицеров.

— Вы видите, что солдаты с народными массами встали на защиту своей власти, и её, эту лавину, теперь остановить, практически, не возможно. Выступления подчеркивают, что население страны созрело до своих органов управления, ему не нужны хозяева фабриканы, помещики... А мы, офицеры, армия, стране нужны. Были, есть и будем. Вы, Константин Иванович, насколько я осведомлён, имеете репутацию человека гуманного и считаете, что монархия отжила свой век. Вы же не допустите боестолкновений солдат вашего полка с такими же солдатами из Первого? Подумайте, господа. Как вы сказали — колонны движутся к Стрельне и в скором времени они будут здесь. В их рядах наши товарищи, и я с ними, конечно же, не допущу вашего убийства, но предполагаю, что парламентёры от них к вам придут и станут

убеждать. Если вы не внемлете моим словам, вам придётся так или иначе вести переговоры с представителями Ораниенбаумского полка.

В комнате воцарилась напряжённая тишина. Из кресла встал офицер с выделяющимся на всём лице носом, одёрнул мундир:

— Я, командир четвёртого батальона Павлов, принимаю Ваше предложение, Ваше Превосходительство.

— Благодарю, Николай Александрович, — радушно кивнул Павлову Михаил Дмитриевич.

Павлов удивлённо вскинул бровь. Было чертовски приятно, что генерал знает его по имени-отчеству.

— Ну а что же такую нерешительность нам демонстрирует господин прапорщик Червяков? Александр Григорьевич, судя по возрасту, вероятно, это Вы? — повернулся к нему впол-оборота генерал.

Прапорщик вскочил.

— Так точно, Ваше Превосходительство! Прапорщик Червяков. Я тоже присоединяюсь.

Ещё четверо офицеров приняли решение влиться в ряды защитников новой власти. Шереметьев задумчиво мял пальцами подбородок. При каждом выступлении его офицеров он вздрагивал, а затем вновь терзал скулы.

— Михаил Дмитриевич, я согласен. Основным аргументом для меня послужило Ваше личное присутствие среди поддерживающих новую власть.

Поезда с солдатами Первого пулемётного полка прибыли в Петроград без происшествий. Растянувшаяся на двадцать вёрст объединённая колонна, в которую вливались по пути и рабочие в штатской одежде, готовая в любой момент вступить в бой с приверженцами старой власти, миновала Лигово и подошла к столице.

Глава 8. Год 1916.

Шилов понимал, что Петропавловская крепость, располагавшая собственным гарнизоном богатым вооружением, имевшая выгодное расположение и развитые укрепления, могла стать крепким орешком для отрядов. Но он помнил по истории своей предыдущей жизни, что командование крепости не предпринимало активных действий и занимало нейтральные позиции. Однако после прорыва на её территорию генерала Хабалова история могла получить иное развитие, и этого Василий, откровенно говоря, опасался.

Миновав брошенную савинковцами баррикаду на Троицком мосту, Шилов с казачьими сотнями пробрался до Троицкой площади, со стороны которой крепость была блокирована.

— Кто руководит осадой? — спросил Василий у мужчины, привалившегося спиной к ящикам от снарядов.

— Член Петербургского Комитета Толмачёв, — энергично оттолкнувшись, протягивая руку, представился мужчина.

— Уполномоченный СНК Чеплаев. Вот что, брат, Толмачёв, просьба у меня к тебе будет. Поводи-ка ты для острастки стволами пушек, когда я пойду к крепости.

— Какой чёрт тебя туда гонит? — удивился Толмачёв, который считал, что хождения бессмысленны. Это противник должен к ним ходить. А наше слово — товарищ «Маузер».

— Поверь, так надо. Ни к чему лишняя кровь. Крепость — это не десяток мешков с песком, а цитадель, которую в лоб не возьмёшь так просто. Ну, мы с тобой договорились?

— Об чём речь? Конечно, пужанём. Давай грузовики к мосту подгоню, если что, рванём на них к воротам.

— А вот этого не надо. У них пушки тоже есть. Гарантии нет никакой, какие там сейчас настроения. Разнесут на раз твои бибики.

Правительственная застава расположилась в двух шагах от стен крепости. Осмотрев Петропавловку, Шилов обнаружил, что на стенах крепости установлены орудия и пулемёты, наведённые на мост и площадь. Проанализировав трезво факт того, что в момент преодоления моста сотнями Филатова, Кузюбердина и Генералова огонь открыт не был, Василий пришёл к заключению, что это может быть явным свидетельством того, что солдаты не горят желанием стрелять по осаждающим.

— Марков, — позвал он унтера.

Михаил подбежал, держа в руках снайперку Шилова. Они вместе прошли к навалу из мешков с песком и прилегли на них.

— Отмечай, Михаил, — показав Маркову рукой в сторону крепости, произнёс Василий. Солдат отложил винтовку рядом с собой и впился взглядом в крепостные стены.

— Видишь по обе стороны от ворот находятся глиняные или гипсовые, не суть важно, вазоны-клумбы из-под цветов? Такие серые, широкие чаши?

Михаил взгляделся получше и увидел то, о чём говорил командир. Широкие уличные наземные вазы-цветники из гипса имели чётко продуманную форму, которая придавала им изящный вид. Плавные линии и чёткие контуры привлекали взгляд.

«У них там что, ещё и садоводов держат? Не служба, а курорт», — подумал Марков.

— Отметил, Василий Иванович.

— Теперь бери винтовку и проверь, сможешь ли увидеть в телескоп на боках этих цветников небольшие дыры? Я не знаю, каких они размеров, но они должны отличаться более тёмным цветом.

Михаил, взяв снайперку, стал внимательно, сантиметр за сантиметром изучать первую вазу. Практически посередине цветника рваными краями выделялась какая-то заплатка размером примерно десять на десять. Такая же «заплатка» имелась и на второй вазе, только немного

в другом месте, но была расположена так, словно знала, что при подобном размещении Маркову её разглядеть будет гораздо удобнее.

— Нашёл, Василий Иванович. На обоих.

— Вот и чудненько, — задумчиво протянул Шилов. — Попасть сможешь?

— Я и без телескопа пулю туда положу, — с гордостью ответил унтер.

— В общем так, брат, Михаил, теперь слушай внимательно и мотай на ус. Мне предстоит прогуляться к крепости и поговорить кое с кем там..., — и посмотрел в сторону Петропавловки, — Если соизволят со мной разговаривать, конечно. Так вот, как бы там ни было, выйдет ли кто ко мне для разговора или нет, следи неотрывно за моей рукой. Как только сдвину фуражку на лоб — стреляешь в тот цветник, что от нас по правую руку и получается самым дальним... Без промедления переносишь огонь на вторую, которая поближе. Я упаду на землю, а потом уже включатся в атаку наши братцы-акрабатцы, лихие конники — донцы.

— А что там, в этих вазонах-то, Василий Иванович? — не отрывая взгляд от цветников поинтересовался Марков.

— Рванёт — узнаешь, — усмехнулся Шилов и похлопал Михаила по плечу.

По Иоанновскому мосту Василий шёл не спеша, чтобы у крепости имели возможность и время внимательно его рассмотреть, определить, что опасности приближающийся офицер не представляет, и успели доложить по службе кому положено о визите непрошенного гостя. Не доходя метров пяти до первой арки крепостных ворот Шилов остановился, в ожидании гадая, выйдет ли кто к нему или проигнорируют желание прапорщика провести контакт. Ворочая непринуждённо головой из стороны в сторону он рассматривал залёгшую заставу, солдаты которой заметно нервничали, напряжённо разглядывая его. Неизвестно по какой причине, возможно имел такое распоряжение, но офицер с заставы не двинулся к Шилову ни на шаг и даже не проявил малейшие намерения обозначить такое желание.

Наконец заскрипела воротина и вышел среднего роста, худощавого телосложения, невзрачный капитан лет тридцати пяти и, не произнеся ни слова, остановился напротив Василия.

— Говорит Георгиевский кавалер, прапорщик Чепаяев, — громко объявил Шилов, чтобы его смогли услышать и за воротами. — Выступаю в качестве парламентаря.

— И что же Вы хотите, господин прапорщик? — выставив вперёд ногу, надменно поинтересовался капитан. — Крепость занимает нейтральную позицию. Мы не впускаем на территорию никого.

— Ну да, ну да! Я информирован об этом. Именно, соблюдая нейтралитет, вы и запустили командующего Петроградского военного округа с остатками преданных ему солдат, не правда ли? Так сказать — сделали исключение. Ну да, Бог с этим. Мне, как раз, и необходимо переговорить с генерал-лейтенантом Хабаловым лично. Будьте любезны, известите его о моём прибытии. Питаю надежды, что он не успел забыть о моём награждении и согласится встретиться со мной.

Капитан окинул Василия неприязненным взглядом.

— Ожидайте. Доложу, — и, развернувшись лихо на каблуке, ушёл за ворота.

Шилов облокотился на мостовое ограждение, делая вид, что с интересом всматривается в лёд у моста. Прошло десять минут, когда воротина вновь заскрипела и появился генерал. Василий спокойным шагом подошёл к нему и вскинул руку к фуражке.

— Здравия желаю, Сергей Семёнович, — начал Шилов и сразу отметил вспышку возмущения в глазах Хабалова.

— Я понимаю Ваше недовольство. Обратился я к Вам по имени-отчеству по той простой причине, что принят Декрет об отмене сословий и титулование офицеров отменено и, следовательно, обращение « Ваше Высокопревосходительство» я применить не могу. Господ у нас

нет, а обращение «товарищ генерал», я так полагаю, не примете Вы. Поэтому и выбрал самое разумное и, думаю, вполне уважительное, как Вы считаете, Сергей Семёнович?

— Я помню Вас, Чапаев. Георгиевский кавалер, крестьянский сын. Стало быть, Вы теперь на стороне большевиков?

— Я, Сергей Семёнович, на стороне народа, потому как и сам из этого народа, чья власть, как раз, и пришла в Россию.

— Вы что-то имеете мне сообщить, прапорщик? — резко произнёс Хабалов.

— Могли бы Вы уделить мне минут десять, может быть, пятнадцать? Полагаю, что разговор предстоит не простой, поэтому на скорую руку не получится.

Генерал задумался.

— И где же Вы желаете разговаривать? Могу я предложить пройти в крепость? Вас это не напрягает?

— Пройдёмте, Сергей Семёнович. Я знаю, что Вы не поступите честию и не падёте так низко, чтобы причинить вред парламентёру. Хотя, конечно, Вы можете меня таковым и не признать, а объявить бунтовщиком.

За воротами толпились возбуждённые солдаты. Шилов знал, что революционный напор осаждавших Петропавловку выведет из пассивного состояния солдат крепости, и они взбунтуются. Но так было в его прошлой жизни. Сейчас же ничто пока не указывало на то, что гарнизон готов силой преодолевать сопротивление офицеров.

Хабалов провёл Василия в здание, где попросил коменданта крепости генерала Никитина оставить его наедине с прапорщиком.

— Итак, я слушаю Вас, — предложив жестом руки прапорщику расположиться в кресле, отрывисто бросил Сергей Семёнович.

Шилов прекрасно осознавал, что убедить приверженца монархизма в пользу социалистического строя является сложной задачей, требующей глубокого понимания его взглядов и ценностей. Каждый человек уникален, и подход к убеждению различается. Главное, что определил для себя Василий, — диалог должен быть уважительным, при этом открытым и с готовностью к компромиссам. Он опасался, вступая в дискуссию с генералом, хватит ли ему знаний, почерпнутых когда-то из различных источников в его прошлой жизни. Определив для себя, что необходимо будет подчеркнуть, что социалистический строй стремится к устранению социального неравенства и обеспечению более справедливого распределения богатства и что это может привести к более гармоничному и стабильному обществу.

Главное сейчас — это чтобы Хабалов видел, с каким уважением готов вести с ним диалог Василий, его готовность слушать и понимать, насколько в целом он открыт для диалога.

Самое сложное, как всегда, — это начать разговор, найти первые слова и дать ему направление.

— Монархия пала, Сергей Семёнович, и с этим, нравится Вам или нет, но придётся смириться. Это — свершившийся факт, и это событие стало переломным моментом в жизни нашей страны. Теперь важно дать понять всем гражданам, не разделяя на сословия, независимо от их происхождения, что, несмотря на все изменения, мы обязательно сохраним свою Родину. Не позволим её разорвать никому — ни внешнему врагу, ни внутренним противникам.

Постарайтесь, пожалуйста, меня понять. Хотя бы попытайтесь понять то, что я хочу до Вас донести с открытым сердцем и чистыми помыслами. Сейчас я буду осыпать Вас различными эпитетами, но они, поверьте, опять-таки от чистого сердца. Мне Вы известны как высокообразованный, высококультурный, авторитетный человек с широкой эрудицией. Я знаю, что Вы проявляете огромный интерес к научной и педагогической деятельности, выказывая своё профессиональное мастерство при создании учебников и методических пособий, которые высоко ценятся учащимися. Ваш опыт и знания помогают Вам образцово готовить офицерские кадры. Вы исключительно честный и справедливый человек. Кроме всех этих достоинств Вы

обладаете изумительным даром кабинетного работника в хорошем смысле слова. Вы — прекрасный администратор. И перечислил Ваши качества я, конечно, не спроста. Но об этом, если позволите, несколько позже. Сейчас же мне, действительно, хотелось бы, чтобы Вы поняли, приняли и прониклись теми мыслями, которые я Вам озвучу.

Падение монархии не означает потерю того, что ценно каждому из нас: нашей культуры, традиций, истории. Мы остались на той же земле, с теми же людьми, с теми же ценностями. Вы ведь не станете возражать против того, что страна и народ остаются теми же, меняется лишь форма управления. Свобода, равенство, справедливость и любовь к Родине не зависят от формы государственного устройства. Наша Родина продолжает жить, и мы должны беречь её и передавать будущим поколениям. Судьба страны зависит от её граждан, а не от монарха.

Важно понимать, что изменения в политической системе не всегда означают разрушение всего, что нам дорого. Мы должны уважать историю своей страны, но при этом стремиться к лучшему будущему. Наша Родина — это не только прошлое, но и настоящее, и будущее, которое мы строим сегодня.

Давайте вместе беречь наше Отечество, его историю и культуру. Пусть наша любовь к нему будет сильнее любых испытаний и перемен.

Генерал не спеша протёр пенсне и, достав сигарету из лежавшей на столе пачки, прикурил. Дым на мгновение окутал его лицо, он махнул рукой, разгоняя клубящиеся шлейфы.

— Мне приятно, что человек из противоположного лагеря так лестно отзывается о моих возможностях. Стораю от нетерпения услышать, с какой целью Вы их озвучили. Но, как было сказано, об этом мне суждено узнать несколько позже. Давайте обсудим Ваши мысли, которые, по Вашему желанию, я должен принять и понять. Вы утверждаете, что утрата монархии не равносильна утрате Отечества. Однако разве не монархия и династия являлись символами стабильности и единства нашего государства на протяжении долгого времени? Как после таких значительных изменений в политической системе мы можем быть уверены, что наша Родина останется неизменной? Не возникает ли у Вас мысли, что такие радикальные перемены неизбежно заставляют переосмыслить идентичность и ценности нации? Не кажется ли Вам, что такие резкие перемены неизбежно заставляют нас задуматься о том, кто мы такие и что для нас важно?

«Ну вот и настал момент истины», — подумал Василий. — «Где вы, знания мои, помогите хоть как-нибудь, чтобы уж совсем не пасть лицом в парашу»

— Вы поднимаете важный вопрос о роли монархии как символа стабильности. Действительно, для многих монархия ассоциируется с традициями и постоянством. Однако потеря монархии не обязательно означает потерю идентичности или стабильности. Мы введём в стране демократические институты и ценности, которые обеспечат единство, надёжность и стабильность страны. Важно учитывать исторические реалии и то, что многие страны успешно приспособились к изменениям в политической системе. Кроме того, стабильность и единство зависят не только от формы правления, но и от экономических, социальных и культурных факторов. Мы можем быть уверены, что наша страна останется прежней, если будем учитывать эти факторы и работать над сохранением того, что важно для нашего общества. Резкие перемены могут не только разрушить, но и стать толчком для прогресса, переосмысления и развития. Они могут открыть новые пути для укрепления национальной идентичности и ценностей, основанных на правах человека, гуманизме и социальной справедливости. В монархической системе существуют элементы эксплуатации и неравенства. Социалистический строй устранил эти явления и создаст более справедливое общество.

Генерал отрывисто, в несколько затяжек, докурив сигарету и, нервно раздавил окурочек в пепельнице.

— То есть, вы планируете построить социалистическое государство? Я правильно понял? «Ну, лиха беда начало», — выдохнул Василий, — «Понужай теперь, без остановок».

— Правильно. Государство всеобщего благоденствия, которое обеспечит своим гражданам реальную возможность использовать право на труд, жилище, на бесплатное образование и медицинскую помощь, пенсионное обеспечение по старости и инвалидности.

Казалось, что Хабалов проявил заинтересованность к словам Шилова и даже подался телом вперёд, навалившись на столешницу.

— И какую же идеологию вы намерены проповедовать, интересно?

— Идеологию? По моему разумению, идеология — это организация жизненного пространства для человека: для каждого по отдельности и для всех вместе. Сейчас идеология разрушена. Отсутствуют реальные приоритеты, на которых должна базироваться наша нация: справедливость, сострадание, взаимопомощь, взаимовыручка. Люди разобщены. Мы ведь все чужие друг другу. Это — трагедия! Мы же видим, что идеология государства была нацелена на разобщение каждого с каждым — по имущественному, национальному, по другим признакам. И мы не могли допустить, чтобы масштаб трагедии усугублялся. Вот мы и поставили блокаду этой трагедии. Мы закрепим принцип: «Забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех». И, поверьте, это не популизм, он станет нормой жизни для всех советских граждан!

Генерал молчал. Он понимал, что Василий закончил свою часть ответа, но не предпринимал действий к продолжению разговора. Наконец он зашевелился в кресле и принял другое положение, видимо, устроившись поудобнее.

— Эксплуатация... Неравенство... Капитализм... Социализм... Я несколько иной имею взгляд на капиталистический строй. Смотрю с другого бока. Я считаю — это основа прогресса и развития общества. Конкуренция стимулирует прогресс, а вольный рынок, который свободен от любого постороннего вмешательства, включая государственное регулирование экономики, обеспечивает эффективность и разнообразие товаров и услуг. Государство должно минимизировать своё вмешательство в экономику, чтобы не ограничивать купеческую инициативу.

«Ёкарный бабай! И что прикажите делать? Тут я плавать буду, как говёшка в водяной воронке унитаза. Только заученными лозунгами отбиваться и остаётся. Да и хрен с ним! Буду как попка лозунги талдычить».

— Позвольте не согласиться, Сергей Семёнович. Я убеждён, поскольку капиталистический строй ведёт к неравенству и эксплуатации, когда богатые становятся богаче, а бедные — беднее, государство должно играть активную роль в перераспределении ресурсов и обеспечении социальной справедливости. Социалистическая модель, основанная на плановой экономике и равном распределении благ, позволит создать более справедливое общество.

— Но плановая экономика неэффективна и не способна приспособиться к меняющимся условиям торговли. Государственные предприятия будут страдать от бюрократии и отсутствия мотивации у работников. Это приведёт к снижению качества товаров и услуг.

— Возможно, в начале переходного периода могут возникнуть трудности, но в долгосрочной перспективе социалистическая система обеспечит более устойчивое и справедливое общественное устройство. Государство должно контролировать ключевые отрасли экономики, чтобы предотвратить эксплуатацию и обеспечить равные возможности для всех граждан.

Генерал произвольно поморщился.

— Как видите, продвижения у нас с Вами не наблюдается. Мы ходим по кругу. Мы всё одно и то же уже сколько толчём и остаёмся каждый при своём. Я не согласен. Свобода выбора и конкуренция — это основа для достижения успеха и процветания. Государство не должно ограничивать права купцов, заводчиков, промышленников и людей, которые пользуются их товарами. Это приведёт к застою, остановится развитие в экономике.

«Как же я тебя понимаю, Сергей Семёнович, как же понимаю», — усмехнулся в душе Шилов, — «Однобокость меня и самого уже нервирует. Остаётся надежда, что количество повторений перерастёт в качество».

— Мы с Вами озвучиваем различные аргументы, каждый отстаивая свою позицию. В этом нет ничего противоестественного. Возможно, каждый почерпнёт что-то новое для себя. Так и должно быть. Почему Вы так упорно делаете акцент на купцах, заводчиках? Ведь директор государственного завода тоже заводчик, а артельщик, производящий нужную стране продукцию и торгующий ею, тот же купец. Но ответьте мне, разве не важнее обеспечить достойные условия жизни для всех граждан, независимо от их экономического положения? Социалистическая модель направлена на сокращение разрыва между богатыми и бедными, обеспечение доступного образования и здравоохранения для всех.

Хабалов взвёл глаза в потолок, но быстро собрался и закурил новую сигарету.

— О разрыве между богатыми и бедными Вы упомянули уже не единожды, и я услышал Вашу боль. Можете больше не возвращаться к этому аргументу. Соглашусь, что образование и здравоохранение должны быть доступны для всех, но государство не должно полностью контролировать эти сферы. Частные вложения и конкуренция могут обеспечить более высокое качество услуг.

«Бляха муха, как бы съехать с этой темы? Устал я чего-то», — страхнул скопившиеся в душе капли трудового пота Василий, поражаясь, что внешне напряжённость не проявлялась ни единой каплей влаги.

— Вы хотите сказать, что частник будет обучать и лечить бесплатно? Соглашусь, что качество может отличаться, но не всяк из граждан будет иметь возможность подступиться к этому качеству в силу отсутствия необходимых доходов. Мы же приложим максимум усилий, чтобы качество социальных услуг в стране с развитой социалистической системой и уровень жизни были на порядок выше, чем в странах с капиталистической системой. Конкуренция? Конкуренция должна быть и в государственных медицинских учреждениях, куда, при качественном обучении, придут настоящие профессионалы. И в государственных школах, институтах. Государство должно играть ключевую роль в обеспечении социальной справедливости и защите прав граждан. Если мы говорим, что образование и медицина должны быть бесплатными, значит, так оно и будет.

— Я верю, что вольная торговля сделает больше для улучшения жизни людей, чем любое государственное планирование. Конкуренция, конкуренция и конкуренция — это движущая сила прогресса.

— Конкуренция вполне может присутствовать и на государственных предприятиях. К выпуску допускать исключительно необходимые и лучшие товары, прошедшие испытания народным мнением. Всё можно отрегулировать, имея здравый ум. Для меня же сейчас основным является достижение высокого уровня жизни каждого человека, максимальной социальной защиты наших граждан. И я уверен, что мы к этому придём.

Генерал встал и прошёлся по кабинету, разминая затёкшие ноги.

— Давайте прекратим на этом нашу дискуссию. Зерно для размышлений брошено. Позиции друг друга мы услышали. Перейдём к тому Вашему намёку об отложенном разговоре.

«Аве мне!» — возликовал Шилов и моментально перенастроился на другую тональность разговора.

— Мне очень жаль, Сергей Семёнович, что не удалось убедить в преимуществах социалистического строя. Плохой из меня агитатор. Но я всё же насмелюсь предпринять ещё одну попытку и предложу Вам послужить новому государству. Да, — с другим уклоном, да — с другим управлением, но с теми же людьми, проживающими на его территории. Ваши знания, Ваши способности как администратора, они обязательно будут востребованы. Безопасность Вам и Вашей жене Вере Васильевне я гарантирую. Ответьте мне на вопрос, вернее даже, ответьте себе, как давно Вы получали сведения из контрразведки от начальника отделения в штабе округа капитана Соколова и от начальника контрразведки Петроградского военного округа полковника Якубова Владимира Михайловича? Можете себя не утруждать, я Вам отвечу сам

— если что-то и получали, то очень скудные записочки. А почему, как Вы думаете? Потому что контрразведка вся на нашей стороне. И многие генералы...

Хабалов молчал. Василий видел, насколько напряглись у него скулы, насколько он сам весь подобрался. Что творилось в его душе оставалось загадкой, но не надо быть великим физиономистом, чтобы понять, как тяжело воспринимались слова прапорщика о том, что под боком у него, командующего, окопались предатели и творили свои дела. Шилов по своему расценил молчание генерала.

— Просьба у меня к Вам, Сергей Семёнович. Не допустите кровопролития. Откройте крепость.

Хабалов налил из графина немного в стакан воды и выпил.

— Я Вас услышал,... товарищ Чепаев. Вас проводят за ворота крепости. Ответ будет дан не более как через полчаса.

Полчаса минуло.

Движения у крепостных ворот не наблюдалось. Лишь переминались с ноги на ногу дежурившие на заставе офицеры, которые отправили солдат на территорию, от недоверия ли к ним или по какой иной причине. Василий стоял на мосту метрах в сорока от входа. Посмотрев ещё раз на часы он тяжело вздохнул и сдвинул фуражку на лоб.

Выстрел он ожидал и потому, услышав его за спиной, моментально рухнул на мостовую. У ворот прогремел оглушительный взрыв динамита. Через пару секунд за ним грохнул ещё один с другой стороны. Офицеры повалились прошитые осколками самодельных бомб, заложенных группами диверсантов полковника Потапова в цветочные вазоны. Каким образом офицерам ночью удалось не замеченными пробраться к воротам крепости, проделать в цветниках отверстия и поместить в них взрывчатку, для Василия осталось загадкой. Но, собственно, они этому и обучались. Температура воздуха была минусовая [1] и потому динамит отреагировал на пулевое попадание моментально. Шилов не знал и о том, сколько было задействовано групп. Возможно одна устанавливала на Троицком мосту бочки, наполненные песком, по просьбе Василия, чтобы была хоть слабая, но возможность укрыться в случае стрельбы со стороны баррикады, а другая, в это время занималась цветниками. Но вполне возможно, что действовала одна группа спецов. Хотя... Доставить бочки, разместить их, это уж точно не заметно никак не сделаешь, найти обоснование их установки и объяснить любопытствующим, если потребуется, это занимает не мало времени. Потому работали разные диверсанты.

Ворота медленно открылись. Василий встал и отряхнулся. Впереди группы офицеров, выделяясь густой бородой лопатой, шёл комендант крепости генерал от артиллерии Никитин. Он остановился не доходя до Шилова и поднял руку, задержав движение остальных. Шилов подошёл к генералу. На него смотрели глаза уставшего человека возрастом под семьдесят лет, который только и ждёт, когда можно забыться от всех этих передрыг у камина в своём доме. Василий вглядывался в группу офицеров, но не видел среди них Хабалова.

— Сергей Семёнович? — обратился он к Никитину, и тот печально повёл головой из стороны в сторону.

Шилов, не обращая внимания на появившихся из ворот всё новых офицеров, кинулся мимо них в крепость и там увидел...

Он сидел, навалившись спиной на стену. Ноги вытянуты, руки брошены вдоль тела, и сантиметрах в тридцати от правой руки лежал револьвер, отлетевший, вероятно, когда выпал из руки Хабалова. Лицо его было спокойным и даже где-то умиротворённым. Василий тяжело опустился рядом, вытянул ноги и прислонился также спиной к стене и уставился взглядом туда, куда были направлены мёртвые глаза генерала.

— Зачем так?... — прохрипел он, повернулся к Сергею Семёновичу и прикрыл ему глаза.
— Зачем?

На территорию лихо залетали казаки Филатова. Подхорунжий соскочил с коня и резво подбежал к Шилову.

— Ранен? — взволнованно спросил он.

Василий отрицательно мотнул головой. Макар Герасимович перевёл взгляд на Хабалова и, поняв причину печали Шилова, обнажил голову.

— Ты вот что, Макар Герасимович, — тяжело поднялся Василий, — выдвигайся к Кронверкскому арсеналу. Думаю, что после падения крепости сложностей там не будет. Отправь кого-нибудь к Толмачёву, он на Троицкой площади командует, пусть подгоняет грузовики к арсеналу, чтобы оружие грузить. Там порядка ста тысяч винтовок.

[1] При температурах ниже +8 град. динамит замерзает с повышением чувствительности к взрыву до опасных величин.

Глава 9. Год 1916.

Уже около получаса Шилов сидел за столом коменданта крепости и безжизненным взглядом смотрел на телефонный аппарат. Он никак не мог прийти в себя от смерти Хабалова. Она, откровенно говоря, до глубины души потрясла его. Ведь по сути в ней есть и его, Василия, вина. Зачем надо было затевать столь пространные дебаты? Рассуждать, доказывать. Устроил, бля, дискуссию. Поставил бы просто перед фактом, так мол и так, царь-батюшка и тэдэ и тэпэ, предложил бы продолжить генералу службу государству трудящихся. Получил бы на предложение отказ? Ну что же, это осознанный выбор генерала. Хотя и смерть, это ведь тоже его выбор. Ни Никитин, ни барон стреляться не стали. Они сделали для себя другой выбор. А ты, Сергей Семёнович, ой как не прав.

Василий поднял трубку и набрал номер Альтфатера. С флаг-капитаном Шилов не общался уже, наверное, с неделю. Василий Михайлович ответил практически сразу, не успели пройти четыре-пять вызовов.

— Альтфатер, слушаю, — бодрый голос пробил эфирные помехи.

— Василий Михайлович, приветствую. Чепаев, — постарался, как можно энергичнее, наполненным жизненной радостью, голосом поздороваться Шилов.

— Василий Иванович, здравствуй, — откликнулся Василий Михайлович. — Рад тебя слышать, товарищ Чепаев.

— Кстати, товарищ Альтфатер, теперь у меня появился ещё и партийный псевдоним — Шилов. И им, я полагаю, буду пользоваться гораздо чаще, чем фамилией Чепаев. Так что, при-выкай. Но звоню я тебе не по этому поводу. Хотел поинтересоваться, как у нас дела с флотом?

Пауза, которая возникла перед ответом флаг-капитана, могла говорить лишь о том, что Василий Михайлович у себя в голове выстраивает информацию в нужной последовательности.

— Дела с флотом? Дела с флотом замечательные. Даже сам несказанно удивлён. Практически все высшие офицеры морского министерства и Балтийского флота на нашей стороне. И они на нашей стороне не на словах, а подтверждают свои позиции конкретными делами. По их распоряжению в акваторию Невы введены двенадцать кораблей, в том числе миноносец «Самсон» для прикрытия «Авроры». С экипажами несколько посложнее. Просто одна часть матросов однозначно за большевиков, а есть и такие, которые вообще не понимают, что происходит. Вот эта часть находится в томительном ожидании: кто же одержит верх и кому тогда клясться в любви. И ещё есть опасные тенденции к распространению анархических взглядов. Наша морская братва такая, знаешь ли, свободолюбивая.

— Знаю я про братушек-анархистов. Придёт час и им мозг вправим, - грустно вздохнул Шилов, понимая, что приверженцев принципов безвластия перековывать придётся осторожно, хирургическими методами.

Собственно, в их системе взглядов многое перекликается с большевиками. И где-то, в некоторых моментах по некоторым вопросам, позиция анархизма Шилову даже ближе по его натуре.

— Ну, у вас головы большие, вы и думайте. Ты мне ответь на один вопрос: до меня дошли слухи, что наша милая «Аврора» является резервным штабом. Это так?

Василий чертыхнулся. В принципе, что-то скрывать от Альтфатера он не собирался. Василий Михайлович уже не единожды доказал свою преданность, выполняя поручения Шилова, и сама история его прошлой жизни говорила о чёткой позиции флаг-капитана. Несколько напрягло Василия то, что информация о размещении резервного штаба на "Авроре" начала гулять без контроля. Изначально многие понимали, к сожалению, не все, но многие, что штаб должен быть неприметным, чтобы его не могли ликвидировать и обладать специальными средствами военной спецсвязи. По своей прошлой истории Шилов помнил, как он сме-

ялся над недалёкостью некоторых людей, вроде Троцкого и великого Верховного Главкомандующего подпоручика Антонова-Овсиенко, вообразивших, что военно-государственным переворотом можно руководить по городскому телефону. Просчитав возможность быстрой эвакуации на резервный командный пункт, пришли к выводу, что дом должен располагаться на набережной, желательно — на берегу Невы, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств руководители могли мгновенно сесть на моторную лодку и уплыть на крейсер. Здание должно было иметь проходные дворы к соседним улицам, чтобы агенты могли приходить и уходить незамеченными. Единственным возможным и пригодным местом определили дом на Воскресенской набережной, в котором размещалась контрразведка Петроградского военного округа. Отсюда проходные дворы вели на Шпалерную. Конспирация соблюдалась строжайшая. Лично все моменты отслеживал начальник контрразведывательного отделения полковник Якубов.

— Так, Василий Михайлович. Кстати, спасибо за «Аврору». Передай это, пожалуйста, тем, кто дал распоряжение закончить срочно, раньше срока, ремонт, загрузить углём, нефтью, боеприпасами и пришвартовать недалеко от Зимнего. Ладно, Василий Михайлович, по большому счёту, порадовал ты меня. За исключением одного момента, связанного с анархистами. Ну да пусть этим вопросом занимаются другие люди.

— Чепачев и Шилов? — пошутил Альтфатер.

— Не знаю, сложно сказать. Может быть, партия поручит именно этим товарищам, — поддержал шутку Шилов. — Вот ещё что, Василий Михайлович, ты Нагурского держи в тонусе. Скоро он мне понадобится. Пусть свою «Ласточку» подготовит.

— Как вопрос по бензину решать? Вернее сказать, кто его решать будет? Мне подключаться?

— Не могу сказать так сразу. Прикинь свои возможности. Лететь надо будет в Москву. Если у тебя не найдётся вариантов, значит, озадачу товарищей партийцев.

В последнее время Василий стал замечать за собой, что он практически разучился мыслить, как молодой человек. В начале он не придавал этому значения, но постепенно это понимание стало напрягать. Он перестал говорить, как мужчина двадцати четырёх, двадцати пяти лет. Он стал забывать простые, человеческие слова. Лозунгист, хренов. Он даже во сне думал, как закоренелый партизанин лет пятидесяти. У него не возникали желания расслабиться в компании молодых людей, его ровесников. Он превращался в ... А в кого? Какие могут быть развлечения, когда на кону судьба страны? Угомонись, юный старик. Важнее сейчас, чтобы у тебя хватило багажа твоих знаний ещё какое-то время находиться в стадии развитого мыслителя-вершителя. Доведёшь до логического завершения начатое и тогда можешь превращаться в куколку.

Шилов положил трубку и бессмысленным взором смотрел куда-то в центр столешницы. Зумер телефона прозвучал неожиданно, Василий не просто вздрогнул, а натурально даже подпрыгнул в кресле. Звонивший был до безобразия настойчив. Кто мог названивать?

— Крепость, — бесцветным голосом буркнул Шилов, чтобы не возможно было сразу идентифицировать отвечавшего.

— Крепость? — обрадованно закричала трубка. — Скажи, мил человек, Чепачев, случаем никуда ещё из Петропавловки не уехал?

— А кто спрашивает? — уже своим голосом продолжил Василий.

— Южин интересуется, — протрещал эфир, старательно пытаясь побороть помехи. Впрочем безуспешно. Треск стоял невероятный.

— Да ладно. Ты что ли? Богатым будешь, не узнал. — подначил товарища Шилов.

— Не мудрено с такой аппаратурой и связью. Василий, это ты? Я тебя тоже не узнал. Значит, богатеть будем на пару. — засмеялся Южин.

С чего у него такое игривое настроение, интересно?

— Ну, говори, чего хотел? Я собирался отсюда уже выдвигаться. — устраиваясь поудобнее в кресле продолжил Василий, предполагая, что одной минутой разговор с Михаилом Ивановичем не ограничится.

— Мы нашли замечательное здание с большим актовым залом. Есть, где перед товарищами выступать. В общем, мы перебрались в Смольный институт. Так что, найдёшь нас здесь. — радостно вещал Южин.

— Погоди, что значит "нашли"? Шли-шли, гуляя так просто, любуясь природой и прелестями серого, смурного Петрограда, глядь, откуда ни возьмись, зданьице красивое стоит. Всё такое из себя зазывающее. И к тому же ну совершенно бесхозное. Брошенное подлыми буржуйами. А давай-ка мы его себе возьмём! Заботиться о нём будем. Так что ли? Постой, так вы что же, без охраны? Вы совсем там ебанулись? Вас же перекрошат, как цуциков. — вскочил на ноги Шилов, не задумываясь о том, какими словами обращается к соратнику.

В присутствии партийцев он старался себя контролировать и не допускать откровенной матерщины в разговорах. Но не сейчас. У него всё клокотало внутри. Столько мер приложено для организации безопасности руководителей, а они сами рушат всё, как маленькие дети.

— Фу-у, Василий! Как грубо. Генерал Черемисов прислал для охраны сводный полк латышских стрелков из двенадцатой армии. Представляешь? Десять тысяч отменных бойцов, которые по-русски не бельмеса и готовы стрелять в любого, на кого укажут их офицеры-латыши. Так что, подумай ещё хорошенько, как прорвёшься сам к нам. А то ведь и тебя не пропустят, похабник. — веселился Михаил Иванович. — Мне выделили отдельный кабинет. С телефоном. Тебе, кстати, тоже. Радуйся. Рядом с моим, а с другой стороны у тебя будет Фрунзе.

— Да погоди ты с Фрунзе и кабинетами, пацан. Черемисов? Владимир Андреевич? Ну, Потапов, ну молодец!

— За пацана ответишь, — с нарочитой обидой произнёс Южин. — Я, между прочим, старше тебя, мальчишка.

— Понял я тебя, Михаил Иванович, понял. Каюсь, был не прав. Отбой. Нет, постой, — поспешно крикнул в трубку Шилов, опасаясь, что на том конце провода уже дали этот "Отбой".

— Я здесь, — отозвался Михаил Иванович.

— В Смольном должны находиться воспитанницы института благородных девиц.

— Я никого не видел. Не до того.

— А я говорю, что они там есть. Ленину, небось, кабинет классной дамы под номером шестьдесят семь определили? Так вот, я настоятельно рекомендую немедленно коменданту, кого вы назначили, Пашу Мальцова, пройти на третий этаж и повстречаться с княгиней Верой Васильевной Голицыной. Ещё более настоятельно рекомендую, да нет, я требую, чтобы воспитанницам не усложняли жизнь ни каким образом. Не выселять, не уплотнять, имущество не забирать. Более того, с этой минуты обеспечить им надлежащие условия проживания. Питание, прогулки. Взять их на содержание.

— Ты в своём уме? Чуждым элементам оказывать подобные почести?

— Это не чуждый элемент. Это — девочки от шести до пятнадцати лет. В тех спартанских условиях, в которых они воспитываются, ты бы уж точно не выдержал. А они, возможно, станут фундаментом строительства института образованных жён советских мужчин.

Южин молчал, переваривая информацию. Он мог бы поспорить, но хорошо помнил, что Шилову доступны знания, в которых, вероятно, и про этих воспитанниц всё подробно изложено. Конечно, изложено. Мы ни слухом ни духом про этих девиц, а Василий о них заботу проявляет.

— Хорошо, я донесу до сведения товарищей твои рекомендации и пожелания.

Закончив разговор с Южиным Василий сразу набрал Потапова. К сожалению, некоторые вопросы приходилось решать по городскому телефону. Лишь особо секретные моменты про-

ходили по спецсвязи. Но у Шилова доступа к ней не было. Хотя Василий предполагал, что сегодня, скорее всего, уже можно открыто вести разговоры и по городскому.

— Николай Михайлович, тысячу слов благодарности Вам и Вашим... соратникам. В-первых, за мост, хочу низко поклониться, во-вторых, за Петропавловку. Это я про те места, где сам непосредственно принимал участие и могу лично засвидетельствовать высочайшую профессиональную подготовку ваших диверсионных групп. Отдельно благодарю за действия Владимира Андреевича Черемисова. Спасибо, Вам.

По тому, как засопела трубка, можно было предположить насколько был доволен Потапов. Впрочем, всё заслужено.

— Василий Иванович, слова благодарности приняты. Владимиру Андреевичу передам. Думаю, что ему будет приятно. Ну это всегда приятно, когда ценят твои дела и поступки. Между прочим, Василий Иванович, должен Вам сообщить, что на мосту и у крепости резвились ваши товарищи рабочие. Ну, под руководством наших офицеров, конечно, но надо отдать должное, к подготовке они подошли с полной самоотдачей. Толковые ребята и с прекрасными задатками. Быстро учатся. Можете присылать ещё новых.

— Я уже поручил, чтобы подобрали партию парней из состава казачьих пластунов, из полков прислали лучших солдат. Как у Вас по остальным объектам, Николай Михайлович? Без срывов или есть трудности? Я подзабыл, упустил или мы обговаривали о складах?

— Всё по плану. Знаете, даже не интересно как-то. Настраивались на серьёзные проблемы, а всё идёт как по накатанной. Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, — довольный успехами своих питомцев промурлыкал полковник.

— Ну и я постучу по дереву, — заканчивая разговор произнёс Василий и на том распрощались до следующего звонка, который, как понимали они оба, сегодня непременно ещё состоится.

Шилов вышел из Комендантского дома. Посмотрел на место, где застрелился Хабалов. Ничто не указывало на то, что буквально каких-то полчаса назад здесь произошла трагедия. Суета вокруг на территории уже улеглась. Основная масса народа переместилась к Арсеналу.

— Василий Иванович, — из-за угла вынырнул запыхавшийся Марков, с шиловской снайперкой в руке.

— Ты чего такой взмыленный, Михаил? — удивился Василий.

— Будешь взмыленным! — глубоко хватая ртом воздух, надрывно просипел унтер. — Там, на Нарышкинском бастионе, пушки готовят, чтобы Зимний дворец обстрелять.

— Твою дивизию! — Шилов сорвался с места и побежал к бастиону.

Взлетев по лестнице в крепость, он увидел, что на правой стороне, у вестового орудия [1], копошится прислуга. Надульные чехлы из толстого сурового брезента были сдёрнуты ещё с двух орудий. Приготовления к стрельбе в самом разгаре.

— Отставить! — крикнул Василий, перехватив за рукав шинели пробежавшего мимо солдата. — Кто старший? — гаркнул он на опешившую прислугу, обслуживавшую артиллерийское орудие.

Солдаты недоумённо молчали, перекидываясь вопросительными взглядами друг с другом.

— Я уполномоченный Совета Народных Комиссаров Чепачев. Ещё раз спрашиваю — кто старший?

— Ну, наверное, я, — вышел вперёд солдат, явно из старослужащих. — Постоянный заведующий бомбардир Голубев. Доставил порох с погреба. Готовим вестовое к холостому выстрелу, для подачи сигнала точного времени. Заряжаем порохом.

— А остальные орудия? — мотнув подбородком в сторону расчехлённых шестидюймовок, поинтересовался Шилов.

— А это Вы у них сами и спросите, Вашбродь! — с заметным вызовом ответил Голубев.
— Они мне не в подчинении.

Василий решительным шагом подошёл к прислуге второго орудия, которая словно не обратила внимания на крики появившегося у вестовой пушки офицера, продолжала готовиться к выстрелу.

— Гранатой заряжай, — распорядился один из солдат, глядя на заряжающего, который потянул руки к снарядному ящику.

— Отставить! — перекрыв доступ к замку, прорычал Шилов и прожёт солдат гневным взглядом.

— Представьтесь! — скомандовал он, обращаясь к тому, который отдавал команду.

Солдат махнул головой, и расчёт орудия, неуверенно потолкавшись, построился в ряд.

— Канонир-воспламенитель орудия отдельной крепостной артиллерийской роты Смолен. — зычно отрапортовал первый.

— Бомбардир Сколотнев, — спокойно, словно хотел всем своим видом показать, что бояться ему нечего и некого, дальше фронта не пошлют, а его он не страшит, произнёс солдат.

— Заряжающий Вилланен. — с плавной протяжкой букв, свойственной прибалтам и финнам, сказал третий.

Василий кинул взгляд на второе орудие, прислуга которого прекратила приготовления к стрельбе и наблюдала за тем, что происходит с соседним расчётом.

— Куда собрались палить, друзья-товарищи?

— Знамо куда, по дворцу, — усмехнулся Сколотнев.

— Чей приказ?

Артиллеристы переглянулись друг с другом и дружно пожали плечами.

— А шут его знает. А действительно, братцы, кто команду-то дал? Где этот мужичок? Прибежал, поорал и сдриснул? — озираясь по сторонам, размышлял Смолен.

— Ох, братцы, чуток беды вы не наделали, — вздохнул Шилов. — Царя там нет, причём нет его там давно. Да и отрёкся он. Вы что, не в курсе? Все царские прихлебатели из Зимнего съехали. Там с октября пятнадцатого года военный госпиталь для солдат, раненных на войне. Причём заметьте, госпиталь только для солдат. Неужели не слышали? Все парадные и церемониальные залы, кроме Большого тронного, превращены в огромные палаты, в которых размещаются по двести человек. Представляете, сколько там нашего брата солдата израненного лежит? А в анфиладе залов, которые выходят окнами на набережную Невы, находятся лежачие больные, которые не могут самостоятельно передвигаться. И именно туда вы направили свои стволы.

— От же сука, — выматерился Сколотнев. — То-то мне его слащавая рожа сразу не понравилась.

К этому моменту прислуга второго орудия уже подошла ближе и прекрасно слышала всё, что сказал Василий. Внезапно один из солдат взрычал, словно лев, почувывая свободу, расправил плечи и ломанулся к лестнице. Схватил там увесистый колун-топор, которым обивали лёд на ступеньках, и во весь свой богатырский размах рубанул по обрезу дула верхней части вестовой пушки.

— Хватит! Хватит! Всё-о! — выдохнул он и, бросив колун под ноги, опустился на станину.

Шилов посмотрел с бастиона на город, попрощался с канонирами и пошёл с Марковым к Иоановскому мосту. У первых ворот крепости, держа под уздцы коня, его ожидал Филатов. Заметив, что с Василием ещё и унтер, он махнул рукой и к ним, с явной неохотой, подвели запасного скакуна.

— Залезай, друзёк! Подрастри ляжки, — засмеялся незлобливо подхорунжий.

Василий нехотя забрался в седло.

— Вот, гляди, как надо. Ты в стремях привставай, — и казак преподавал Шилову первый урок верховой езды, а Маркову не понадобились никакие подсказки. Он ловко вскочил на коня, наклонившись к ушам, что-то прошептал и ласково потрепал его по морде. Конь тряхнув головой фыркнул, ударил копытом о мостовую. Филатов с уважением посмотрел на Михаила и, развернув своего скакуна, направил его за Василием в сторону Большой Морской. За ним пристроились сопровождающими десятком казаков с Марковым.

[1] Вестовая пушка — каждый день из этой пушки производили полуденный выстрел, который оповещал жителей города о наступлении полудня.

Глава 10. Год 1916.

Никто не обратил внимания на молодого, стройного офицера, появившегося в дверях аппаратной. За сортировочным столиком, боком к входу, целиком погрузившись в рутину бумажных дел, надсадно сопел начальник. Он на мгновения отрывался то от одного, то от другого листа, откладывал их в сторону и начинал рыться в кипе документов, явно что-то выискивая, очень ему необходимое.

Перекликались звонки, сигнализирующие о начале передачи сообщений или же о приеме таковых. Периодически раздавались призывы операторов: «Ленту!», требующих поднести новую ленту на аппарат. Стучали по клавишам телеграфисты. Самым востребованным был букво-печатающий телеграфный аппарат профессора Юза, который обслуживал линию Петроград-Москва. Оператор едва успевал раскладывать новые сообщения на приставленном к его рабочему месту столе.

Офицер внимательным взглядом изучил всех сотрудников, удовлетворённо кивнул своим мыслям и так же, стараясь не привлекать резкими движениями кого-либо в зале, вышел. Через пять минут он вернулся в сопровождении ещё пятерых военных. Более возрастной и представительный мужчина, в шинели без знаков отличия, прошёл в центр зала и громко обратился к поглощённым работой операторам, телеграфистам.

— Дамы и господа! Минуточку внимания! Прошу вас, прервитесь. Возьмите паузу.

Начальник, ещё туго соображая, полностью находясь внутри проблем, предвещавших бумагами, которые лежали на его сортировочном столе, поднял безумные глаза на офицера.

— Что здесь собственно происходит? Вы кто? — он, поднимаясь со стула, повысил тональность своего отнюдь не столь начальственного голоса.

— Всё просто, господа! Это захват. Почтово-телеграфная контора переходит под контроль новой власти. Можете не беспокоиться и продолжать работать, как работали до услышанного только что сообщения. Единственным нововведением будет то, что сейчас вы оставите действующими пять телефонных коммутаторов. Остальные барышни спокойно отдыхают. Каждые двадцать минут будете меняться. Все телефонные разговоры будут прослушиваться нашими контролёрами. Все ненужные переговоры будут моментально разъединены. Телеграфные сообщения принимаем в обычном режиме. Контролёр осуществляет цензуру и решает, каким образом поступить с телеграммой. [1] Кому-то что-то не понятно? Вопросы?

Телеграфист за аппаратом Юза, словно гимназист, неуверенно потянул руку вверх.

— Что у Вас? — разрешая задать вопрос, кивнул офицер.

— Извините, господин... не знаю, к сожалению, Вашего звания, но телеграмм очень много поступает. Ваш человек просто не в состоянии будет успевать с ними ознакамливаться и тут же принимать решения.

— Не переживайте, этот, — мужчина сделал акцент на слове «этот», — справится.

* * *

Офицер был очень убедителен, но диспетчер путей попытался было показать свой нрав, отказываясь подчиниться требованиям людей в офицерских шинелях без знаков различия. Конечно, он отметил, что требования были высказаны в необычной форме и походили, скорее, на предложение. Вежливое и мягкое.

— Вы не производите впечатление неумного человека. Поймите, так или иначе, но наши установки будут работать. С Вами или без Вас. Нет, не пугайтесь. Никто Вас убивать не собирается. Просто на Ваше место мы посадим своего подготовленного человека, и он сделает всё в лучшем виде. Мы могли бы и сразу использовать данный вариант, но... Во-первых, Ваш голос на линии знает каждый стрелочник, каждый служащий. К Вам у людей больше доверия, чем

к незнакомому человеку, который заявляет, что Вы срочно вынуждены были отлучиться по неотложным делам, связанным с проблемами по здоровью, и временно Вас будет подменять он. Во-вторых, мы даём Вам совершенно нетрудный шанс внести свою лепту в победу государства рабочих и крестьян. Ну так как, на каком остановимся? Во-первых или?

Диспетчер уже сумел сориентироваться во время монолога офицера и ответил твёрдо:
— Во-первых. Я сделаю всё, как положено.

И с этой минуты по советам специального человека, пристроившегося на стуле рядом, нужные поезда и эшелоны пропускались, а которые были «ненужными» - тормозились, загонялись в отстойники, на запасные пути.

Таким образом, всеми вокзалами, почтамтами, телеграфом, телефонными станциями без шума овладели специальные группы контрразведки, в которых участвовали и прошедшие подготовку присланные Шиловым рабочие. В течение полутора месяцев, под руководством офицеров Потапова, на глухих пустошах и в лесах под Петроградом обучались и тренировались отряды собственных боевиков по программе профессиональных диверсантов. Именно они малыми группами совместно со спецами разведки взяли под контроль все узловые точки города, включая все разводные мосты, банки, полицейские участки, архивы. Командующий Петроградским военным округом Полковников, участвующий в заговоре генералов, готовился доложить о данных событиях главкому Духонину только на следующий день. [2]

* * *

Дворец, тёмный и мрачный, словно пропитанный кровью, высился своими свекольного цвета стенами [3], без единого огонька в окнах. Первая группа, проникшая через подвал, добралась незамеченной до дворцовой электростанции и вырубил её. Зачистка оказалась задачей не из простых. В полной темноте предстояло проверить тысячи помещений. Приказ был получен: никого не убивать и не увечить. Времени на захват отведено мало. Каждый из диверсантов прекрасно понимал, что отсутствие электроэнергии может сказаться на возможности проведения срочных и запланированных хирургических операций раненых солдат-фронтовиков. Юнкера и офицеры избавлялись от оружия без применения к ним насилия. Когда включили свет, в вестибюле было собрано около семисот человек с ужасно перепуганным видом. Дворец был зачищен без единого выстрела.

— Господа, — вышел перед волнующейся толпой юнкеров человек с растрёпанной бородой в шинели с погонами полковника. — Господа, власть Советов не преследует цели бездумного, ничем не оправданного уничтожения офицеров, юнкеров и солдат, которые стоят по другую сторону баррикад. Слишком мало прошло времени, чтобы всё осознать, разобраться и принять единственно верное решение. Вы можете быть свободны, господа. Хотелось бы мне, чтобы нам не пришлось вновь встретиться, целясь друг в друга. Пусть уж лучше мы будем в одном строю истреблять внешнего врага. Для вашего сведения, офицеры Генерального штаба считают, что принявшая на себя бремя спасения страны партия большевиков, в лице их правительства, имеет все возможности и основания победить в непростой борьбе. Даже если просто учесть факт того, что на их стороне народ России. Именно поэтому генералы и полковники поддерживают Совет Народных Комиссаров и призывают моими устами вас принять аналогичное решение. А сейчас, честь имею, господа. Как я уже сказал, вы свободны. Всех. Кто определится о своей дальнейшей судьбе и согласится служить Советской России, прошу прибыть во дворец завтра к полудню.

Загрохатали по полу сапоги сотен выбегающих из вестибюля людей. Полковник снял фуражку и протёр взмокший лоб платком. Всё же напускные спокойствие и уверенность, которые он демонстрировал перед юнкерами, дались нелегко. Когда на тебя смотрят семьсот вполне подготовленных унтер-овер-офицеров, от которых не знаешь чего ожидать, невольно стано-

вится некомфортно. Тем более, когда знаешь, что под твоим управлением всего-то двадцать человек, хоть и «ах каких мастеров убийства».

— Господин полковник, — подошёл к нему офицер лет тридцати, с чистым лицом, ясными голубыми глазами и короткой стрижкой. — У входа во дворец топчется небольшой отряд. И рабочие есть, и солдаты.

— Сейчас выйду. Вы вот что, господин капитан, предупредите наших. Определите места для пулемётов, которые забрали у юнкеров. На всякий случай.

У входа, всматриваясь в окна, чтобы разобраться с происходящим внутри дворца, волнуясь, семенил Чудновский. Заметив открывающуюся дверь, его малочисленный отряд ломанулся туда, но им проход перекрыл полковник.

— Я направлен на охрану дворца уполномоченным Совета Народных Комиссаров Василием Ивановичем Чапаевым, — сразу в лоб объявил полковник.

Чудновский резко осадил свой наступательный порыв, едва услышав фамилию того, кто не моргнув глазом убил его патрона, покровителя Льва Давидовича. Проскользнула подленькая мыслишка нагадить Чапаеву, но здравый рассудок обуздал мимолётный порыв.

— Может быть, вам требуется усиление? — поинтересовался Григорий.

— Мы располагаем вполне достаточным составом, чтобы не допустить мародёрства и разграбления дворца.

Великий штурм, так красочно показанный в будущем Эйзенштейном, неожиданным образом отменился. Всё обошлось тихим, бескровным захватом.

* * *

Едва свернув с Невского и добравшись до Большой Морской, шестнадцать, Шилов с казаками увидел впереди толпу возбуждённых мужиков, вооружённых винтовками с примкнутыми штыками. Эта бурлящая масса заполонила собой всё пространство от перекрёстка с Гороховой и до, скорее всего, дома по адресу Большая Морская, двадцать четыре. Это разгорячённое и без того до предела сборище и тем не менее кем-то подстрекаемое, и дальше волнами накатывало на вход и пыталось подобраться к витражным окнам, чтобы расколошматив их, прорваться внутрь. Но всякий раз волна разбивалась обо что-то невидимое и откатывалась назад, всё больше приходя в ярость от неудач. Изредка звучали выстрелы. Стреляли из здания, но ни одного пострадавшего не наблюдалось. Вероятно выстрелы были предупредительными поверх голов или в воздух.

Орава на некоторое время прекратила безрезультатные наскоки и клубилась плотным кольцом вокруг кого-то, объяснявшего новую тактику прорыва.

— Идишь ты, подишь ты, — почесал затылок Василий, прокручивая в голове возможные варианты действий его малочисленного отряда.

— Стало быть, поступаем следующим образом, Макар Герасимович, — принял решение Шилов, — Ты отправь-ка скоренько кого-нибудь за своими, пусть хоть полсотни приведёт. А мы в это время... А мы в это время... А ты в это время ждёшь меня наготове здесь. Смотри сам, либо - «шашки наголо», либо с винтарями. Пойду, схожу к этим воинствующим мужчинам. Попробую накал снять. Когда тебе наскакивать, думаю, разберёшься. Без жалости.

— Ты опять в герои рвёшься? Может, остепенишься уже? Ну не закрыть тебе все дыры собою.

— Все не закрыть, а эту попробую, — усмехнулся Василий. — Они же на империю Фаберже пасть раззявили. А нам надо того не допустить. Я же к этому почтенному старичку и ехал.

Филатов понимал, что уговаривать Шилова оставить свою затею бесполезно. Только нервы и время тратить. Он молча перекрестил Василия.

— Удачи, друзёк!

В беснующейся толпе приближающегося всадника заметили сразу. Круг разомкнулся, образовав полукольцо. В середине его стоял высокий мужчина лет тридцати пяти, в офицерской шинели без погон и с красной повязкой на рукаве. Он решительно двинулся навстречу Шилову и требовательно поднял руку, преграждая дорогу.

— Кто таков? — недружелюбно разглядывая Василия, направил на него револьвер воинственный и храбрый «офицер».

— Уполномоченный Совнаркома Чепаяев. С кем имею честь? — как можно благодушнее, помягче ответил Шилов, несмотря на то, что внутри замурлыкали недобрые волки раздражения на быдлачьи манеры стоявшего перед ним мужчины.

— Чего хотел, уполномоченный? — не обращая внимания на вопрос Василия, процедил «красноповязочник».

— Кому отвечать? — с нервом в голосе произнёс Шилов.

Мужик словно поперхнулся его словами. Захлопал глазами.

— Что значит «кому»? Мне, конечно!

— А ты, собственно, кто? — с ехидной улыбкой поинтересовался Василий.

— Я — начальник отряда Красной Гвардии Бравицкий. Это — мои люди.

— Из каких будешь, брат Бравицкий? Эсеры?

— Ты меня с этими в одну чашку не мешай. Я — анархист.

Шилов окинул взглядом толпившихся «красногвардейцев».

— Как вы, анархисты, прибрали к рукам охранные отряды «Рабочей гвардии» и перекрестили их в «Красную гвардию», мне известно. Два цвета анархии — красный и чёрный. Значит, вы — отряд рабочей «Красной гвардии»?

— Само собой, именно так.

Василий выцепил взглядом стоявшего напротив мужичка лет под сорок, с маленькими ушами, пышными ресницами, маленьким носом и большими губами.

— Скажи, мил человек, ты на каком заводе работаешь?

«Большегубого» словно током шаркнуло. Он стал оглядываться на своих товарищей и тыкать в сторону Шилова пальцем, мол, смотрите, братцы, не соображает человек, кому такие вопросы задаёт обидные.

— Не, вы только послушайте! Я чо, больной? Пусть ишаки пашут, а я — честный «Иван»

[4]

— Извини, уважаемый, не доглядел, — смиренно приподнял перед собой ладони, словно отгораживался ими от гнева мужика, обиженного подобными вопросами, Василий.

— А ты, браток, — посмотрел он на другого, длинного и худого «красногвардейца», который стоял рядом с первым, засунув руки в карманы куртки и с вызовом глядел на Шилова, — на фабрике или где-то ещё работаешь?

«Фитиль» тоже заозирался, словно искал поддержки.

— Ну ты даёшь... Я с Стырей на соседней шконке баланду хлебал...

— Всё! Вопросов не имею, уважаемый.

Василий привстал в стременах и крикнул так, чтобы слышали все стоявшие в полукольце.

— Ну что, гвардейцы, а поднимите-ка руку те, кто из вас тоже познал прелести тюремные по статьям уголовным. У кого за спиной хоть раз в жизни с лязгом и щелчком захлопывалась дверь камеры?

Тех, кого миновала сия участь, оказалось не более пятнадцати процентов, большинство из которых составляли юнцы в фуражках гимназистов.

— И что же привело вас к этому дому, отряд рабочей «Красной гвардии»? — с иронией в голосе спросил Шилов у Бравицкого.

— Здесь шикарный «карась» проживает. Вот, думаем экспривировать у него чего стоящего. Золотишко там, или бриллианты, — гордо объявил начальник отряда. — Их здесь вообще три еврейчика промышляют, и из каждого есть чего стрясти.

— Ты же сам еврей, — усмехнулся Василий.

— Ты не ровняй, — возмущённо вскинулся Бравицкий, — Я еврей из народа, а то евреи... Не наши евреи...

— Ну понятно... Ишь, как ты про них всё знаешь, — вроде как выказывая в голосе уважение, протянул Шилов.

— Хэх! — важно задрал подбородок, выдохнул начальник отряда. — Я за этой лавочкой давно-о-о наблюдаю. Всё не знал, как потрясти. А тут такой случай. Зайдём — на всех хватит. Только вот, зараза, офицерики какие-то не пускают. Пока что в нас не пуляли, но боязно под пулю лезть. Как думаешь, чего изобразить можно?

— Изобразить, говоришь? — Василий обернулся назад, высматривая казаков.

Филатов, напряжённо вытянувшись в струнку, стоял в стременах, положив обнажённую шашку на плечо.

— Что я могу тебе предложить, Бравицкий? — изображая раздумье, протяжно произнёс Шилов, — Понимаешь, этот еврейчик, как ты говоришь, выпускает эксклюзивные произведения искусства. Не какие-то безделушки красивые и дорогие, а именно такие вещи, которым место в музеях мира. Поэтому я бы тебе посоветовал отступить от этого дома. И вообще, не доводи до греха со своей фальшивой «Красной гвардией». Не марайте хорошее название. Ты думаешь, я не знаю, кто ломанулся в эту вашу гвардию и главное — для чего? Основной костяк составляют бандиты и воры. Получили на руки оружие, понавывписывали себе мандаты и теперь ринулись безнаказанно грабить народ, мародёрствовать? Ну уж шиш вам во всё рыло! У тебя и сейчас вон, большая половина — пьяные. Не примешивайте себя к настоящим рабочим красногвардейцам. Из-за вас на всю Красную гвардию помои лить начнут. Обзовитесь как-нибудь, типа «Гвардия анархии» что ли.

Бравицкий вначале дёрнулся, наливаясь пунцовым гневом, глаза метали стрелы бешенства, но потом вдруг успокоился. Словно спустил пар через запасной клапан.

— Вот сейчас обидел, но Бравицкий умеет быть понятливым. Верно, Стыря? Как считаешь, разум ещё не потерял, Бравицкий? Так и быть, уговорил, уполномоченный. Прощай, — он протянул руку.

Василий, без задней мысли, в ответ подал свою, и тут же от резкого рывка вылетел из седла. На него разом навалились Стыря с Фитилём. Вероятно, обращение начальника к Стыре было определённым знаком, и парочка дружно подключилась к операции шефа. Первые три-четыре минуты Шилов ещё воспринимал каждый пинок по телу, каждый удар сапога по голове, а потом сознание начало его покидать, и боли он уже не чувствовал. Уже в далёком тумане уходящей действительности, слух захватил лихой посвист казаков, идущих малой лавой в атаку.

Когда Василий обрёл возможность здраво воспринимать происходящее вокруг, он обнаружил, что наступала финальная стадия побоища. Казаки Филатова, со звериным рыком, с хрипами, вырывающимися в момент опускания шашки на голову очередного подвернувшегося «красногвардейца», гоняли разбежавшихся налётчиков. Рука бойцов колоть устала. Порезвились казачки знатно. Не тронули только гимназистов, которые тряслись, прижавшись спинами к витражным окнам здания.

Подхорунжий «потанцевал» конём рядом с Шиловым и соскочил из седла. Склонившись над Василием, радостно улыбнулся.

— Жив, чертяка. А я уж думал — всё — как к нашему игроку песен.

— Помяли бока от души, сволочи! — поморщился Шилов, покрутившись телом из стороны в сторону. — Вроде целы косточки. Благодарствую, Макар Герасимович, вновь ты меня от смертушки верной отвёл.

Двери в здание отворились, и из них вышел подтянутый офицер. Под шинелью скрывалось тело человека, которому явно не чужды активные занятия спортом. Он окинул оценивающим взглядом поле сражения, вернее — место уничтожения уголовников, и не спеша подошёл к Шилову, которому Филатов уже помог подняться.

— Здравия желаю! Вы, если я правильно понимаю, Василий Иванович, — обратился он к Василию.

— Так точно. Вы правильно понимаете. Я — и есть Василий Иванович Чепачев-Шилов.

— Капитан Нежинский, — обозначив кивок головой, представился офицер. — Руководитель диверсионной группы. В помещениях всё обеспечено в точности согласно Вашим вводным. Хозяева находятся на месте, сношений с внешним миром не допускалось, здание никто не покидал. Вовремя Вы появились с казаками. Откровенно говоря, мы уже и не знали, чем всё закончится. Нет, конечно, при штурме мы бы им кровь знатно пустили, но, думаю, нас бы они такой оравой, рано или поздно всё равно одолели.

— Спасибо Вам и Вашим товарищам за самоотверженность и стойкость, товарищ Нежинский. Давайте пройдем внутрь. Мне бы привести себя в порядок хотелось.

Капитан развернулся к входу, но взгляд задержался на трясущихся от страха гимназистах.

— А с этими что делать? Пацаны малые ведь, — повернулся он к Шилову.

— Всыпать бы им по самое не балуй, чтоб на жопу неделю сесть не могли. Макар Герасимович, проводи, будь ласка, с ними профилактическую беседу и гони их к едрене-фене.

— Сейчас я с ними погугарю, друзёк, Уж я им растолкую. Уж растолкую, — скорчив угрожающее выражение лица, откликнулся Филатов. — Иди, занимайся своими делами.

Нежинский ухмыльнулся, отворил дверь и жестом пригласил Василия пройти первым. Войдя, Шилов был ошарашен масштабностью торгового зала, изысканностью оформления. Дубовые прилавки впечатляли своей монументальностью. Из группы капитана на видном месте находился лишь один молодой офицер. Остальных Василий не обнаружил.

Напротив входа, встречая Шилова и Нежинского, стояли три мужчины с недвусмысленно говорящей о национальности внешностью. Самого пожилого, седого как лунь и с такой же белёсой головой, Василий определил как хозяина компании Карла Фаберже. Из стоявших рядом с ним, вероятно, один был сыном известного мастера Августа Хольстрёма — Альберт, а второй старшим сыном самого Фаберже - Евгением. Оба мужчины по возрасту выглядели примерно одинаково, около сорока лет.

Шилов намеревался направиться напрямиком к главе фирмы, но неожиданно старичок сам, довольно сноровисто, пошёл ему навстречу, протянув для рукопожатия сухонькую ладошку.

— Премного благодарен Вам, молодой человек, за оказанную Вами охрану моего дома.

— Я рад, Карл Густавович, что поспел со своими людьми вовремя. Надеюсь, наши товарищи, которые находились с Вами все эти часы, не сильно Вам докучали?

Фаберже украдкой покосился на Нежинского и подступил ещё ближе к Василию.

— Вы знаете, можно сказать, что не сильно, — зашептал он на ухо Шилову, — но вот тот господин не совсем вежливо оборвал мои намерения позвонить моему заказчику, которому я сегодня обязан поставить выполненный заказ.

— Карл Густавович, он действовал согласно установленным указаниям. Моим. Думаю, ничего с Вашим заказчиком не произойдёт, если Вы доставите ему заказ без предварительного звонка.

Старик абсолютно не соответствовал устоявшемуся стереотипу в отношении евреев. Он разговаривал на грамотном русском языке, разве что с интонациями, так знакомыми Шилову по многим фильмам.

— Карл Густавович, Вы позволите мне привести себя в порядок. А то видите, мне слегка досталось.

— Конечно, конечно. Пройдёмте в мой кабинет. Там Вы и умоетесь, и поговорим там же. Ведь Вы намерены со мной о чём-то поговорить?

Кабинет поразила Василия великолепием стен, обшитых дубовыми панелями и роскошной библиотекой в два этажа высотой.

Ополоснув лицо, смыв с него кровь, промыв основательно многочисленные царапины, Шилов вышел в комнату, в которой уже сервировали стол чайным набором. Фаберже жестом пригласил Василия располагаться, не указывая на каком месте, предоставив возможность выбора. Шилов прошёл к стулу напротив хозяина.

— Карл Густавович, - сразу же приступил к делу уполномоченный. — Мне хотелось бы обсудить с Вами, на каких условиях будет строиться дальнейшее пребывание Вашей семьи, замечательного руководителя ювелирной мастерской Альберта Августовича и других, в России. Вам, вероятно, известно, что самодержавие пало и в стране установилась новая власть? Власть трудящихся.

Шилов прервался, почесал саднящие царапины на щеке.

— Бога ради извините, не в той тональности начал я нашу встречу. Наверное, для пущей важности, нужно немного напустить загадочности, как Вы считаете?

Отметив печать недоумения на лице старика, Василий улыбнулся.

— Не беспокойтесь, просто хочу Вас немного поудивлять. Так сказать, явить пред вами свои неординарные способности. Для начала ответьте, пожалуйста, на совсем не сложный вопрос: много ли сотрудников организации имеют доступ к данным о стоимости ценностей, хранящихся в Вашем, поистине одном из лучших в России блиндированном сейфе-лифте фирмы «Арнхайм»? Полагаю, число доверенных лиц весьма ограничено.

Степень недопонимания, происходящего здесь, возрастала с каждым словом Шилова и заметно отражалась на озабоченном лице Карла Густавовича.

— А как Вы считаете, мог ли кто-нибудь из этих посвящённых в данную тайну, раскрыть её на сторону? — продолжил Василий, — Вы пока подумайте, а я напишу вот на листочке некоторую информацию.

Не дожидаясь разрешения, он взял из стопки на столе небольшой листик, предназначенный явно для записей, простой карандаш и написал:

«Драгоценностей на семь с половиной миллионов золотых рублей. В бронированных подвалах московского магазина на Кузнецком мосту, дом четыре, двести сорок килограммов серебра и две тысячи четыреста различных предметов - золотая посуда, ювелирные изделия. Опись драгоценностей на сумму один миллион шестьсот три тысячи золотых рублей, в Вашем заветном саквояже занимает двадцать листов.»

— Ну как, подумали? И что скажете? — сложив листок пополам и пока не отдавая его Фаберже, с озорными искорками в глазах, спросил Шилов.

— Господин красный большевик, и что Ви имеете к мне сказать? Не пугайте мне мозг. У него извилины и так путаются в ногах.

Василий открыл от изумления рот.

«И что это сейчас было? Откуда проявился товарищ еврей?»

— Ви не лыбьтесь так, бо порвёте рот.

— Ну что же, давайте полыбимся вместе, — с затаённой неприязнью усмехнулся Шилов, — Полюбопытствуйте моим изложением.

Он двинул к ювелиру по столешнице листок и, в предчувствии пробуждения страха у Фаберже, отвисания челюсти от непонимания, растянул уголки губ в язвительной улыбке.

— Впечатлило? — поинтересовался Василий, удовлетворённый началом паники у старика. — Продолжим? Это есть у нас для Вас! Карл Густавович, признайтесь, что тайной кода к сейфу и местоположением ключа к обесточиванию сейфа владеете только Вы и Ваш старший сын Евгений. Я ничего не путаю? Надеюсь, Евгению Карловичу Вы доверяете, а уж себе

и подавно. Итак, факир из Италии, проездом на гастроли в Персию. Всего одно представление. Барабанная дробь! Я вижу, Вы отошли от правил, и сейф поднят между первым и вторым этажами среди белого дня, не дожидаясь ночи? Вероятно, подействовало намерение буйных господ с улицы вломиться в Ваш дом. Пусковой рычаг под током?

Евгений, неожиданно для самого себя, кивнул утвердительно.

— Ну, тогда я пошёл, — уперевшись ладонями в колени, Шилов резко оттолкнулся и встал со стула.

Он уверенно прошёл к заветному тайнику и достал ключ, которым без промедления отключил ток, идущий на рычаг. Двинув механизм, дождался, когда сейф-лифт опустится. Зачарованно, с восхищением Василий стоял и смотрел на бронированную дверь весом почти полторы тонны. Стряхнув с себя очарование, он подошёл к сейфу и решительно набрал комбинацию. Дверь клацнула запорами. Шилов потянул створку за могучую ручку и, дождавшись появления небольшой щели, оставил своё занятие.

Фаберже, даже и не скажешь, что дяденьке семьдесят лет, подлетел к Василию, развернул его к себе лицом, махнул рукой и подскочил к сейфу. Резко развернулся и вновь упёрся взглядом в Шилова.

— Я не верю своим глазам. Сведения из записки я ещё как-то мог оправдать, попытаться объяснить, убедить себя в нечистоплотности одного из нас, но сейф... Этому есть объяснение, молодой человек?

— Всеми в жизни есть объяснения, Карл Густавович. Абсолютно любому событию. Они могут быть неверно преподнесены, неверно поняты сами события. Со мной всё намного проще. Меня мои товарищи называют: «Видящий сквозь времена». Я, Карл Густавович, увидел Вашу и Вашей семьи жизнь на пять лет вперёд. Потому и все Ваши тайны для меня являются всего лишь информацией из прошлого, свершившегося. А вот теперь, когда чудеса предьявлены и Вы, надеюсь, более ответственно отнесётесь к сведениям, предложениям, которые я Вам сейчас озвучу. Прошу заметить, что я далеко не к каждому хожу лично для переговоров, но именно к Вам, с огромным уважением, пришёл. Хочу сразу честно Вас предупредить, что как раньше Вам не удастся работать. Вернее сказать, работать Ваша компания, мастерские будут без ущемления со стороны правительства, но вот реализация Вашей продукции будет поставлена на контроль и с этих продаж нужно будет оплачивать определённый процент в бюджет страны. Особо хочу сделать акцент на том, что Вашей компании будет сделано исключение. Мы не приветствуем наёмный труд, но я понимаю, что иным способом так быстро, как хотелось бы, проблему в Ваших мастерских, с Вашими специалистами, нам не решить. Одним из вариантов, как мне кажется, можно было бы рассмотреть образование кооператива имени Фаберже по изготовлению произведений искусства, в состав собственников которого будет включён каждый из работников. Ну и, естественно, с определённой долей у государства. Могу гарантировать, что Вам будет выдано «Охранное свидетельство» о внесении в список лиц, находящихся под покровительством Советского правительства, вследствие чего Вы, Пётр Карл Густавович Фаберже и всё принадлежащее Вам имущество состоят под защитой Совета Народных Комиссаров. Вас не затронет действие Декрета «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах». С определёнными оговорками, конечно, и ограничениями, но всё же. Зато Ваша империя продолжит свою жизнь. Вам не придётся покидать Родину и скитаться на чужбине. Вот такое предложение я уполномочен Вам объявить от имени правительства. Как Вы понимаете, товарищи, в обществе которых Вы с утра находились в здании, проведут сегодня опись всех драгоценностей, дабы избежать ненужных эксцессов в дальнейшем. Заказ, который Вами выполнен для кого-то, Вы можете отправить. Поймите меня правильно, нам, нашему молодому государству, нужны мастера-ювелиры. Именно с такой профессиональной подготовкой, как у Вас. Времени на принятие решения даю два дня. На этом, вынужден откланяться.

Шилов обозначил поклон головой и вышел из кабинета. Нежинский ожидал его у входа. Василий вкратце объяснил капитану, что требуется сделать. В витражное окно было видно, что Филатов с явным удовольствием принял на себя роль воспитателя. Он размеренным шагом ходил мимо гимназистов и, помогая себя отмахками руки, что-то им усердно втолковывал. Шилов улыбнулся, распрощался с Нежинским и зашагал к двери. Внезапно раздался негромкий щелчок револьверного выстрела.

Макар Герасимович изумлённо посмотрел на одного из гимназистов и рухнул на мостовую. Шилов молнией вылетел из здания. Заметив, что стрелявший гимназист настроился бежать, он резким взмахом руки скинул себе в ладонь пистолет на резинке и выстрелил в голову юнца. Не обращая на него внимания, Василий бросился к Филатову.

Макар Герасимович был мёртв.

— А-а-а-а, — в бессильной злобе завыл Шилов, закинув голову к небу и обхватив её руками.

«Шилов, ну на хера ты полез менять историю? Жили люди, всё шло своим чередом, так нет, вылез, мудила» - корил себя Василий, сев на землю рядом с подхорунжим.

Казачи, соскочив с коней, собрались вокруг, обнажив головы.

[1] Исторический факт получивший документальные подтверждения работы диверсионных групп контрразведки.

[2] Под руководством офицеров разведки и Дзержинского с мая по октябрь 1917 года в лесах под Петроградом готовились отряды боевиков по программе профессиональных диверсантов. Именно они малыми группами совместно с диверсантами разведки 24 октября овладели всеми узловыми точками Петрограда, а командующий Петроградским военным округом Полковников, участвующий в заговоре, доложил об этом главкому Духонину только утром 25 октября, когда переворот уже был осуществлен.

[3] Здание дворца тогда было выкрашено в свекольный цвет.

[4] До революции уголовников называли «иванами». Дело в том, что при задержании преступники не собирались называть настоящие имена, чтобы им не вспомнили прошлые грехи. Поэтому на вопрос об имени отвечали «Иван», а о фамилии – «Не помню». В документах так и записывали: «Иван, не помнящий родства», и в криминалитете прижилось простое – «иваны».

Глава 11. Год 1916.

Солнце плело узоры своими лучами. Толстыми косами оно ласково обнимало деревья, словно пыталось их согреть, как в пуховом одеяле.

«Скоро, скоро совсем тепло станет. Потерпите, мои родимые». — нежно шептало оно ещё дремавшим ветвям.

Приводнились удачно. Шилов опасался, что гулявший на верхах ветер может резвиться и внизу, нагоняя штормовые волны, которые на Ильмене достигают двух метров в высоту. Но, к удаче, уже совершая «пристрелочный» пролёт над поверхностью, и Нагурский, и Василий отметили, что гребни волн не рассыпаются и «барашков» не наблюдается. Прижавшись пониже, Ян поднял большой палец. Даже пены на гребнях волн не было. На озере гуляла небольшая рябь, поднимая воду не более чем на десять сантиметров. Нагурский подкорректировал курс, и лодка поймала носом прямо по ходу темневший стенами домов Великий Новгород. Лёгкий шлепок днища о воду, застучали о корпус разбегающиеся волны, двигатель взвыл и тут же сбросил обороты. Аппарат двигался по инерции в направлении берега, на котором их ожидали, приветливо размахивая шапками.

При подготовке к полёту Альтфатер доложил, что ему не удалось связаться с кем-либо в городе и пришлось подключать местных партийцев, которых озадачили заготовкой и доставкой бензина на берег озера. Маршрут Нагурский разбил на два отрезка. Промежуточным пунктом он определил Великий Новгород около незамерзающего озера Ильмень в ста семидесяти километрах от Петрограда, если лететь по прямой. Дальше, до Москвы, бензина должно было хватить.

Пока Нагурский занимался дозаправкой гидросамолёта, Шилов с Дзержинским побеседовали с председателем партийного комитета Ионовым. Молодой парень двадцати двух лет с кипящей натурой восторженно делился произошедшими событиями на новгородчине. Шилов слушал его краем уха, понимая, что ничего нового для себя он не почерпнёт, всё как и везде стандартно. Он внимательно наблюдал за Феликсом Эдмундовичем. Прибывший только день назад из Москвы, после освобождения из Бутырки, Дзержинский выглядел неважно. Сказывались и его болячки — энфизема лёгких, туберкулёз. Но в полёте, от встречного бодрящего ветра, лицо у Народного комиссара раскраснелось, щёки обрели даже здоровую окраску.

Биплан заправили оперативно, и, распрощавшись с новгородцами, М-9 продолжила свой полёт курсом на Москву.

Приземлились на рысистом ипподроме на Беговой. Рысистый отличался от скакового тем, что на нём шли две незакольцованные прямые параллельные дорожки длиной более полукилометра. Дорожки, естественно, никто не чистил, но это сыграло даже на руку авиаторам. Касание и пробежка оказались мягкими из-за наличия приличного слоя снега. Здесь их, в отличие от Новгорода, никто не ждал. Выбравшись из гидросамолёта, все трое, не сговариваясь, начали приседать, подпрыгивать, размахивая руками.

Разогнав застоявшуюся кровь, Шилов осмотрелся вокруг. Даже внутренний вид здания впечатлял. Каменные трибуны. На первом этаже, вероятно, располагается царская ложа, балкон судей, литерные места. Простым смертным отведены второй и третий этажи.

«Представляю, что там на главном центральном подъезде... А чего тебе представлять? Можно подумать, ты не в курсе, что крышу венчает колесница из четырёх лошадей. Надо пункт себе пометить — бега приносили хороший доход в казну», — размышлял Василий, скидывая с себя мешковатую одежду.

По городу в такой не пойдёшь. Дзержинский последовал его примеру. Нагурский оставался, чтобы охранять летающую лодку.

До нужного адреса в Малом Гнездиновском переулке было чуть более четырёх километров, поэтому решили прогуляться пешком. Подышать воздухом, а в большей степени с целью посмотреть, какая обстановка складывается в городе. Всей картины, конечно же, составить не удастся, но общее понимание всё равно будет.

А Москва бурлила. Бурлила, это мягко сказано. Как только стало известно об отречении царя, в Москве сразу же сформировали большевистский боевой центр с диктаторскими полномочиями. Ведерников с Аросевым успешно провели агитаторскую работу в казармах пятидесяти шестого запасного пехотного полка, под охраной которого находились очень значимые объекты: Кремль с арсеналом ручного и станкового оружия, Государственный банк, казначейства. Им удалось призвать роты на выполнение задания Боевого центра для занятия городских почтамта и телеграфа своими патрулями. Революционный порыв нарастал, как снежный ком. Присоединились сто девяносто третий полк, самокатный батальон. Начальник Кремлёвского арсенала, полковник Висковский, подчинился требованиям большевиков и выдал им оружие, но в это время в борьбу включились юнкера, настроенные резко антибольшевистски. Они блокировали все выезды из Кремля. В здании Александровского военного училища собрались офицеры, которые были готовы оказать сопротивление частям, принявшим сторону большевиков. Студенты образовали добровольческий отряд, получивший название «Белая гвардия». Начались боевые столкновения. И закрутилось. Рабочие на железнодорожных путях отыскивали вагоны с сорока тысячами винтовок и патронами. Вооружались отряды и вступали в перестрелки с юнкерами. Центр города опоясали рваные линии окопов. Юнкера пошли в атаки по всем направлениям. Захватили Кремль, отбили почтамт, взяли под свой контроль вокзалы, улицы и площади. Бои разгорелись нешуточные. Горели дома, число погибших росло.

Шилов, конечно, знал об этих фактах истории, но это ведь было тогда, в его прошлой жизни, в октябре семнадцатого. Неужели всё повторяется с точностью до каждого потраченного патрона?

Василий с Дзержинским, соблюдая осторожность, пробирались по закоулкам города. До трёхэтажного здания Московской сыскальной полиции оставалось около двух километров, когда Шилов придержал Феликса Эдмундовича за рукав.

— погоди! Я вспомнил. Нам надо срочно попасть на телеграф, пока его не заняли юнкера, а они его должны взять, и связаться с Петроградом. Вопрос, по которому мы прилетели, никуда не денется. Час-другой повременит.

Дзержинский возражать не стал, понимая, что Василий просто так не прервал бы их планы. Шилов поозирался вокруг, ориентируясь на местности. Не сказать, что он держал в памяти всю карту улиц Москвы, собственно, он и не изучал её в своё время по той простой причине, что это ему было абсолютно ни к чему. Лишь однажды, пролистывая какую-то книгу с достопримечательностями города, где-то ненавязчиво проскочила и схема столицы. Вот сейчас он и пытался вытянуть это мимолётное видение. Не получалось. Из дома, озираясь по сторонам, вышел усатый мужик в фартуке дворника поверх тулупа, с метлой в руке.

«Нашёл время, чудак, порядок наводить», — усмехнулся Шилов и тут же получил аргумент: — «А почему чудак? Может быть, ответственный человек».

— Уважаемый, — окликнул он дворника.

«И почему все дворники обязательно усатые? У них что, это как атрибут формы?»

Мужик вздрогнул, с опаской посмотрел на двух незнакомцев, но явного испуга не проявлял.

— Извините, пожалуйста, не подскажете, как нам до Центрального телеграфа пройти?

— Не советовал бы я вам туда соваться. Непокойно нынче. Постреливают, — доставая из кармана тулупа пачку папирос, заявил труженик улиц.

— Не было бы нужды, стороной бы обходили, — улыбнулся Василий, располагая своей улыбкой к доверительному общению.

— Ну смотрите, дело ваше. Значит, запоминайте. Пройдёте вон до угла, повернёте направо, — и мужик обстоятельно, очень доходчиво объяснил маршрут.

— Это сколько же до него километров получится? — уже поблагодарив дворника и намереваясь тронуться в путь, поинтересовался Шилов.

— Эт, как подходить... Вроде бы и не далече. Тут и двух километров, наверное, не набьют, ежели дворами путлять, а так-то, ну-у около трёх будет. — послушав палец, аккуратно заглушил чинарик мужик и запихнул его обратно в пачку, чтобы докурить в следующий раз.

— Толкуй по новой. Дворами путлять будем, — вернулся к дворнику Шилов.

— Могу и покороче обсказать, вапче окажется будто за углом, — почесал затылок мужик, и Василий, поняв не скрытый намёк, достал бон на пятьдесят копеек.

Получив исчерпывающую информацию, соратники поспешили на Мясницкую. Звуки стрельбы доносились всё отчётливее. Вынырнув из-за угла дома по Чистопрудному бульвару, Шилов увидел, что нешуточная перестрелка идёт между заседавшими юнкерами и оборонявшимися солдатами и красногвардейцами. Перед входом в здание несуразно топорщилась на скорую руку построенная баррикада. Флигели Почтамта юнкера уже захватили и теперь упорно штурмовали половину, в которой располагался телеграф. Уличив момент между залповым огнём атакующих, Шилов с Дзержинским, вдоль стенки, юркнули за нагромождения всякой всячины и тут же наткнулись на частокол, направленных на них штыков.

— Свои, братцы, свои, — сразу заорал Василий, демонстрируя пустые ладони, дабы избежать недоразумений и совершенно ненужного ему огня на поражение.

— Уполномоченный из Петрограда.

В рядах образовали проход, и Шилов с Дзержинским прошли за баррикаду. Юнкера стреляли.

— Кто у вас тут руководит? — обратился Василий к мужчине в годах.

— Вон, с забинтованной головой, — указал красногвардеец.

«Забинтованный» прапорщик, морщась, видимо, от болей в голове, перезаряжал винтовку. Шилов подошёл к нему. Мужчина, оказавшийся молодым парнем лет двадцати, поднял глаза на него.

— Уполномоченный Совета Народных Комиссаров Чепанев. Из Петрограда. Мне срочно нужно отправить телефонограмму.

— Беркович, — не представившись, окликнул прапорщик пившего рядом воду солдата. — Проводи в аппаратную.

— Вы, может, представитесь, для начала?

— Для чего? — закончив снаряжать обойму, спросил «забинтованный». — Прапорщик пятьдесят шестого запасного полка, младший офицер роты Саблин.

— Я тебе, Саблин, предложу вариант, а ты подумай, — подсел к парню Василий. — Видишь, мы смогли пройти за твою баррикаду. Это, при необходимости, могут сделать и юнкера. Не дожидайся удара с этой стороны. Отправь по-тихому за угол бульвара людей, пусть они мышками прошмыгнут и внезапно нападут с тыла на офицеров. А ты в это время ударишь во фронт. Глядишь, и удастся одолеть. А так, вам осталось отбиваться от силы полчаса, и вас сомнут. Только дуриками не лезьте в атаку. Бей залпами из укрытия.

На вызов телеграфа никто не ответил. Шилов стоял и в немом отчаянии кусал губы.

— Молодой человек, а у Вашего адресата нет телефона? — осторожно подёргал за край рукава шинели Шилова мужчина-телеграфист.

- Что? - встрепенулся словно ото сна Василий, - Телефон? Телефон есть. Конечно же — телефон. Вот спасибо Вам, уважаемый, - обрадованный Шилов крепко пожал руку мужчине.

Складывалось впечатление, что Потапов ни на минуту не покидал своё рабочее место в кабинете контрразведки. Василий был несказанно обрадован, когда Николай Михайлович бодрым голосом ответил на вызов.

— Слушаю.

— Николай Михайлович, это Чапаев.

— Вон оно как, Вам Петрограда уже мало, Вы за Москву взялись? — явственно слышалось, что полковник улыбается.

— Да, я в Москве. У меня мало времени. Идёт штурм телеграфа. Здесь натуральные бои. Свяжитесь с Черемисовым, пусть он из сорок второго корпуса генерала Вальтера незамедлительно отправит в Москву четыреста двадцать восьмой Лодейнопольский полк с артиллерией полковника Потапова для подавления мятежа юнкеров. Я сейчас свяжусь с правительством, чтобы срочно организовали подачу железнодорожных вагонов и открыли зелёный свет по всей дороге. Литерным пойдёт. Меня хорошо слышно? Вы всё поняли?

— Я всё понял, Василий Иванович. Не волнуйтесь, сделаю надлежащим образом. Держитесь там.

В Смольном, на удивление Шилова, к аппарату подошёл Маяковский. Впрочем, Владимир был не менее удивлён, когда понял, что разговаривает с Василием, который почему-то звонит из Москвы.

— Володя, бегом найди Марка Тимофеевича Елизарова. Без проволочек пусть организует отправку Лодейнопольского полка, как только тот прибудет на вокзал. По всей дороге до Москвы чтобы не было ни единой задержки. Московским товарищам нужна вооружённая поддержка. У нас здесь бои. Сейчас на входе в телеграф идёт сражение. Всё. Побежал.

— Василий, подожди секунду. Я сейчас же сообщу о твоём звонке... Лиля просила передать, что очень была бы рада, если бы ты посетил их встречи.

— Потом поговорим, — резко ответил Шилов и прервал разговор.

Заплатив за два разговора девять рублей, он осторожно выскочил к баррикаде. Окинув взглядом обстановку, пришёл к выводу, что ситуация выправилась и у оборонявшихся положение значительно улучшилось, если не сказать, что они одерживают внушительную победу. Держинский, раскрасневшийся, возбуждённый участием в боестолкновении, подбежал к Василию и широко улыбаясь прокричал:

— Отшвырнули мы их. Сработала твоя подсказка, Василий Иванович. Внезапный удар в тыл и с фланга юнкера не выдержали и бежали.

— Это хорошо, но радоваться преждевременно. Они сейчас перегруппируются и опять полезут, только уже учитывая возможность подобных ударов будут намного осторожнее.

Подошёл довольный Саблин, который слышал последние слова Шилова.

— Ничего, теперь пусть лезут. Нам из полка прислали три пулемёта. Живём.

Распроставшись с прапорщиком и пожелав ему победы и исключительно при малой крови, Василий с Держинским отправились по изначально намеченному адресу. Пару раз пришлось прятаться от спешивших куда-то подразделений юнкеров.

У желтоватого трёхэтажного особняка Московской сыскальной полиции на удивление было спокойно. Никакой беготни, суеты. Размеренно входили и выходили люди. На этаже встречались сотрудники с бумагами в руках, увлеченно их просматривавшие на ходу. Обычная рабочая обстановка. В приёмной генерала русского сыска генерала Кошко было пусто. Отсутствовал и секретарь. Помявшись неловко у двери, Шилов решительно постучал по косяку и, не дожидаясь ответа, потянул ручку на себя.

Аркадий Францевич, словно оправдывая прицепившееся к нему прозвище «Шерлок Холмс», что-то внимательно разглядывал лежащее на столе в лупу. Услышав звук открывающейся двери, он с сожалением оторвался от своего занятия и посмотрел на вошедших. Появление непрошенных посетителей, однако, нисколько не смутило и не напрягло Кошко. Он встал с кресла и рукой предложил присесть у стола.

— Чем могу быть полезен, господа? — пододвигая пачку папирос и пепельницу на край столешницы, намекая, что при желании можно курить.

Шилов знал, что глава русского сыска, гроза серьёзных воров и побочной шушеры, готов был выслушать любого горожанина в любое время. Ему мог позвонить на домашний телефон среди ночи нуждающийся в помощи. Он никогда и никому не отказывал.

— Аркадий Францевич, мы представляем новое правительство. Товарищ Народный комиссар внутренних дел Феликс Эдмундович Дзержинский и я — уполномоченный Совета Народных Комиссаров Василий Иванович Чапаев.

— Слушаю вас, господа. Уж извините, я по старинке.

— Позвольте в начале нашего разговора я помогу в предотвращении громкого преступления, которое будет совершено в эти дни. Собственно, оно уже на стадии завершения.

Кошко, услышав о преступлении, моментально подобрался, разве что не выполнил стойку готовящегося к броску зверя.

— У Вас не прервана связь с Харьковом?

— С утра была в рабочем состоянии. Сейчас уточню, одну минуту, господа.

Он поднял трубку внутреннего телефона.

— Сергей Андреевич, подскажите, с Харьковом что у нас по связи? — выслушав ответ, Аркадий Францевич удовлетворённо кивнул головой. — Я понял. Спасибо.

Положив трубку на рычаги, посмотрел на Шилова.

— Связь имеется. Что Вы имеете сообщить?

— Готовится ограбление Харьковского кредитного банка. Будет похищена рекордная сумма в два с половиной миллиона. Но не наличных денег, а в процентных бумагах. В комнату с сейфами грабители попадут через подкоп.

— Простите, Василий Иванович, мне не совсем понятно. Вы говорите об ограблении как о свершившемся факте. Констатируете. Называя при этом конкретные суммы и даже в чём они выражаются.

— Ах, да. Это Вы меня простите, Аркадий Францевич, что не предупредил Вас. Видите ли, я обладаю некоторыми способностями, которым у науки нет обоснования. Я вижу во времени. Будущее. Поверьте, это не голословные заявления. Тому есть масса подтверждений. Конечно, Вы можете мне не поверить, но, думаю, Вам не составит труда, ну, просто ради удовлетворения своего любопытства или же ради успокоения, направить людей для проверки моих слов. Можете сразу же задержать служащего банка. Подкоп начинается в непосредственной близости от его дома. Фамилии его, увы, не называлось, поэтому назвать Вам её я не смогу. А вот о грабителях кое-что могу Вам поведать. Это польские воры. Шесть человек. Один из них — Квятковский. С ним в интимных отношениях состоит жена служащего банка. Покупатель на бумаги должен прибыть из Гельсингфорса, и Квятковский готов будет продать их за один миллион двести тысяч. Почему я Вам всё это рассказываю, хотя и сам имею возможность позвонить товарищам в Харьков, чтобы они провели охранные мероприятия? Тем более, что по нашему указанию все банки страны взяты под контроль красногвардейцев. Мне хочется, чтобы у Вас ко мне проснулось чувство доверия. Ведь, как Вы должно быть, понимаете, мы приехали к Вам из Петрограда не ради того, чтобы сообщить о готовящемся ограблении. Вы же понимаете, что преступность не зависит от строя. Ей фиолетово, кто сидит у руля. Царь или народ. А если есть вор, то должен быть тот, кто этого вора прищучит. Нам очень хотелось бы, чтобы Вы остались служить в сыскальной полиции. Естественно, называться орган будет иначе, но суть прежняя. Согласитесь, было бы абсурдом и преступной расточительностью разбрасываться такими профессионалами, каковым являетесь Вы. Вам будет предоставлена возможность развивать, усовершенствовать передовые достижения криминалистики, расширять картотеку преступников... Ну хорошо, скажите, Вы уже отправили подготовленный Вами рапорт об итогах проведённой вчера масштабной облавы? Цифры при Вас? Вы не будете возражать, если я их озвучу? Задержан тысяча четыреста восемьдесят один человек. Из них воров-рецидивистов триста восемьдесят. Мелких воров девятьсот двадцать семь.

— Довольно, — остановил Василия Аркадий Францевич. — Вы меня убедили в своих способностях. Что Вы имеете предложить в плане службы?

Шилов повернулся к Дзержинскому. Феликс Эдмундович достал из внутреннего кармана удостоверение.

— Вот, пожалуйста, подтверждение моих полномочий. Как Нарком я могу предложить Вам возглавить Главное управление уголовного розыска страны, с привлечением Вас к преподавательской деятельности в институте подготовки кадров, который мы планируем открыть в кратчайшие сроки. Денежное содержание обговорим отдельно. Сейчас от Вас требуется принципиальное согласие. Могу Вам сообщить, что по нашему распоряжению ни из одной тюрьмы не выпущен ранее привлечённый к ответственности уголовник. Все архивы, полицейские участки с картотеками, в целях предотвращения разграбления и уничтожения, в первые же часы взяты под охрану нашими специальными отрядами.

Василий нетерпеливо поелозил на стуле. Дзержинский и Кошко одновременно изумлённо поглядели на него.

— Простите! Передумал. Хотел озвучить одну идею, но пока воздержусь. До принятия Аркадием Францевичем решения.

— А вас не смущает, что я, так сказать, сотрудник царской системы? И бывало, что в мои капканы попадали и большевики.

— Лично меня не смущает ни капельку, — твёрдо объявил Шилов, — А тебя, Феликс Эдмундович?

— И меня не смущает, — ответил Дзержинский.

Глава 12. Год 1916.

Помощь из Петрограда в Москву прибыла с невероятной скоростью. Распоряжением Елизарова на всех перегонах были подготовлены сменные, заправленные и ожидавшие на парУкурьерские паровозы серии "С" «Русский Прери», которые имели мощность в тысячу двести лошадиных сил и развивали скорость до ста пятнадцати километров в час. Их быстро перецепляли, и поезд продолжал движение, не дожидаясь, как этого требовала бы процедура в обычном порядке, заправки тендера водой под гидравлической колонкой. Солдаты едва успевали сбегать толпой справиться нужду, набрать кипятка на станции, как состав, издав свистком пронзительный певучий аккорд, каждый раз звучащий новыми нотами, пыхнув клубами пара, отправлялся в путь. Расстояние в неполные семьсот километров преодолели почти за девять с половиной часов.

Когда паровоз, пыхтя, затянул вагоны на привокзальные пути, Василий, встречавший полк с Держинским, был просто поражён и взбудоражен диаметром движущих колёс. Они были выше его роста, если учитывать, что себя Шилов, при росте в метр восемьдесят, считал не маленьким.

Из штабного вагона, не дожидаясь полной остановки, на платформу молодцевато спрыгнул офицер в погонах поручика и, заметив стоявших отдельной кучкой московских большевиков с представителями правительства из Петрограда, подбежал к ним, лихо кинув ладонь к козырьку фуражки.

— Здравия желаю! Поручик Авдеев. Могу видеть, — тут он замешкался, но быстро собрался и продолжил: — товарища Чепалева?

Василий вышел к нему и протянул руку для приветствия. Поручик вновь ступешался, но ладонь пожал.

— Господин полковник предлагает обсудить варианты применения нашего полка в вагоне. Он полагает, что так будет удобнее.

Никто возражать не стал и все молча прошли в салон, предназначенный для проведения совещаний. Витражные двери, узкие окна, панели из красного дерева.

«Они что, вагон-ресторан в штабной переделали?» — подумал Василий.

Такое первое впечатление произвело на него помещение. На месте кухни размещались за отгороженной стойкой адъютанты. В конце зала, за дверью, вероятно, находились купе для проживания. Полковник Потапов ожидал. Подошёл ко всем и с каждым поздоровался.

— Прошу вас, присаживайтесь, — пригласил он за стол, на котором стояли в подстаканниках стаканы с чаем.

— Извините, времени чаю распивать нет, — опередив возможные благодарственные слова со стороны своих соратников, ответил Шилов.

— Конечно. — согласился командир полка. — Давайте приступим. Итак, какие задачи вы отводите для моего полка?

— Распорядитесь, пожалуйста, чтобы срочно приступили к разгрузке артиллерийских орудий.

— Это уже выполняется, — кинув взгляд на поручика Авдеева и получив утвердительный кивок, сообщил полковник. — Выгрузка и построение батальонов также производится. Пулемётная и миномётная команды приступили к разгрузке.

— Замечательно. Вам надлежит отправиться к Кремлю и вывести орудия на прямую наводку. Стараемся избежать массового кровопролития. Поэтому, в качестве предупреждения, бьёте по Никольской башне и по воротам. Надеюсь, что юнкерам будет достаточно для принятия верного решения. Пару орудий ставим напротив Городской думы.

— Можно добавить несколько выстрелов из миномётов внутрь территории, — предложил руководитель большевистского центра Пятницкий, но Василий в категоричной форме запретил это делать.

— Нам не нужны лишние человеческие жертвы. Пусть пока что отдуваются строения. Я пойду после обстрела на переговоры.

— Они там из пулемётов положили практически роту солдат из пятьдесят шестого полка, сложивших оружие, а мы будем миндальничать? — недовольно вскочил с дивана Пятницкий.

— Мы с тобой не можем утверждать однозначно, что стрельбу открыли именно юнкера. Вполне может быть, что расстрел устроили офицеры. — спокойно осадил вспышку соратника Шилов. — Вот и посмотрим после артобстрела, когда пойду к ним, кто же там такой кровожадно-воинственный.

— Если они положили роту, что им мешает пристрелить ещё одного? — не сдавался Пятницкий.

— Осип Аронович, какими бы обозлёнными они ни были на большевиков, но стрелять в парламентёра, думаю, совесть и офицерская честь им не позволят.

Кавказская горячность так и рвалась наружу у Пятницкого.

— Я с тобой пойду.

— Нет. Мне твой темперамент только всё испортит. Не обижайся, но это не обсуждается.

Полковник с нескрываемым интересом следил за пикировкой товарищей большевиков. Ему нравился подход молодого человека к решению вопроса по противоборству двух враждующих сил и его миротворческий настрой.

— Вам действительно не страшно, товарищ Чепаев? — поинтересовался он, прожигая его изучающим взглядом. — Вы настолько храбры или же настолько безрассудны?

— Храбрость — это не отсутствие страха, товарищ полковник, а способность его преодолеть, пересилить себя и сделать то, что от тебя требуется. А на данный момент от меня требуется не допустить необязательного кровопролития.

— Вы знаете, товарищ Чепаев, если вдруг с Вами что-то случится за стенами Кремля нехорошее, то я разнесу его в прах, — сделав упор на слове «товарищ», решительно отчеканил, как отрубил, Потапов и протянул Василию руку.

Четыре выстрела из пушек нанесли незначительные повреждения башне и воротам. Укрываясь стенами музея, грудились солдаты полка. Стояли в ряд приготовленные на случай возможного приступа штурмовые лестницы. Шилов выплянул из-за угла музея, выставил перед собой древко с прикреплённым к нему белым куском простыни и медленно, не торопясь, направился к воротам башни. Ноги предательски не слушались. Василий видел на стене Кремля торчащие стволы пулемётов. Ему казалось, что все они сошлись в одну точку - а его таком маленьком теле на этой огромной площади. Достигнув ворот, Шилов понял, что вся спина мокрая от пота. Стучать не пришлось. Тяжёлая створка медленно открылась, образуя небольшую щель, через которую человек мог пройти только боком. Его без вопросов запускали, и он, словно ртуть, просочился внутрь. Под аркой, у стены, блок-пост из семи человек грелся у костра. Винтовки стояли рядом, прислонённые к стене. К оружию никто даже не потянулся. Один из юнкеров нехотя убрал от огня руки и подошёл к Василию.

— Здравия желаю, Ваше благородие! Вы в качестве парламентёра от большевиков? Вас заставили? Вы можете, несомненно, остаться на территории Кремля, — затараторил юнкер.

— Представьтесь, — приказал ему Шилов.

— Юнкер Арсеньев, — вытянулся парень.

— Арсеньев, говоришь? Юнкер Арсеньев... Что-то крутится в памяти... В Кремле ночевал у своего дяди... Это твой дядя, Юрий Васильевич, состоит старшим хранителем Оружейной палаты?

— Так точно, Ваше благородие! Вы знакомы с моим дядей?

— Лично не представлен, но информацию о нём имею.

Юнкер напрягся и с некоторым испугом в глазах посмотрел на прапорщика.

— Вы из контрразведки?

— Нет, я по другому ведомству, не переживай за дядю. По данным, которые доступны мне, он честно будет служить новой власти и продолжать проживать с семьёй на территории Кремля. Проводи меня к полковнику Рябцеву. [1]

Юнкер хотел было поинтересоваться, что за данные имел в виду господин прапорщик и как это он может знать, что же будет через какое-то время, но передумал. Малые знания — крепче сон. Да и прапорщик явно не был расположен к длительным объяснениям. Командующий объявился сам. Объезжая посты в коляске, запряжённой парой серых, подкатил и к воротам Никольской башни. Конечно же, он не мог знать в лицо всех офицеров, находившихся на территории Кремля, и принял Шилова за одного из них.

— Господин прапорщик, подойдите! — распорядился он, остановив лошадей, не заезжая под арку, но сразу же увидел в руках у Василия древко с белым флагом.

— Что здесь происходит? — изумлённо уставился он на Шилова.

Василий прислонил древко к стене и подошёл к полковнику, прощупав его оценивающим взглядом. Не очень молодой, слегка за тридцать пять, красивое, благородное лицо с аккуратными небольшими, ухоженными усами. Явно нервничает.

— Господин полковник, я уполномоченный Совета Народных Комиссаров Чепаяев. Имею необходимость обсудить с Вами некоторые вопросы. Где мы можем пообщаться?

— Большевик? — уже догадываясь о причине появления этого молодого прапорщика, задал бессмысленный вопрос Рябцев. — О чём Вы хотите поговорить?

— Я думаю, что Вы и сами уже поняли. Но нам есть что рассмотреть, поверьте, — твёрдым, уверенным голосом произнёс Василий.

— Присаживайтесь в коляску, проедем в Малый Николаевский дворец, в штаб, там и побеседуем.

Шилов ловко заскочил в повозку, и полковник, поглядывая на него искоса, тронул упряжку. У входа в Арсенал Василий увидел лежавшие тела расстрелянных солдат пятьдесят шестого полка. Их не успели ещё убрать.

— Скажите, Константин Иванович, юнкера всех порешили? — приспросился Шилов и мотнул подбородком в сторону убитых.

Командующий натянул вожжи, останавливая коней.

— Это просто чудовищно. Я Вас понимаю. Мне и самому неприятно. Но произошло недоразумение. Можете убедиться лично. Взбесившийся поручик открыл огонь из пулемёта. Сейчас подъедем к Арсеналу, — и он повернул коляску.

У входа толпились возбуждённые юнкера с винтовками. В громадном своём большинстве кучковались несовершеннолетние гимназисты с белыми повязками на рукавах и с надписью «Белая гвардия». Направив пулемёт к входу, стоял автомобиль. Вдоль стены, изрядно уставшие, вяло переминались с ноги на ногу оставшиеся в живых солдаты пятьдесят шестого полка. Юнкера не проявляли к ним никакой враждебности. Полковник остановил повозку не доезжая метров двадцать. Василий соскочил на землю и подошёл к солдатам. Они опасливо начали прижиматься друг к другу.

— Не волнуйтесь, товарищи, — обратился к ним Шилов, — я уполномоченный Совета Народных Комиссаров. Сейчас направляюсь с командующим округа решить вопрос о сложении гарнизоном Кремля оружия. Так что потерпите немного, скоро всё закончится.

Солдаты, ободрённые, возбуждённо принялись обсуждать слова Василия и уже более спокойными глазами смотрели на юнкеров. Несколько человек устало опустили вдоль стены и присели на корточки. В это время верхами подлетел поручик и, вздыбив коня, заорал:

— Стоять смирно! Не садиться!

Рябцев опешил. Не обращая внимания на его присутствие, офицер позволяет себе подобные выходки.

— Поручик! — резко выкрикнул он, — Немедленно прекратите! Ко мне! Живо!

Всадник развернул коня и посмотрел на полковника. Шилов отметил, что офицер был пьян.

— Да пшёл ты, ВашВысокбродь! — с пренебрежением, с вызовом, откликнулся поручик, — Мы приняли решение не подчиняться. Готовим обращение к генералу Брусилову, чтобы он возглавил силы сопротивления большевикам.

— Огорчу я тебя, поручик, — вступил в стычку Василий, — Алексей Алексеевич принял сторону рабочих и возглавил Генеральный штаб Красной Армии.

— Врёшь! — вновь поднял на дыбки коня офицер. — Этого не может быть!

— Может! И так оно и есть. Кстати, можешь ознакомиться с обращением Алексея Алексеевича к офицерам, генералам и полковникам. — протянул листовку Шилов.

Поручик нехотя принял и быстро прочитал, слегка озадаченный. Конь нетерпеливо «танцевал» под ним.

— Значит, это правда? Кто же тогда ещё верен присяге? На кого надеяться? — потухшим голосом произнёс офицер, ни к кому не адресуя свои вопросы.

— Вы позволите? — обратился к Василию Рябцев, обнаружив, что у того в руке находятся ещё несколько листов с воззванием генерала.

— Да, конечно. Пожалуйста, — протянул все Шилов, а сам внимательно наблюдал за всадником.

Поручик выхватил из кобуры револьвер, но ничего совершить не успел. Внезапно из-за пределов территории Кремля застучал станковый «Максим». Всадника смело первой же очереди. Лошадь дико заржала и умчалась прочь. Стоявшие у входа в Арсенал солдаты полка, не ожидавшие обстрела откуда-то со стороны, получив пули, валились друг на друга. Паника охватила всех находившихся в зоне поражения. Заметались в неразберихе юнкера и «белогвардейцы», но налетали на убийственные очереди и падали замертво, раненные рядом с солдатами пятьдесят шестого. Василий моментально сориентировался и метнулся к застывшему в оцепенении Рябцеву. Не церемонясь, он столкнул его на землю за коляску. Определив траекторию прилетавших пуль, Василий стал осматривать округу и заметил, что обстрел идёт с чердака Городской Думы.

— Ждите! — крикнул он Рябцеву, заскочил в коляску и погнал к Никольской башне.

— Воро-ота-а! — заорал он опешившим юнкерам с блок-поста.

Арсеньев понял его и стал подгонять своих товарищей, чтобы быстрее распахнули створки, но ему аргументированно заявили, что этого делать не станут, так как стрелять могли большевики. Повозка подлетела к воротам и Шилов резко осадил лошадей.

— Вы что, вашу мать, быстрее! — заорал он на юнкеров.

— Вы не шумите, господин прапорщик, — подошёл к нему один из стражей. — Почему у нас должна быть уверенность, что это не ваши открыли огонь?

— Как есть — дурак! Некогда разбираться. Садись любой со мной и живо. Время дорого. Обстрел продолжается. Надо успеть задержать стрелков.

В коляску запрыгнул Арсеньев, остальные ринулись отворять ворота, и Василий, хлестая вожжами по лошадям. До здания Думы они домчались за три минуты. На ходу Шилов, призывая за собой, махнул рукой Потапову, и полковник, сообразив, отправил за уполномоченным десяток солдат из своего полка. Очереди с чердака прекратились. Василий с Арсеньевым соскочили из коляски и забежали в здание. У дверей внутри, что-то испуганно обсуждая, стояли человек пять.

— Где вход на чердак? — крикнул Шилов.

Все дружно, как по указке, показали направление. Юнкер с уполномоченным рванули туда. Отправленные Потаповым солдаты, грохоча сапогами, забежали в фойе и поспешили вслед за Шиловым. Стрелков на чердаке уже не было. Стоял пулемёт, паря перегретым стволом, дымились ещё не остывшие гильзы и змеёй извивались отстрелянные ленты. Быстро осмотревшись и поняв, что на чердаке стрелявшим укрыться негде, Василий ломанулся вниз, оттолкнув с дороги поднимавшихся солдат.

— За мной, — коротко кинул он.

В фойе так и стояли прежние мужчины. Шилов подошёл к ним.

— Здание кто-нибудь покидал?

Мужчины замотали головами.

— Нет, никого не было после того, как вы прибежали, — ответил один из группы.

— А до меня, кто-нибудь выходил?

— Тоже нет.

— Значит так, братцы, — повернулся Василий к солдатам, — занимаете выход и чтобы ни один человек не прошёл мимо вас. Я господину полковнику сейчас передам, и он пришлёт вам подкрепление. Держать всех в здании до моего возвращения.

Переговорив накоротке с Потаповым и убедившись, что человек двадцать побежали в сторону Городской Думы, Шилов направил коляску к воротам Никольской башни.

— Ну что, юнкер Арсеньев, теперь ты убедился, что кто-то преднамеренно пытается столкнуть нас лбами? Ни по нутру им ни белые, ни красные. Ведь они стреляли и по юнкерам, и по солдатам пятьдесят шестого. Без сортировки — свой-чужой.

Юнкер сидел в задумчивости.

— Какие «белые» — «красные»? О чём Вы? — встрепенулся он, словно вырвался из забытья.

— Ну как же, что на повязках у кадетов и гимназистов написано? Белая гвардия. А у нас — Красная гвардия, Красная Армия. Вот и получается, что юнцы, не отдавая себе отчёта, произвольно поделили всех на белых и красных. Белогвардейцы и красноармейцы.

Створки ворот явно даже не закрывали. Их с нетерпением ждали. Не успела коляска заехать под арку, как к ней тут же подбежали юнкера и подошёл Рябцев, который терпеливо дождался возвращения Шилова. Юнкера обступили с расспросами Арсеньева, а полковник забрался в повозку.

— Надеюсь, Вы поделитесь той информацией, которой обладаете? — спросил он у Василия. — Что произошло? Ошибка? Недоразумение? Ненадлежащий контроль командования?

— Константин Иванович, о какой ошибке может идти речь, если расстрел проводился всех, кто находился в секторе обстрела. И по нашим, и по вашим. Кто нажимал гашетку? Пока не знаю. Закончим с Вами разговор и пойду разбираться.

Рябцев понимающе кивнул головой. Видимо, расстрел произвёл на него неизгладимое впечатление и стал основным фактором, повлиявшим на его решимость. Собственно, полковник и до этого события не проявлял особой воли в сопротивлении большевикам. Константин Иванович положил ладонь на руку Шилова, державшего вожжи, словно просил притормозить.

— Не имею чести знать Вашего имени-отчества, товарищ Чепачев, но позвольте озвучить свои мысли?

Василий остановил коляску и вполоборота повернулся на сиденье к полковнику.

— Я полагаю, Вы прибыли с предложением сдать и сложить оружие, не так ли?

Шилов обозначил кивок.

— Я подпишу соглашение и немедленно издам категорический приказ юнкерам покинуть Кремль, предварительно передав вашим частям оружие.

Шилов спустился на землю и, обойдя повозку, подошёл со стороны Рябцева.

— Константин Иванович, это очень благоразумное решение. Спасибо Вам за него. Мы сохраним сотни жизней молодых ребят, от которых зависит будущее страны. Давайте теперь поступим следующим образом: я вернусь к музею и отправлю для подписания соглашения уполномоченного человека. Надеюсь, что разберётесь и с бумагами, и с оружием, и с погибшими. По завершении всех процедур — гоните этих юнкеров к шутам, чтоб духу их здесь не было. А я пойду выяснять, кто же открыл огонь на поражение с Думы.

Негодующие своим задержанием депутаты думы решительно теснили охранявших выходы из зала заседания солдат. До применения оружия пока что не дошло, но накал страстей грозил вот-вот сорвать предел терпения у военных. Шилов уверенным, широким шагом прошёл к столу заседаний, во главе которого сидел городской голова, уставший мужчина немногим за пятьдесят, с седеющей посредине аккуратной бородкой, довольно зримыми залысынами и в тонких очках. С одной стороны от него расположились сословные старшины, по другую руку — их заместители. Гласные депутаты занимали стоявшие вокруг ряды стульев.

— Михаил Васильевич, разрешите представиться, уполномоченный Совета Народных Комиссаров Чепаев-Шилов.

Городской голова вежливо привстал из-за стола и обозначил поклон.

— Я обращаюсь ко всем в этом зале, — повысил голос Василий, чтобы его было хорошо слышно. — Произошёл мерзопакостный случай. Предлагаю устроившим стрельбу в добровольном порядке заявить о себе и сдать, дабы не задерживать остальных почтенных людей.

Шилов сознательно подбирал слова, избегая величать сидевших депутатов господами. Взрыв возмущения выплеснулся из двух сотен глоток.

— Да как Вы смеете? — выпрямился, отодвинул своё кресло, Челноков.

— Смею, Михаил Васильевич, ещё как смею. И я намерен Вам доказать, что, как минимум двое из находящихся в этом зале, лишили жизни порядка трёх десятков человек. Пацанов, ещё не окончивших гимназию, мужиков, у которых дома дожидаются их малые дети, — гневно отрубил Шилов.

— Господа, — в недоумении окинул взглядом крутящихся на сиденьях стульев депутатов Челноков, — неужели подобное возможно и действительно в наши ряды затесались безжалостные убийцы?

— Наберитесь терпения, Михаил Васильевич, — сказал Василий и отошёл к старшему унтер-офицеру, который, по всей вероятности, командовал находящимися в здании солдатами.

— Извините, как могу обращаться? — поинтересовался Шилов.

— Старший унтер-офицер Страхов, Ваше благородие!

— Понятно. Благородие отставим. Навсегда. Вот что, товарищ Страхов, послушай задание. У выхода из здания оставь человек пять, а остальных отправь по этажам с проверкой всех помещений. Даже самой захудалой каморки. На лестничной площадке человека по три ожидают своих товарищей, пока они прочёсывают кабинеты. И так по каждому этажу. Кого найдут — пусть ведут в зал заседаний.

— Сделаем Ваш... простите, а как тогда?

— Обращайся ко мне — товарищ уполномоченный.

Озадачив унтера, Василий вернулся к депутатам.

— Я размещусь вот здесь, — Шилов поставил у дверей стул и сел на него. — Подходим ко мне по одному. Прошу.

Депутаты запереглядывались, не осмеливаясь выходить к этому офицеру первыми. Тогда встал Челноков и направился к Василию.

— Вы, Михаил Васильевич, свободны. Можете выйти из зала, — улыбнулся Шилов.

Увидев, что процедура прохождения проверки не представляет ничего опасного, депутаты дружной вереницей потянулись к двери. Василий некоторых пропускал сразу, а кое-кого просил повернуться спиной и показать руки. Ничего не понимая, депутаты вертелись, свора-

чивая назад голову, словно пытались увидеть у себя на спине то, что высматривает этот молодой человек. К середине проходящего мимо человеческого потока Шилов напрягся. Нет, он ещё ничего не видел, но нервное поведение подходившего очередного депутата привлекло к себе внимание.

«Есть. Попался голубчик», — злорадно ухмыльнулся Василий и взмахом руки подозвал одного из солдат.

— Этого под штык.

Молодой человек, едва за тридцать, с сформировавшимися уже глубокими носовыми складками, морщинами в углах глаз и подстриженными усами, возмущённо закричал:

— Что происходит? Почему Вы меня задерживаете?

— Всею своё время... Всею своё время. Узнаете, а пока что — отойдите в сторону.

Второго, вызвавшего подозрение, Шилов отсеял уже практически в числе последних депутатов. Когда все покинули помещение зала заседаний, Василий встал, потянулся и подошёл к мечущим молнии двоим потенциальным стрелкам.

— Скажите, что вам сделали те юнцы и простые солдаты, в которых вы без угрозы совести стреляли? — обратился он, не адресуя вопрос кому-то конкретно из этих двоих.

— С чего Вы взяли, что это я стрелял? — вскочил с места тот, которого Шилов выдернул из потока первым.

— Всё элементарно, Ватсон, — усмехнулся Василий. — Покажите свои руки.

Мужчина вытянул вперёд ладони.

— Вот, обратите внимание, руки у Вас чистые. Их помыть Вы успели. Только манжету на рубашке здесь, в здании Думы, застирать не просто. Не высохнет. А может быть, Вы и не заметили, а на них следы масла. От того масла, которое на ленте патронной. Теперь посмотрите на свои колени. Видите, они испачканы. Почему? Да потому что Вы стояли на них, когда стреляли. На чердаке, знаете ли, пыльно. На локтях пиджака так же следы от пыли. Это Вы упирались, для твёрдости рук, в ящик, на который установили пулемёт. Все эти же признаки и у Вашего подельника.

— Это не я! — завизжал первый. — Это Коварский стрелял. Я ленту держал.

— Коварский? Коварский... Коварский... — протянул Шилов, смутно припоминая, откуда у него была скудная информация о человеке с этой фамилией. — Всё — срослось. Илья Николаевич, верно? Ну что же, Коварский, вынужден Вас огорчить, не получится у Вас найти свой последний приют во Франции. Думаю, что Вас ожидает расстрельная стенка.

Мужчина с достоинством воспринял монолог Василия и криво усмехнулся. Конечно, его немного взбудоражили слова о Франции. Почему именно Франция? И при чём она вообще? И как может этот молодой выскочка что-то знать о его судьбе. Её решать уж точно не ему определено.

— А Вы у нас кто? — повернулся Шилов к первому мужчине.

— Гендельман, Михаил Яковлевич Гендельман, — заглядывая в глаза снизу вверх, услужливо произнёс мужчина.

— Да что же это такое? — с нескрываемой радостью воскликнул Василий. — Одним махом и сразу двух врагов народа поймал. Так за что же вы, открыли огонь по людям у Арсенала?

Коварский пожал плечами.

— Мы ненавидим большевиков и тех, кто их поддерживает, в какой-то степени даже больше, чем офицеров и юнкеров. А тут так удачно всё сложилось. И те и другие скопом. Вот и порезвились.

Шилов покатал желваками на скулах. В дверях появился Страх. Василий подозвал его.

— Чего тебе?

— Так это, нашли троих. В кабинетах.

— Гони их в зашей, — отмахнулся Шилов не желая разбираться ещё и с этими любителями прятков.

— У одного револьвер забрали. Говорит, что он правый эсэр какой-то и оружие ему нужно для защиты.

— Вспомнил. Спасибо тебе, брат Страхов, — воскликнул Василий, — Гони этого эсэра. Без оружия, — и, потирая руки, повернулся к задержанным, — Вы же у нас правые эсеры. Что же вы, эсеры, по своим-то лупили? -

Гендельман и Коварский недоумевающе посмотрели на Василия.

— Ну как же, ведь полковник Рябцев такой же правый эсэр, как и вы.

Коварский скривился.

— А-а, Вы про этого... Да какой он эсэр. Так, ходячее недоразумение, бесхребетное существо. Большой ошибкой руководства было принятие его в ряды партии. Жаль, не сдох, собака...

... Кровавая бойня в Москве сходила на нет. Ещё дня три проходили в разных местах мелкие стычки, но таких потерь, как были в первые дни недели, уже не было. Полк Потапова, а с ним и Шилов с Дзержинским, прихватившие арестованных Гендельмана и Коварского, отбыл в Петроград. Нагурский, загрузив листовки с информацией о падении монархии и образовании нового государства, вылетел один. По маршруту, снижаясь над отдалёнными поселениями, в которые новости доходят раз в год под расход, Ян высыпал десяток-другой листов. Жители возбуждённо махали ему руками, хватали агитки. Прочтут ли они их или же пустят на самокрутки, это Нагурского не касалось.

[1] Автору известно, что в описываемые дни командующим войсками Московского военного округа был генерал от артиллерии Иосиф Иванович Мрозовский, а Константин Иванович Рябцев был в чине подполковника и на должность командующего войсками Московского военного округа с производством в полковники назначен в сентябре 1917 года. Но, истории необходимо было повернуться именно так.

Глава 13. Год 1916.

Известие об установлении новой власти обрушилось на страну в целом и Петроград в частности, как налетевшая внезапно гроза: стремительно, неумолимо. Однако в этом хаосе теплилась надежда на то, что за преодолением всех потрясений последует приход новой, прекрасной жизни, подобно тому, как после дождя проясняется небо и наступает ясный день с чистым, напоённым озоном воздухом.

Пока на улицах столицы усилиями большевиков ломались прежние порядки и рождались новые, не многие утруждали себя думами о тех, чья жизнь была соткана из тонких нитей традиционных ценностей и принципов.

За арестантами на вокзал из тюрьмы Трубецкого бастиона Петропавловской крепости прислали грузовик с пятью охранниками, вооружёнными револьверами. Ну правильно, в кузове с винтовками со штыками особо не развернёшься. Несмотря на то, что тюрьма предназначалась для политических заключённых, Гендельмана и Коварского решили перенаправить именно туда из-за надлежащей системы охраны. Передав эсеров с рук на руки начальнику караула из Петропавловской крепости, Шилов с Дзержинским радушно поприветствовали Маяковского, который дожидался их на автомобиле. Владимир сграбастал Василия в охапку и стиснул так, что у того захрустели косточки и он закричал.

Проезжая по улицам, Василий поражался умению людей адаптироваться к любой обстановке. Казалось, что город продолжал жить своей обычной жизнью, как будто ничего не произошло. Или большевикам удалось так оперативно привести все службы в порядок?

С самого утра, строго по расписанию, открылись магазины и рестораны. Так же, как и прежде, вдоль улиц, по тротуарам, от магазинов тянулись длинные очереди за хлебом. Повсюду мельтешили дворники и лавочники, точильщики ножей и водоносы. Спешили на работу чиновники, зажав подмышкой свежие газеты. Воодушевлённо переговариваясь, на фабрики и заводы брели вереницы рабочих. Стараясь выбрать наиболее многолюдное место, шныряли мальчишки-газетчики. У кого-то из них через плечо висели большие холщёвые сумки, набитые прессой, а те из них, кто сумкой не обзавёлся, сновали у трамвайных остановок, прижав пачки газет к груди.

«Последние новости! Воззвание генерала Брусилова к офицерам Российской армии», «Ужасное убийство рядом с собором!», «Убит генерал-майор Стронский», «Расстрелян контр-адмирал Небольсин», «Убит адмирал Непенин, презревший рабочий класс», — неслось с разных сторон.

— А ну, притормози, — попросил Маяковского Шилов.

— Почтеннейший, — окликнул он мальчонку-газетчика, который тут же пулей метнулся к господину в автомобиле. — Мне каждой по одной.

Оказалось, что все новости размещались в двух газетах.

— Сколько с меня? — спросил Василий.

— Надо десять, а там уж сам гляди, господин хороший. Накинешь сверху — в обиду не буду, — важно начал торговаться парнишка.

Шилов ухмыльнулся и достал пять марок-денег [1] номиналом по три копейки.

— Держи, бизнесьмен!

Мальчишка довольный нырнул в гущу торопившихся по своим неотложным и очень важным делам людей.

Василий сразу уткнулся в чтиво. Невзирая на то, что подвеска у царского лимузина была отменная, машину нещадно трясло, но Шилову удалось выцепить из статей необходимую информацию. Он зажал в кулак газеты и задумался. Заметив, что Василий закончил читать, Маяковский, решил поговорить.

— Вась, Лиля опять звонила. Все хотят послушать твои песни.

— Вот ей Богу, Володь, ну не до песен сейчас. Видишь, как оно всё разворачивается хреновастьенко, — отмахнулся Шилов, не выходя из раздумий и каменным взглядом, словно устремлённым в неизвестность, рассматривал улицы.

Внешние перемены в жизни города, конечно же, были, причём разительные. Что бросалось в глаза, так это покрытые десятками разных листовок фасады домов, фонарные столбы. Обклеенными ехали трамваи. Бумажная пестрота буквально рябила на каждом метре. Эсеры истерично зывали к солдатам не подчиняться большевикам и не признавать их правительство:

«В ужасное, тяжёлое время, которое переживает революционная Россия, поддержка действий большевиков легко может стать началом гражданской войны! Скажите твёрдое «Нет» этому псевдо-правительству!».

Рядом листовка большевиков с обращением Ленина **«К гражданам России»**.

Толпы зевак внимательно изучали тексты противоречивых прокламаций и на их лицах явственно отражался немой вопрос: «Так кто же власть?». Народ уже настолько привык к условиям хаотичного существования и политической неопределённости, что был уверен в неизбежном приходе кого-то другого на смену большевикам.

У Смольного, по обе стороны главных ворот, каждого сюда входящего или въезжающего встречали два пулемёта с лентами, свисающими до земли. Всё пространство двора было заполнено изнывающими от скуки красногвардейцами, матросами и солдатами. Они, сбившись в кучки, беспрерывно курили, пели песни, над чем-то заливисто хохотали. Перед входом в само здание какой-то умник догадался поставить трёхдюймовые пушки.

А внутри гудел рой.

Большевики заняли Николаевский флигель, а для воспитанниц института отвели Александровский. Сквозь табачный дым, как через завесу, приходилось пробиваться. Коридоры заполнены шатающимися из одного конца в другой солдатами, матросами, рабочими. Кто-то с деловым видом куда-то спешит, создавая видимость своей значимости, надменно, свысока, поглядывая на тех, у кого в руках нет даже захудалой папки либо кипы бумаг. Толпы народа, набившиеся в коридоры, орут, ругаются. Воздух пронизан запахом пота и махорки. У восемнадцатого кабинета, в котором проходит заседание правительства, столпотворение.

С трудом протиснувшись к дверям, Шилов с Дзержинским наконец ввалились сквозь едва приоткрытую дверь. На большее народные массы своими телами не позволили отворить. Сменяя друг друга за кафедрой, Ленин и другие желающие соревнуются в ораторском мастерстве. Разными словами они мусолят одни и те же лозунги: земля — крестьянам, фабрики — рабочим, нет войне! Ораторы изнуряют себя по семь-восемь часов напролёт однотипными речами. Поглощённые великим трудом, они не имеют ни сна, ни отдыха. Спят прямо здесь же на полу или за столами.

— О, товарищи, Шилов прибыл! — обрадованно воскликнул Бубнов, заметив прорвавшихся сквозь людские заслоны у дверей Василия. — Василий Иванович, может быть, выступишь, расскажешь нам, как в Москве повоевал?

Половые доски тяжело застонали под ногами Шилова. Соратники уже изучили подобные проходы Василия, которые он совершал при наивысшем раздражении, и потому приготовились к нерадостному общению.

— Глотки тренируете, правители херовы?! — прохаживаясь вдоль длинного стола, за которым сидели Ленин, Сталин, Фрунзе, Молотов и остальные соратники, представлявшие верхушку правительства, прошипел Шилов. — Выступить просите? Я выступлю. Я вам шас так выступлю!... Вы что же, суки, творите? — и он швырнул газеты к Ленину. — В одной газете печатаете воззвание Брусилова к офицерам поддержать молодое государство и поступить на службу в Красную Армию, а в другой радостно сообщаете о том, как какие-то мудаки из этой

самой Красной Армии крошат по чём зря этих самых офицеров. Какая блядь санкционировала расстрелы без суда и следствия, я вас спрашиваю?

Шилов не сводил глаз с Владимира Ильича, и было понятно, что обращаясь вроде как бы и ко всем, основной посыл предназначается именно вождю. Василий опёрся кулаками в столешницу и подался корпусом ближе к Ленину. Он говорил отрывисто, не подбирая слова, что свидетельствовало как раз о его гневе. Он делал многозначительные паузы для усиления эффекта, при этом не давая вставить между этими паузами ни слова ошарашенным соратникам.

— Я в чьи бошки вбивал, что профессионалы — это золотой актив страны? Я на кой хрен говорил вам, что нельзя ни в коем случае допустить убийств офицеров? Для красного словца? Или что, мели, Емеля - твоя неделя? Послушали, покивали и нахер послали? По своему сделали? Немедленно, слышите, немедленно исправляйте ситуацию. Включайте дурака - я не я, и хата не моя. Выпускайте гневную речь Ленина, Сталина, кого угодно, о том, что вы и ведать не ведали о подобных случаях самоуправства. Враги государства воспользовались неразберихой, отсутствием полноценного контроля, самовольно устроили отстрел. Правительство и народ страны осуждает такие проявления агрессии к своим гражданам. Причастные виновные понесут наказание по всей строгости советского закона. И это не должно остаться на уровне слов. Бумага, мол, всё стерпит. Нет, дорогуши, должны быть реальные расстрелы любителей быстрой расправы. Вы обосрали в глазах офицеров Брусилова и остальных уважаемых генералов, которые подписали обращение. Вы не скупясь нахаркали им в душу. Как они теперь будут относиться к нам и как на них будут смотреть офицеры? Ну и мудаки же вы, кухарки тупые.

М-да! Подобного обращения со столь уважаемыми людьми не позволял себе никто. Собственно, в кругу партийцев не принято было вообще использовать нецензурные слова. А здесь вываливают на них столько нелюбезного... Обидно, понимаешь...

— Ты, Василий, тон то свой поубавь, — прервал невыносимую, неприятную паузу, Фрунзе.

Соратники молчали потрясённые эмоциональным выплеском Шилова.

— Смотри-ка, он уже всех нас перекрестил в самок собаки и нелестными эпитетами обложил. Никто даже помыслить не мог, чтобы одобрить подобные... казни. Не было никаких решений. Ни устных, ни письменных, ни тайных, ни гласных. Ты пойми, ну не в силах же мы, действительно, уследить за каждым. Народ почуял свободу, вот и вымещает злобу, накопившуюся за годы, на отдельных личностях, подвернувшихся под горячую руку, без разбора. Так сказать — инициатива снизу.

Василий, осознавший, что наломал дров сгоряча, не удосужившись разобраться в ситуации и хотевший уже было подставить под топор повинную голову, вспыхнул с новой силой.

— Инициатива? А вы хоть что-то предпринимали для предотвращения этих убийств? Эта свобода превратилась в разгул беспредела. Значит, надо увеличить количество патрулей, которые бы пресекали подобные выходки. Вы бы, вместо того, чтобы потолки сотрясать избитыми лозунгами, которые повторяет каждый выступающий десятки раз, лучше бы делом занялись. Хотя бы восстановили работу милиции. С Кошко мы договорились, и он уже должен был обратиться к Петроградскому руководству полицейского сыска об ответственном, добросовестном продолжении службы. Преступности наплевать на существующий строй. Преступник, он везде преступник. Что при социализме, что при капитализме. Нельзя бездумно отказываться от услуг городских. Это те люди, которые непосредственно контактируют с народом на закреплённой территории и как ни им знать криминальную обстановку, кому как ни им следить за порядком. Те держиморды, которые измывались над рабочим человеком, а такие естественно есть и не мало, должны предстать перед судом. Но, опять же говорю, никакого самоуправства на улицах. Вообще, считаю целесообразным во всех газетах разместить призыв:

«Советское правительство предлагает бывшим сотрудникам полиции, бывшим городовым, желающим поступить на службу в органы советской милиции, обратиться по телефону такому-то. В целях безопасности каждому будет предоставлено вооружённое сопровождение».

Какая-то часть откликнется, какая-то нет. Всех прибывших подвергнем проверке. Тем, кто не запятнал себя жестоким обращением с людьми — предоставим возможность трудиться. Но надо чётко определить границы, где заканчивается справедливое наказание и начинается эта самая жестокость.

Василий замолчал, изучающим взглядом пронзая каждого из сидевших соратников. Они ещё не полностью отошли от первого шокирующего выступления Шилова, беспардонного обращения к ним, а он уже вдогонку приписал их к разряду бестолково заседающих и ораторствующих. Обидно вдвойне. Они стараются, изощряются, чтобы речи были красивыми, с нужными тезисами, а их обвиняют в бесполезности горячих выступлений. Ленин встал из-за стола и, обойдя его, подошёл к Василию, засунул руки в карманы брюк и, недобро прищурившись, глядя снизу вверх, поинтересовался:

— Я правильно Вас понял, батенька, что все прозвучавшие здесь претензии адресованы лично ко мне?

— Ну, а к кому, Владимир Ильич? — пожал плечами Шиллов, — Голова отвечает за всё. Даже за прыщ на носу у солдата, который стоит на входе в Смольный.

— Мы строим новое государство, и нам не до прыщей, вскочивших у кого-то. Прыщами будем заниматься потом. Сейчас есть более весомые вопросы, — в сузившихся зрачках Ленина метался страх.

Страх перед этим молодым человеком, перед их потомком, который, не взирая на должности, режет нелицеприятную правду. До каких пределов дойдёт эта его правда? Он становится очень опасен.

— Языками вы эти актуальные вопросы не решите. Вы орёте здесь до хрипоты о том, как вы радеете за народ страны, заботитесь о крестьянах и рабочих, а вы хотя бы в курсе, что в город прибыло всего три вагона с продовольствием и фуражом, вместо необходимых двадцати восьми? Вы организовали выявление хлебных запасов, которые саботажники прячут в тайных складах? Вы начали реквизицию продовольственных запасов из восьми частных и интендантских складов? Гарнизон и народ города кормить надо. Он ваши бумажки жрать не будет. Эх... Проблемы надо купировать, а вы их упорно множите... На этом, позвольте мне откланяться... Воздух, знаете ли, здесь... тяжёлый, а я с дороги. Пойду — развеюсь.

Маяковский сидел в машине и лениво отбивался фразами от любопытных солдат и матросов. Заметив смурного Василия, он отогнал всех в сторону и помог Шилову забраться в лимузин. Силы как будто покинули его. Он чувствовал себя опустошённым.

— Что, проблемами опять нагрузили? — поинтересовался Владимир.

— Нет. Насрали в душу, — буркнул Василий. — Знаешь, Володь, охота нажраться до соплей. Вот плюнуть на всё и просто забыться.

— Так может к Лиле поедем? Споёшь что-нибудь, глядишь, и успокоишься. Если не хочешь, давай зарулим в «Бристоль», — предложил Маяковский.

Шиллов задумался.

— А-а, поехали к Брик. Надо уже и точку поставить, в самом деле.

* * *

Осип радостно встретил Шилова и Маяковского на входе в квартиру и, не дожидаясь, пока они скинут верхнюю одежду, побежал в зал. У Бриков, с картами за столом, сидели семь человек. Была здесь и сестра Лили - Эльза, и знакомая уже худая балерина.

— Лиля, — воодушевлённо выкрикнул он, — пришли Володя и Василий Иванович.

Присутствующие оторвались от карточной игры и уставились дружно на вход, ожидая появления новых гостей. Лилия изо всех сил старалась выглядеть равнодушной, но стоило Шилову перешагнуть границу порога коридора и столовой, как тело само невольно отреагировало, и она резко сменила позу.

— Всем — здравствуйте! — поприветствовал Василий, приподняв над плечом повёрнутый от себя сжатый кулак.

«Но пасаран, так сказать, друзья. Вам ещё предстоит узнать это интернациональное приветствие, а я его уже-е знаю».

Гости вразной степени ответили. Лилия встала со своего места и величаво подошла к Шилову. Стрельнула на него глазами и проплыла мимо, к Маяковскому.

— Здравствуй, Щен, — проворковала она, подставив для поцелуя щеку.

Владимир пожал её руку, что вызвало большое удивление у Брик. Она медленно развернулась телом, продолжая смотреть обескураженным взглядом на Маяковского, и шагнула к Василию.

— Мы очень признательны, Василий Иванович, что Вы наконец-то смогли уделить нашему скромному обществу своё время.

Шилов вновь и вновь всматривался в лицо Лили. Не красавица, определённо. На вкус Василия так вообще можно сказать — дурнушка. Но эта властная, капризная, своенравная женщина, с живым, но независимым характером, обладала фантастическим даром воспламенять сердца мужчин. Чем? Шилов рисовал для себя штрихи портрета покорительницы душ представителей противоположного пола. Дьяволица? Скорее нет. Нельзя сказать, что выделяется особой эрудицией, но прагматичная, хваткая, внимательная к мелочам. Искусно использует возможности макияжа. Выбирает наряды, которые выигрышно выделяют её лучшие черты. Нет-нет, да обязательно чуть приподнимет губы, чтобы продемонстрировать изумительные зубки.

— Ну так что же, Вы порадуете нас сегодня новыми песнями? — подхватив Шилова под локоть и прижавшись к нему бедром, заглянула в глаза Брик.

— Исключительно уступая Вашей просьбе, Лилия Юрьевна, — улыбнулся, насколько только мог обворожительно, Шилов, снимая с локтя её руку.

— Папа[2], неси гитару, — крикнула Брик, и муж моментально исчез из зала.

— Давайте поставим стул вот здесь, посредине, чтобы всем Вас было видно, — повелительным взглядом указала место Лилия, и молодой парень тут же исполнил её указание.

— Как скажете, Лилия Юрьевна, как скажете, — безропотно согласился Василий, подойдя к стулу.

Осип принёс гитару. Шилов отметил, что, скорее всего, с того дня, когда он брал инструмент в руки, им больше никто не пользовался. Пыль покрывала бока.

— Что же вам исполнить для начала? — задумчиво произнёс Василий, настраивая гитару.

«Ну что, дядя Саша, выручай! Думаю, твоя «Вещая» не оставит равнодушными эту публику. Понеслась, родимая!».

Запутал, не знаю где...

Чудо чудное глядел:

По холодной, по воде,

В грязном рубище

Через реку, через миг

Брёл, как посуху, старик —

То ли в прошлом его лик,

То ли в будущем...

*Позамёрзшая межа,
А метели всё кружат...
Я глазами провожал,
Слышал сердца стук.
Одинока и горба,
Не моя ли шла судьба?
Эх, спросить бы... Да губа
Онемела вдруг...*

*Полям, полям, полям,
Белым, белым полям дым.
Волос был чернее смоли —
Стал седым.*

*А старик всё шёл, как сон,
По пороше босиком,
То ли в даль, за горизонт,
А то ли в глубь земли...
И чернела высота,
И снежинки, петъ устав,
На его ложились стан
Да не таяли...*

*Вдруг в звенящей тишине
Обернулся он ко мне,
И мурашки по спине
Ледяной волной —
На меня смотрел... и спал...
«Старче, кто ты?» — закричал,
А старик захохотал,
Сгнув с глаз долой.*

*Полям, полям, полям,
Белым, белым полям дым.
Волос был чернее смоли —
Стал седым.*

*Не поверил бы глазам,
Отписал бы всё слезам,
Может, всё, что было там,
Померещилось...
Но вот в зеркале, друзья,
Вдруг его увидел я,
Видно, встреча та моя
Всё же вещь.*

Полям, полям, полям,

*Белым, белым полем дым.
Волос был чернее смолы —
Стал седым.*

Брик молча вышла из столовой и вернулась с бутылкой вина. Подойдя к столу, она молча протянула вино молодому человеку, который, не дожидаясь просьбы, тут же откупорил её и наполнил бокал для Лили. Брик, не говоря ни слова, осушила сосуд до дна, а потом вернулась на место рядом с Шиловым.

— Ещё!

Василий взлохматил волосы, размышляя, чтобы ещё такого сбацать. Лиля придвинулась ближе и посмотрела на голову Шилова.

— Ой, а у Вас и впрямь седина пробивается на висках. Такой молодой...

— Бывает, Лилия Юрьевна, что и дети седеют, — глядя на струны, произнёс Василий.

*Моя любовь не стоит громких фраз, Но я пою для Вас пока есть силы, И так хочу под-
нять бокал сейчас За Вас любимых, за Вас красивых, И так хочу поднять бокал сейчас За Вас
любимых, за Вас красивых. Я выпью женщины за Вас, Коктейль из нежности и счастья, До-
бавлю много жгучей страсти, И яркий блеск счастливых глаз.*

*Я выпью женщины за Вас, Чтобы судьба прогнала горе, Любви, цветов, улыбок море Я
выпью женщины за Вас!*

Я все отдам за близость Ваших глаз, За тот пожар в душе необъяснимый, И вновь хочу
поднять бокал сейчас, За Вас желанных, за Вас любимых. И вновь хочу поднять бокал сейчас, За
Вас желанных, за Вас любимых.

Я выпью женщины за Вас, Коктейль из нежности и счастья, Добавлю много жгучей
страсти, И яркий блеск счастливых глаз. Я выпью женщины за Вас, Чтобы судьба прогнала
горе, Любви, цветов, улыбок море Я выпью женщины за Вас!

— За нас, красивых, — взвизгнула дамочка с выразительной родинкой на правой щеке,
которая, впрочем, нисколько не портила её внешность, а, напротив, придавала ей особую при-
влекательность.

Она подскочила к столу, решительно плеснула себе половину бокала вина и лихо его
опрокинула.

Брик влюблёнными глазами пожирала Шилова, нервно перебирая ноготками по колену,
словно собиралась впитаться в Василия и разорвать от страсти.

— Ну что, давайте я ещё одну песню исполню, и на этом, пожалуй, творческий вечер
Василия Чепалева завершим, — проведя сверху вниз по струнам, объявил Шилов.

— Ну уж нет. Мы столько времени Вас ждали, а Вы хотите тремя песнями отделаться? —
возмущённо воскликнула Брик, но было видно, что возмущение её шуточное, и она надеется,
что этот милый мужчина не откажет исполнить ещё несколько песен.

— Лилия Юрьевна, так не честно! Вы за один раз весь мой репертуар вытянете, с чем же
я тогда приду в следующий раз?

— А мы в следующий раз послушаем опять эти же песни. В Вашем исполнении они
бесподобны. Я ведь верно говорю? — обратилась Брик к гостям, и они утвердительно закивали
головами.

— Ну хорошо.

Шилов вскинул взгляд к потолку, помолчал, сосредотачиваясь, и заиграл.

*Через край душа могла — пить, А судьба наперекор — знать права. Наливала да не
поровну- Уводила радость в сторону, Там где горькая всходила трин-трава.*

*Дни под горку, а вокруг лес, А в нём птица та, что гнёзда не вьёт
Растолкуй мне пестрокрылая
Ждёт ли там за лесом милая. Или может быть, на небе кто-то ждёт.*

*Ты кукуй кукушка в синей тишине
Сколько мне ещё осталось на земле, Не жалею, а просто ты кукуй кукушка мне
И когда я буду где-то, где-то там Я тебе за каждый день втройне
отдам Песнями, что дождь слезой оставил не стекле*

*Затаился и затих весь, А кукушка не начавши отчёт, С ветки в чащу оборвалась, А
судьба моя осталась, Не сосчитана никем наперёд.*

*Ты кукуй кукушка в синей тишине
Сколько мне ещё осталось на земле, Не жалею, а просто ты кукуй кукушка мне
И когда я буду где-то, где-то там Я тебе за каждый день втройне
отдам Песнями, что дождь слезой оставил на стекле.*

Брик подскочила к Василию и чмокнула его в щёку.

— Вы такой разноплановый, Василий Иванович. У Вас такой необычный репертуар, — проворковала она.

— Да, Лиля Юрьевна, вот такой я двуликий Янус, — развёл осторожно руками Шилов, опасаясь задеть гитарой подсевшего поближе молодого человека.

Брик изумлённо изогнула брови.

— Нет, Лиля Юрьевна, я не имею в виду тот негативный смысл, который мы обычно связываем с понятием двуличия. Мифический Янус не был ни хитрым, ни льстивым. Как Вы думаете, назвали бы месяц январём в честь лицемера? Сатурн наделил Януса даром видеть прошлое и будущее. Вы помните его изображение? Молодое лицо, оно словно обращено в будущее, а второе, оно состаренное и смотрит в прошлое. Вот и со мной происходит нечто подобное. Я одновременно и молод, и стар. Единственное различие между мной и Янусом заключается в том, что он учил людей строить корабли, возделывать землю, выращивать овощи и ввёл государственный порядок, а я ничего не могу передать. Я лишь пою песни, в которых, возможно, скрыт потаённый смысл, и из них можно извлечь что-то полезное.

— Вы коварный интриган, — залилась смехом Брик, выпивая очередной бокал вина, и её поддержали присутствующие. И в питье алкоголя, и в неискреннем смехе.

— Просим нашего русского Януса исполнить что-нибудь ещё.

— Переходим к следующей части нашего концерта — лирическо-любовной, — объявил Шилов, привстав со стула и отвесив лёгкий поклон.

*В шумном зале ресторана, Средь веселья и обмана, Пристань загулявшего поэта. Возле
столика напротив Ты сидишь вполоборота, Вся в лучах ночного света.*

Так само случилось вдруг, Что слова сорвались с губ. Закружило голову хмельную.

*Ах, какая женщина, какая женщина! Мне б такую! Ах, какая женщина, какая жен-
щина! Мне б такую!*

*Пол не чуя под собою, Между небом и землёю, Как во сне с тобой танцую. Аромат духов
так манит, Опьяняет и дурманит. Ах, как сладко в нём тону я.*

Так близки наши тела, И безумные слова Без стыда тебе шепчу я.

*Ах, какая женщина, какая женщина! Мне б такую! Ах, какая женщина, какая жен-
щина! Мне б такую!*

*Ты уйдёшь с другим, я знаю. Он тебя давно ласкает. И тебя домой не провожу я. Жжёт
в груди сильнее огня. Не моя ты, не моя. Так зачем же я ревную?*

Сколько ж нужно мне вина, Чтоб из памяти прогнать, И забыть мечту свою шальную.

*Ах, какая женщина, какая женщина! Мне б такую! Ах, какая женщина, какая жен-
щина! Мне б такую!*

Ах, какая женщина, какая женщина! Мне б такую!

— Не-ет! — раздался истеричный крик, — не уйду! Не ласкает! Никто не ласкает! Уже давно, — схватив Шилова за руку, сквозь пьяные рыдания изливала свою боль Брик.

— Лилечка, успокойся, — кинулась к ней сестра.

Гости тоже дружно стали успокаивать хозяйку.

— Ещё песню хочу, — уже спокойным голосом произнесла Брик, и Василий глубоко задумался.

Можно было предположить, что он размышляет о том, какую песню сейчас исполнить, но на самом деле Шилова мучал выбор: добивать Брик или же не травмировать её психику дальше. Он, конечно, не хирург, который причиняет людям боль ради блага пациента, но сейчас ему приходится резать по живому, безжалостно. И если он пришёл с намерением поставить точку и не давать хозяйке салона ложных надежд, то и не стоит отступать от намеченного плана.

Прости меня, прости меня, я ухожу, Я ухожу, наверно, что-то не сложилось, Пусть мне с тобой уютно было и тепло, Но голова, но голова не кружилась. Так больше жить, так больше жить я не могу, Я не могу, когда так скучно мне до боли, Если живём мы столько лет, Но только праздника нет, Кажется воля неволей.

То ли воля, то ли неволя, Мне без любви даже рая не надо, Рай без любви называется адом, В нём так горько и безотраднo.

И в этом нет, и в этом нет твоей вины, Лишь я один, лишь я один за всё в ответе, Можно хотеть, можно хотеть, Пытаться, но не суметь, Видимо, Бог есть на свете. И он давно, и он давно за нас решил, За нас решил когда И кто с кем будет счастлив, И потому, и потому я от тебя ухожу, Самое время прощаться. Самое время прощаться.

То ли воля, то ли неволя, Мне без любви даже рая не надо, Рай без любви называется адом, В нём так горько и безотраднo.

То ли воля, то ли неволя, Мне без любви даже рая не надо, Рай без любви называется адом, В нём так горько и безотраднo.

То ли воля, то ли неволя. То ли воля, то ли неволя. То ли воля, то ли неволя. То ли воля, то ли неволя.

Брик хранила молчание. Все присутствующие тоже молчали, пристально глядя на Лилю, ожидая её реакции. Заметив, что у сестры начинается нервный тик, преследовавший её с детства после сильного испуга, Эльза подошла к ней и протянула костяную ложечку. Брик безмятежно засунула её в рот, чтобы не стучали зубы, немного подержала и затем вынула.

— Скажите, Василий, а могут ли быть между нами отношения?

Шилов впал в ступор от такого откровенного вопроса в присутствии мужа и гостей.

— Нет, Лиля Юрьевна, мы можем быть хорошими друзьями, но не более.

— Я начинаю понимать, как это горько и больно, когда тебя не любят, — бесцветным голосом сказала Лиля, — Я растеряла магию очарования.

Шилов ощутил приступ угрызений совести. В чём, собственно, виновата эта женщина, которая, вероятно, искренне влюбилась в него? Возможно, её привлекла не его личность, и она полюбила его не как мужчину, а как исполнителя необычных песен, которые выделяются из общего ритма времени, но это уже второстепенно. Главное, что в её сердце зародились определённые чувства, а теперь она осознаёт, что они не могут быть взаимными.

— Право слово, Вы не правы, Лиля Юрьевна. Грешно на себя наговаривать. Вы очень эффектная женщина. Мужчины с вожделением смотрят на Вас. Воздыхатели штабелями валяются к Вашим ногам.

— Я не собираюсь подбирать абы кого. Мне нужны избранные, те, кого хочу я. А такие отвернулись от меня. Одни бросают, другие не проявляют должного внимания.

Она медленно подошла к столу, отрешённо посмотрела на остатки вина в бутылке, но наливать не стала.

— Пойду, чай приготовлю, — сказала Брик и вышла из зала.

Через минуту из кухни донёлся звук выстрела.

[1] В России в 1915–1917 годах выпускались разменные марки-деньги — бумажные заменители мелкой разменной монеты. Выпуск марок-денег был связан с дефицитом мелкой разменной монеты из-за Первой мировой войны. Министр финансов Российской империи Пётр Барк принял решение о печати марок-денег как временную меру — пока мелкая монета не станет чеканиться в нужном объёме. На 1 копейке — портрет Петра I, на 2 копейках — Александра II, на 3 копейках — Александра III. На обороте этих номиналов — надпись: «Имеет хождение наравне с медной монетой».

[2] Лиля Брик (Каган) называла своего мужа Осипа ПАПОЙ

Глава 14. Год 1916.

В воздухе витала приятная свежесть. Небо сияло безоблачной чистотой. Вокруг царили безмятежность и тишина. Василий аккуратно утрамбовывал снег под локтями, чтобы не потревожить снежную пыль на ветках. Температура едва опустилась ниже нуля, но дыхание уже начало превращаться в лёгкие облачка пара. Чтобы не выдать себя, Шилов плотно натянул на лицо марлю, прикрывающую нижнюю часть лица. Как же хорошо! Лёгкий морозец наполнял атмосферу особым спокойствием и умиротворением.

Василий оценивающим взглядом осмотрел места лёжек своих диверсантов и отметил, что маскировка была на высочайшем уровне.

«Привет, Шилов!» — ворвалось в сознание.

Это было настолько неожиданным, что Василий непроизвольно дёрнулся и нарушил целостность снежного покрова на кустарнике.

«Твою мать, Вася? Что у тебя за дебильная мода в самый неподходящий момент нарисовываться? Не видишь что ли, вот ей-ей не до тебя!»

«Вижу, вижу, что ты рад меня слышать. Да ты не кипишуй! Так кажется у вас говорят? Лучше радость прояви. А по засаде твоей... Вокруг тебя и твоих воинов всё спокойно. Можешь поверить.»

Шилов слушал Чепаева словно на подсознании. Его сейчас больше волновала проблема, менять ли позицию или нет, так как здесь обнажившиеся от снега ветки выделялись среди сплошной белизны и глаз сразу может зацепиться. Но решил оставаться на месте. Мало ли, может птица стяхнула. Главное, что лично его обнаружить довольно проблематично.

«Ну и чего тебе надобно, старче? Помнится, мы с тобой расцеловались на прощанье и разошлись каждый по своей дороге. Мне, между прочим, вернули мою фамилию по рождению и документы справили. Да-а, ты ещё печально так поведал мне, что больше я тебя не услышу, мол, не отпустят тебя. Что, в карты нашу встречу выиграл? Соскучился?»

Чепаев секунду помолчал, словно раздумывал, как отреагировать на слова «захватчика» своего тела.

«Про фамилию знаю и рад за тебя. А про выигрыш... На самом деле, это не я выиграл, а ты, Вася. Оказалось, что Вершители судеб существуют. Их можно по-разному называть: и Высшая форма коллективного сознания всех живущих во Вселенной, Космический разум или Боги. Так вот, в их высоких небесных штабах проанализировали ход общей истории Земли и пришли к выводу, что именно людям России можно предоставить возможность попытки построить новый, светлый мир. Сначала у себя, а потом, глядишь, и распространить опыт дальше. Сами Вершители судеб не могут вмешиваться напрямую, сам понимаешь, вот поэтому опосредованно через тебя решили воздействовать на некоторые моменты. А меня отправили к тебе. Так сказать, назначили твоим ангелом-хранителем. Теперь я буду твоими глазами и твоими ушами. Ну, не в буквальном смысле, конечно. По твоему запросу я буду сообщать тебе об обстановке в радиусе, скажем, до пятидесяти километров. Если же внезапно возникнет опасная ситуация, то я тут же предупрежу тебя сам.»

В принципе Шилова уже мало чем можно было огоршить. Он готов был воспринимать существование нематериальных явлений и признать их влияние на мир и человека, хотя и стремился объяснить для себя все события с помощью материальных процессов, руководствуясь законами природы.

«А вот с этого места давай-ка поподробнее. Не въехал. То есть, ты сидишь со мной в ... нашей башке — чай гоняешь, а твоя какая-то бестелесная субстанция в это время в поднебесье рассекает и осматривает окрестности?»

Пауза заняла секунды две.

«Нет. Мне будут как бы показывать местность, интересующую тебя. Я так понимаю, что я буду видеть всё происходящее то в одном месте, то в другом и рассказывать тебе».

Василий хотел поменять положение тела, но вовремя вспомнил, что находится не в зале дискуссионного клуба, а лежит в засаде и мысленно матюкнулся.

«Вот видишь, как не вовремя ты появился. Или ты специально так подгадал, злыдень, чтобы я не мог свои эмоции проявить? С твоими видениями, что-то Вершители намудрили. Нельзя что ли, напрямую мне проецировать? Обязательно надо было тебя ко мне подселать?»

«Вопрос не ко мне», — пресёк рассуждения Шилова Чепаев.

Шилов кипел от праведного гнева, но не мог найти выхода для своих эмоций.

«И что, вот эта радость, твоё присутствие, теперь будет круглосуточным? Я даже о своём заветном теперь без контроля с твоей стороны не смогу подумать? Да на хрена мне такое счастье? Верните в зад, как было! Не желаю! Не хо-чу!»

Судя по всему, ангельское терпение Чепаева тоже имело предел, и ему вспышки озлобления были свойственны тоже. Вероятно, ангелам подобное не запрещалось. В сущности, он оставался тем же человеком со всеми присущими ему чувствами, только теперь без тела и в иной форме.

«Да на кой ляд ты мне впёрся, сидеть в твоём мозгу и ежесекундно слушать всякую твою белиберду?» — выпалил он в горячности.

Впрочем, вспышка была именно вспышкой. Блеснула и угасла. Чепаев вновь стал спокойным, уравновешенным.

«Я там же, где и прежде. Единственное отличие, теперь я, вроде как, числюсь на службе. Возложили на меня ответственность за тебя, паразита! Стоит тебе подумать о том, что требуется помощь, секунды не пройдёт — я буду рядом. Ты пойми, здесь время по-другому существует. Кстати, кроме всего прочего, тебя наделяют некоторыми способностями: у тебя значительно улучшится зрение, ты сможешь видеть в темноте, слух у тебя обострится настолько, что ты будешь слышать даже то, о чём шепчутся на расстоянии от тебя за километр. Вот такие плюшки, друг мой. Вася. Да-а, чуть не забыл. «Физики» тебе добавили. Сможешь, в нужный момент, ускоряться, действовать раза в два быстрее, чем ты мог до сей минуты.»

Данное известие Шилова окончательно выбило из колеи. Нет, его не испугало обретение возможных способностей, которые действительно были бы ему нелишними. Его поразила щедрость Вершителей.

«Вот те на те, хрен из-под кровати. И каким образом я все эти ништяки получу? Вздремнуть надо часов так ...дцать или через голову назад кувыркнуться?»

«Дурак! Через меня и получил. Без всяких твоих «трах-тибидох-тибидох».

Шилов закрыл глаза и молчал. Он пока что не имел возможности проверить своё ночное зрение, а прислушиваться к окружающему миру не было желания, да и возможности, потому что в голове бубнил Чепаев.

«Да-а-а! И что, реально всё так, как ты говоришь? Или прикалываешься? Ладно-о, а ну, подсажи, что там у нас на дороге творится?»

Чепаев усмехнулся.

«Сани, которые вы, вероятно, дожидаетесь, появятся в твоём поле зрения минут через десять. В них трое. Один дрыхнет, а двое болтают. В обе стороны никакого движения не наблюдаю на расстоянии десяти километров.»

Шилов не удержался и встал на колени. Снег, которым его присыпал Марков, с маскхалата осыпался.

«Офиге-еть! Слушай, а ты можешь попросить, чтобы мне ещё и знание языков добавили? Нужен мне немецкий, я — бац, и по-германски шпрехаю с берлинским акцентом. Понадобился польский, литовский, румынский, а я на них, что на родных разговляю.»

Чепаев открыто захохотал.

«Ты, видимо, мёд привык столовой ложкой жрать? Чайная для тебя уже как ущемление твоих прав? Умерь, дружок, аппетиты».

Шилов искренне удивился.

«А чего не так-то? В моём деле очень даже полезная штука.»

Молчание длилось больше минуты.

«Жди. Узнаю».

Шилов ждал. Улёгся на своё место, руками кое-как накидал немного снега на спину, подгрёб под бока.

«*Pastāstiet Jums gulētiešanas stāstu, dīyatko?*»

Появление Чепаева было опять неожиданным.

И Шилов понял эти слова, произнесённые на латышском.

«Рассказать тебе сказку на ночь, дитятко?»

«*Nē, paldies! Pastāsti man labāk, Tēt, no kurienes nāk bērni*», — неожиданно для самого себя ответил Шилов.

«Нет, спасибо! Расскажи мне лучше, папочка, откуда берутся дети?»

«Слу-ушай, а эти твои Вершителы, ничего так парни. Не простые.» — восхищённо произнёс Василий.

«Ну ты реально — дурак», — беззлобно протянул Чепаев.

«Да это я просто отойти не могу. Ошарашен» — представляя перспективы знания любого языка, какой понадобится в тот или иной момент, сказал Шилов. -

«Передай им низкий поклон. Премного благодарен. Теперь бы понять, насколько всё это мне жизнь усложнит? И вот ещё что, ты им передай так же, что бы особо губы то не раскатывали. А то, поди, рассчитывают, что я тут мировой коммунизм построю или того хуже — райской жизнью всю планету окутаю.»

«Тебе пора. Германцы рядом», — оборвал его Чепаев.

Из кустарниковых зарослей вдоль дороги взлетела пара сорок и возмущённо затрещала, высказывая нарушителям спокойствия своё недовольство. Лошадь, размеренно, не спеша перебирая копытами, вытянула сани из-за дальнего поворота, до которого было метров пятьсот. Сороки успокоились и лишь скрип полозьев по снегу нарушал первозданную тишину зимнего утра. Казалось, эти звуки наполняют воздух особым, почти осязаемым спокойствием деревенской жизни.

Василий поцокал языком, в ответ донеслись похожие цокания из кустарников с обеих сторон от него и с противоположной стороны дороги. Группа подтвердила готовность. Шилов осторожно приготовился к стрельбе.

* * *

Появлению Василия на учебном полигоне Потапов искренне обрадовался. Он планировал и сам сегодня звонить специальному представителю с просьбой о встрече, так как необходимо было решить некоторые вопросы по обеспечению школы диверсантов. Николай Михайлович находился в небольшом домике на краю штурмовой полосы и внимательно наблюдал за прохождением её своими питомцами.

Настроение у Шилова было мерзопакостным. Перед этим он вновь поцапался с Лениным. Причём поцапался конкретно и отдавал себе отчёт, что после этой эмоциональной стычки нажил непримиримого принципиального врага...

... Кузюбердин с Генераловым поймали Василия в кабинете в ту самую редкую свободную от дел минуту, в которую ему удавалось посетить здание Смольного. Они радушно поздоровались с ним и, отказавшись от чая, задали вопрос, решение которого, как он полагал, уже давно было оформлено документально.

— Ты, Василий Иванович, говорил, что будет выпущен документ о послаблениях для казачества, но мы не можем ни у кого добиться внятного ответа, где его взять, чтобы показать в сотнях, да и в станицы отправить — людей порадовать.

Шилов набрал номер Управляющего делами Совета Народных Комиссаров. Трубку подняла не секретарь Софья, а сам Бонч-Бруевич.

— Здравствуйте, Владимир Дмитриевич. Шилов беспокоит. Меня интересует Декрет по казакам. Помните, мы подготовили его проект, в котором обозначили, что государство принимает на свой счёт обмундирование и снаряжение казаков, призванных на военную службу, об их полной свободе в передвижении, ну и другие вопросы прописали? Где я могу его получить для ознакомления?

Бонч-Бруевич что-то кратко ответил Василию и по тому, как в процессе этого ответа гневом наливалось лицо спецпредставителя, казаки поняли, что этот ответ, его мягко говоря, не устраивает.

— Что значит не приняли и отклонили? После того, как в моём присутствии всё было утверждено?... Я Вас понял.

Шилов так швырнул трубку на рычаги, что возникло опасение того, как бы эбонит не разлетелся на мелкие кусочки. Василий стиснув зубы прерывисто дышал, нервно раздувая ноздри. Он резко встал из-за стола и решительно направился к выходу.

— Ждите, — отрывисто бросил на ходу и громко хлопнул дверью.

У кабинета Ленина толпился народ. Шилов, не обращая внимания на возмущения со стороны очередников, рывком открыл дверь и вошёл. Ленин и Урицкий, находившийся у него на приёме, склонились над каким-то документом, лежавшим на столе и внимательно его изучали. Услышав шум открывшейся двери Ленин оторвался от листа и, подняв голову, с удивлением посмотрел на взбешённого Василия.

— Выйди, — мотнул головой в сторону двери Шилов, выпроваживая Моисея Соломоновича из кабинета.

Урицкий вопросительно взглянул на Владимира Ильича, который, пожав плечами, развёл руками, мол, что поделаешь, видимо, неотложный вопрос.

— Вы что-то не в духе, Василий Иванович. Что стряслось? — усаживаясь в кресло, поинтересовался Ленин.

Василий тяжело упал на стул рядом со столом и впился глазами, мечущими стрелы гнева, в прищуренные щелочки вождя.

— Я желаю услышать аргументы, заставившие некоторых индивидов положить под сукно декрет по казачеству. В тот момент, когда я уходил с заседания, все вопросы были согласованы и утверждены. Мы гарантировали, что Советская власть не будет покушаться на основы казачьего быта, что казачеству будет предоставлена полная самостоятельность в устройстве своей жизни. Что земли трудового казачества не затронет новое аграрное законодательство. Уже эти пункты Декрета поставили бы в наши ряды десятки тысяч казаков, которые хорошо и храбро умеют воевать. Понятное дело, что казацкую верхушку поддержка позиций советов казацкой массой не устроит. Им как нож к горлу делиться землёй. И они начнут баламутить станицы идти против новой власти. С их подачи полыхнёт на казачьих землях Гражданская война. Но казаки, стоящие на нашей стороне, сами захлопнут мятеж. Им и помогать особо не надо. Мы же всё подробно обсудили. Я вам по полочкам всё разложил, разжевал, и мы единогласно приняли обоснованное решение. Оставалось только поставить Вашу и Владимира Дмитриевича росписи.

Ленин заёрзал в кресле, предчувствуя не простой разговор со спецпредставителем.

— Мы с товарищами посоветовались и пришли к выводу, что казаки для нас являются классово чуждым элементом. Вы, Василий Иванович, должны и сами понимать, что это военное сословие, которое всегда участвовало в жёстком подавлении революционных выступле-

ний. Русское казачество как отдельное привилегированное военное сословие должно быть целенаправленно и планомерно уничтожено. Товарищи готовят сейчас директиву о проведении беспощадного массового террора по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо участие в борьбе с русским угнетённым народом. И мы намерены проявить максимальную твёрдость в исполнении задуманного. Никаких компромиссов, никакой половинчатости. Поэтому вариант Декрета, который был подготовлен в Вашем присутствии, мы с товарищами сочли неправильным. Не отвечающим велению времени. Вы удовлетворены, Василий Иванович?

Шилов был неприятно поражён, с какой лёгкостью вождь говорит об уничтожении целого сословия. В его словах даже проскакивали нотки сарказма. Василий снова ощутил прилив гнева.

— Товарищи, значит, пришли к выводу? Интересно узнать, а по чьей инициативе был пересмотрен единогласно принятый декрет? И кто это такой красноречивый, интересно, убедил товарищей принять совершенно противоположное решение? Не подскажешь, деушка Ленин?.. Молчишь? Ну ты меня довёл. Сам напросился. Ты, сидящий в этом кабинете, сейчас кто? Глава правительства? А ты не забыл, — резко перейдя в обращении на «ты» к светочу революции, закипал Шилов, — ГДЕ родилось твоё государство? Кто тебя приютил во время проведения Съезда? Кто обеспечивал безопасность твоей жопы? А теперь, когда ты всего добился, получил то, о чём мечтал, весь такой в шоколаде, охеренный руководитель, сидишь в удобном кресле и писульки с подсевалами своими стряпаешь, казаков можно на хер послать? Ну уж дудки! На кось, выкуси! — и Василий резко сунул под нос Владимира Ильича кукиш, — Если останешься на своей позиции, я сейчас же подниму казачьи полки, и ты пикнуть не успеешь, как твоё правительство сметут к ебене маме. А мы построим нормальное, русское государство. Ты меня хорошо услышал, деушка Ленин? И только попробуй дёрнуться и что-нибудь замыслить против меня. Я твой красноречивый картавый язык тебе в очко вобью! Жиды сучьи! У нас революция для русского народа или для образования страны евреев? Нет, я не говорю про всю нацию. Как и в каждой есть и уроды, но есть и порядочные. Но берега то видеть надо. В моих рекомендациях по кандидатурам тоже есть евреи. Но это евреи, которые однозначно будут работать на благо страны, а не гадить, вредить, стремиться отыграться на гоях. Я вам списки кандидатов на должности для какого ляда писал? И что в итоге?

Шилов схватил лежавший на столе листок с составом правительства, предложенным Лениным на утверждение и потряс им перед лицом вождя.

— Вот это что? Ишь, почуяли! Стойку приняли! Ринулись сразу из-за границ! Урицкий, Гольштейн, Лурье, Мельничанский, Залкинд, Гомберг, Лейба Фишелев... Как говаривал один товарищ в моём времени: «Скажите, а русские у нас в родне есть?». Ты русских казаков под ноль подписал, а этот народ городских торговцев и ростовщиков ты решил сделать хозяевами страны? Я костями лягу, но не допущу повторения прошлой истории, когда еврей-большевики, и евреи в целом в Советском Союзе наживались за счёт настоящих русских. Чтобы евреи монополизировали привилегированные государственные должности и лёгкую «коррупционную работу». Конфисковывали самые ценные богатства старого режима и вывозили контрабандой из страны. Их цели не забота о благополучии русского народа, а личное господство и процветание. Я не дам вам разрушить мою Родину. Ну так вот, ты сейчас же поднимаешь...

В это время в дверь заглянул Бубнов и, заметив, что вождь в кабинете находится с их соратником, собрался было зайти, но Шилов рывкнул так, что тот вылетел пулей.

— Закрой дверь!

Убедившись, что дверь плотно прикрыта, Василий продолжил тихим, шипящим голосом:

— Ты запросишь у Бонч-Бруевича первый вариант Декрета и вы оба, при мне, его визируете. И печать поставите. И внесёте его как положено в ведомость. Второе, вот этот список, — он потряс листком, — привести в надлежащее состояние, учитывая мои записи. Я фамилии

взял не с потолка, и я не позволю вам вновь ставить эксперименты над народом моей Родины, выдвигая на должности откровенных бездарей. Закон принять — это не игрушку сломать. Принятие дебильного, непродуманного закона может сломать жизни людей и даже страны. Прежде чем что-то принимать - нужно хорошенько подумать, взвесить. Сначала надо подумать, а потом делать. Не так, как обычно происходит у нас. Сначала примем декрет, а потом смотрим, что же из этого получилось, и начинаем расхлебывать бездумные решения, исправлять. Ах, извините, мы ошиблись. Слишком дорого обходятся такие ошибки, и тех, кто принял, допустил эти ошибки, надо не просто гнать из власти поганой метлой, а отправлять на Соловки, на рудники. Доходчиво пояснил? Звони! — Шилов снял с аппарата трубку и протянул её Ленину.

Владимир Ильич беспрекословно выполнил требование Василия и уже через пятнадцать минут Шилов входил в свой кабинет с подписанным Декретом, который торжественно вручил казакам. Но он прекрасно понимал, что Ленин так просто не проглотит столь дерзкое и оскорбительное выступление потомка, и ему нужно быть предельно осторожным и готовым к любым враждебным действиям со стороны вождя.

Василий заметил за собой, что в последнее время он превращается в неврастеника. Характер стал взрывным. Ему с трудом удаётся себя сдерживать в разговорах с соратниками, и сегодняшний срыв тому подтверждение. Однако времени для восстановления нервной системы не было абсолютно.

* * *

По всей вероятности, на полигоне тренировались сразу две группы. Одна отработывала приёмы рукопашного боя, а вторая оттачивала смену уровня, при которой совершают резкое приседание, кувырок, прыжок и всевозможные изломы траектории движения, резко снижающие шанс противника попасть в движущегося настолько хаотично диверсанта.

— Николай Михайлович, мне нужны добровольцы из ваших людей, которые готовы выйти на боевое задание за линию фронта. Принуждать не имею права на данном этапе. Оговорюсь сразу, что дело опасное. Надо отобрать четыре группы по семь человек. Каждая из групп будет работать отдельно от других. В состав обязательно должен входить хотя бы один офицер, владеющий в совершенстве немецким языком. Снайпер, взрывник, пара специалистов по метанию ножей и двое, как подменные носильщики. Груза тащить придётся на себе прилично. В одну группу отбираем шесть человек, так как я пойду тоже. Времени на сборы, решения, при необходимости, семейных вопросов, могу выделить два дня.

Потапов посмотрел в окно на тренирующихся.

— Василий Иванович, даже обидно от Вас подобное слышать. У нас каждый универсал и профессионал. Могу поручиться за любого. Вы же знаете, все проходят жёсткий отбор. И даже из присланных Вами товарищей часть пришлось отбраковать. Но я подберу Вам лучших из лучших.

* * *

Сани поравнялись с местом засады. Шилов вложил в кожеток [1]заготовленную заранее пулю от парабеллума, зажал покрепче рогачок [2]и натянул тетиву. Краем глаза отметил, что Марков с другой стороны дороги тоже приготовился к выстрелу, и запустил снаряд в район лица управлявшего лошадей немца. Михаил поразил шею второго. Попадания были болезненными, и немцы, схватившись за места, куда попали пули, на мгновение отвлеклись. Этим мгновением хватило, чтобы, выпорхнув как куропатки из-под снега, к саням метнулись четыре белых фигуры. Все три врага, находившиеся в повозке, были оглушены, а лошадь остановлена.

Молча, выполняя закреплённые заранее обязанности, каждый из диверсантов занялся своей частью задания. Один направил упряжку в рощу, двое других, разместившись на заднем срезе распорки грядок, заматали след от полозьев заготовленными лапами ели, четвёртый ловко обхлопывал карманы шинелей противника и выкладывал на мешковину все обнаруженные вещи. Миновав ряд тесно стоявших невысоких разлапистых елей, сани остановились, и к

ним подбежали ожидавшие возвращения товарищей ещё три диверсанта. Быстро изучив личные жетоны немцев, Шилов пришёл к выводу, что воспользоваться ими его группа сможет. Сверившись с проставленной нумерацией подразделения, к которому пленные относились, Василий удовлетворённо крикнул: на сделанных ещё в Петрограде для него и его товарищей опознавательных знаках были нанесены аналогичные данные с названием этой же воинской части, и качество исполнения петроградскими умельцами было на высшем уровне. Великолепная память в очередной раз не подвела, но и, откровенно говоря, помогли сведения разведчиков.

Пленные пришли в себя практически одновременно, с разницей в десяток секунд.

— Меня интересует, по каким делам вы ездили и куда направляетесь? — обратился Шилов к самому возрастному из немцев.

Пленный окинул диверсантов презрительным взглядом и отвернулся. Василий кивнул Мирскому, и тот без лишних вопросов воткнул кинжал в горло гордеца.

— Вопросы остаются прежними. Кто готов отвечать?

— Густав Мерц, — зашевелился молодой немец и с трудом сел на колени. — По приказу господина фельдфебеля Шульца проводили изъятие продуктов у местного населения для нашего взвода. Возвращаемся в город.

Действительно, в двух мешках находились небогатые подаяния крестьян. Уточнив имена командиров, расположение взвода, роты и все другие необходимые сведения, Шилов отошёл к бывшему капитану Свиридову.

— Как я и предполагал. Нам попались те, на кого мы и рассчитывали. Поэтому план остаётся прежним. Трое изображают заготовителей, двое — телефонистов. Катюшки все до единой грузим в сани. Мы с тобой немного прокатимся с товарищами, а в следующем селе, через четыре километра, остаёмся ловить попутный транспорт и будем добираться, как и подобает офицерам.

— А с этими что? — кивком головы указал на пленных Свиридов.

— Я, конечно, не такой страшный зверь, как меня рисуют и у меня нет желания брать на себя лишнюю кровь, но на кону слишком многое стоит, а эти немцы нам могут всё испортить.

— Понял, — и отмахнул рукой Мирскому с Харитоновым.

[1] Кожеток для рогатки — это деталь, которая служит гнездом для снарядов и удерживает их до выстрела.

[2] Рогачок — так называют тело рогатки. Рогачок — служит для крепления резины и удержания рогатки при выстреле.

Глава 15. Год 1916.

В два дня, отведённых Шиловым на сборы, не уложились. Как это обычно бывает, проблемы вылезли оттуда, где он совершенно не ждал. Во-первых, оказалось не так просто срочно отыскать и доставить в Учебный центр катушки для полевого телефонного кабеля, применявшиеся в немецкой армии. В итоге, усилиями Потапова, подключившего к поискам отделе контрразведки Петроградского военного округа, на забытом Богом складе где-то под Ямбургом удалось достать завалившиеся там неизвестно по какой причине необходимые восемь катушек. Во-вторых, на Путиловском заводе на удивление долго ломали голову, как заменить штатную ось катушки на большего диаметра и разделить эту ось внутри на пять отдельных полостей, в которые можно было бы разместить цилиндры динамита и при этом чтобы не бросался в глаза небольшой объём кабеля, закрывающего центральный барабан. Василий никак не мог понять, в чём состоит сложность проварить аппаратом дуговой сварки инженера Славянова лист железа, в котором закрепить, опять же сваркой, пять труб нужного диаметра, а отверстия труб вывести в крышку и прикрыть заглушками. Поговорив на повышенных тонах с рабочими завода, поставленными для выполнения задания, стороны пришли к обоюдному решению и буквально через два часа заказ был изготовлен.

За эти два дня Шилов успел навестить Генеральный штаб, где пообщался с Брусиловым и получил от него необходимый ему, Шилову, приказ. Вникнув в суть предложения Василия, Алексей Алексеевич не только не высказал ни слова против, но и даже наоборот одобрил план специального представителя.

- Если у Вас получится задуманное, я буду искренне рад. Опасаюсь лишь одного — Ставка непременно начнёт вставлять палки в колёса. В большей степени Вам придётся выдерживать противостояние именно с генералом Алексеевым, - тяжело вздохнул Брусилов.

Шилов с недоумением посмотрел на генерала.

- Так он ведь находится на лечении в Крыму и сейчас обязанности исполняет Гурко. Или что-то поменялось, а я не в курсе?

- Нет-нет, это Вы простите меня, старика. Всё верно, как же я запамятовал. - успокоил Василия, заволновавшегося, что ход истории поменял свою дорогу, Алексей Алексеевич. - Скажите, Василий Иванович, Вы имеете свои нестандартные сведения насчёт Василия Иосифовича? Было бы интересно сравнить. Со своей стороны могу засвидетельствовать, что генерал от кавалерии Гурко является одним из наиболее передовых генералов. Это человек очень здравого рассудка. Если Вам удастся найти с ним общий язык, это пойдёт на пользу общему делу.

Шилов понимающе кивнул. Конечно, он, как бродячая энциклопедия, «просмотрел» материалы, имевшиеся в памяти, но открывать полную правду о планиде, которая ожидает генерала, желания не возникло.

- Я пытался посмотреть линию судьбы Василия Иосифовича. Откровенно говоря, развитие событий, если он продолжит придерживаться своих позиций, мне виделось не очень радужным. Выезд из страны и скитание за границей. Конечно, у меня есть желание удержать этого человека на Родине. Считаю, что он будет полезен и востребован здесь.

- А знаете-ка что, побеседую-ка я с ним по телеграфу и выскажу ему своё мнение о событиях, происходящих в России вообще и расскажу о Вас в частности...

... Решив с Елизаровым вопрос о прохождении поезда до Пскова без задержек, Шилов заглянул на заседание Правительства. Его особо не привлекали к обсуждениям накопившихся текущих вопросов, лишь интересовались его мнением по тому или иному направлению.

- Пришёл попрощаться, товарищи! - поздоровавшись со всеми, объявил Василий. - Уезжаю на фронт. Срывать не стану, дело предстоит не шуточное и гарантии, что обязательно

вернусь живым — невредимым, у меня нет. Поэтому прошу у всех прощения, если чем не со зла обидел. Поверьте, всё для блага.

Соратники, для порядка, повозмущались на слова Шилова о пессимистических настроениях и пожелали благополучного выполнения намеченных планов, а также скорейшего возвращения.

- Шилов, вот ты-то мне как раз и нужен, - заглянув в кабинет, обрадованно воскликнула секретарша София. - Тебе звонил Кошко и просил обязательно с ним связаться по Московскому номеру. Он сказал, что ты цифры знаешь.

До Аркадия Францевича Василий дозвонился с трудом. Несколько раз его пытались соединить, но связь обрывалась. Спустя минут сорок наконец удалось установить устойчивую связь.

Настроение у главного сыщика страны было приподнятым.

- Василий Иванович, ну что, Ваша информация о готовившемся ограблении банка в Харькове подтвердилась. Всё сошлось до мелочей. Взяли субчиков прямо в здании. Устроили засаду и накрыли в тот момент, когда они приступили к вскрытию сейфа. Тут уж не отвертишься. От хозяина банка Вам особая благодарность. Я ему поведал, что сведения получены от Вас.

- Я очень рад, Аркадий Францевич, что мои знания оказались полезными, но только объясните мне один момент, который меня неприятно смутил. Какой хозяин банка? Банк что, не взят под контроль Советами?

Кошко помолчал.

- Знаете, Василий Иванович, увольте меня от этих ваших дел. Я исполняю свою работу. И смею надеяться, что исполняю её без нареканий, добросовестно. Со всеми иными вопросами разбирайтесь сами. Я встретил в банке человека, который несёт ответственность за вклады граждан, организаций, доверивших ему на хранение свои богатства. И этот человек выразил благодарность за то, что мы помогли ему сохранить честь честного банкира. Это всё, что я могу Вам сказать.

Василий смущённо крякнул.

- Извините, Аркадий Францевич. Ещё раз поздравляю Вас с успешным делом. Меня некоторое время нельзя будет застать на телефоне, но планирую, что не далее как через месяц обязательно навещу Вас и мы обсудим некоторые операции...

... В Пскове в штаб Северного фронта Шилов отправился один, предварительно наказав Свиридову выдвигаться в Глубокое и выйти на общение с командующим первой армии Литвиновым, которому, предъявив надлежащие документы, вежливо предложить разместить группу с постановкой на довольствие максимум на два дня.

Удостоверение, выписанное Шилову, как специальному представителю Совета Народных Комиссаров, на адъютанта командующего фронта не произвело ни малейшего впечатления. Он кинул на него мимолётный взгляд, потом поднял на Василия удивлённые глаза, сморгнул пару раз, будто разгонял какую-то пелену, посмотрел на сидевших в приёмной офицеров, и вернулся к своим неотложным делам по распределению поступивших донесений, запросов и прошений. Шилов многозначительно хмыкнул, привлекая внимание капитана. Адъютант недовольно оторвался от исписанного корявым почерком листа.

- Ознакомься, милейший, с вот этим документом, - намеренно не навеличивая капитана званиями, шипящим голосом кобры, произнёс Василий и протянул приказ Брусилова.

Адъютант нехотя взял лист из рук назойливого представителя чего-то там и, с видом человека, который делает великое одолжение, приступил к чтению. По мере прочтения текста его правая рука нервно ухватилась за ворот мундира, пытаясь расстегнуть верхнюю пуговицу.

- Прошу прощения, - обретя способность к речи, пробормотал капитан и тут же вытянулся, обретя бравый вид. - Я немедленно доложу Его Высокопревосходительству. Будьте добры, присядьте.

Адъютант не стал звонить Рузскому, а быстро прошёл в кабинет. Через две минуты он вышел и, не закрывая двери, пригласил Шилова пройти.

- Здравия желаю, Николай Владимирович. Разрешите представиться, специальный представитель Совета Народных Комиссаров Шилов. Василий Иванович, - остановившись в метре от стола, за которым сидел генерал, поздоровался и обозначил себя Василием.

Рузский чем-то напомнил Шилову актёра Проскурина. Примерно тот же прищур глаз, усы, волосы. Разве что Николай Владимирович был на порядок постарше и имел аккуратные, в тонкой оправе овальные очки. Генерал, принимая приветствие и представление, в знак почтения, приподнялся с кресла и протянул Василию руку.

- Рад приветствовать Вас, Василий Иванович, как представителя новой власти в штабе Северного фронта. Но мне доложили, что у Вас имеется Приказ от начальника Генерального штаба Брусилова.

- Точно так. Приказ имеется. Хочу дополнить: за несколько часов до отречения от престола император представил Алексея Алексеевича на должность Главнокомандующего. По обоюдному согласию с новой властью, товарищ Брусилов принял решение занять должность начальника Генштаба в Красной армии. Между прочим, Николай Владимирович, в тот эпохальный день мы с Вами столкнулись на выходе из дворца. Конечно, Вы на меня не обратили внимания, находясь под впечатлением от неліцеприятного разговора с государем, но именно я был тем человеком, который, после Вашего с командующими фронтами отбытия, принял от Николая Александровича из рук в руки Манифест об отречении. Вас, наверное, интересует, чем же я заслужил такую честь? Мне удалось убедить царя, предоставив неопровержимые доказательства в том, что я могу видеть будущее. И я поведал ему о его судьбе. Надеюсь, что мне подобным образом посчастливится добиться и от Вас понимания и доверия, чтобы в дальнейшем разрешить некоторые моменты, связанные с проходящей сейчас Митавской операцией.

Командующий невольно напрягся.

- Нет-нет, Вы можете не опасаться, что я стану применять какие-либо чародейства, подвергать Вас гипнозу. Не обладаю подобными способностями. Скажите, Вы ведь уже искренне высказываете сожаление, что нарушили присягу и не поддержали императора в тот знаменательный день, когда Вы, в числе других командующих фронтами, подвигли своими словами монарха к принятию нелёгкого для него решения?... И откройте тайну - Вы же уже для себя определили свою дальнейшую судьбу и хотите просить об увольнении с мундиром и пенсией, а потом планируете уехать в Кисловодск?

Для Шилова реакция людей на его знания была привычной, и он спокойно наблюдал за меняющимся выражением лица генерала. Недоумение и страх читались в глазах Рузского. Своим сокровенным решением он не делился ни с кем. Тем более, что о поселении в курортном городе он надумал лишь сегодня.

- Вы хотите сказать, что мою судьбу тоже видите? - наконец-то выдал из себя Николай Владимирович.

- Увы, к моему великому сожалению, о Вас я могу сказать относительно немного. Вы закрытый человек, Николай Владимирович, поэтому мне доступна лишь небольшая часть информации о Вашей дальнейшей жизни. Единственное, что я могу Вам настоятельно порекомендовать, так это не уезжать в Кисловодск. А лучше всего предлагаю Вам подумать о продолжении службы. В рядах Красной Армии, конечно.

Шилов не особо лукавил, говоря об имеющихся у него скудных данных о судьбе командующего. Информации о человеке, который сыграл немаловажную роль в отречении царя от

власти, было действительно немного. Василий знал, что Рузский откажется от предложения возглавить части Красной армии, заявив, что он не приемлет войны русских с русскими. Этим отказом Николай Владимирович подпишет свой смертный приговор. В восемнадцатом году генерал, вместе с Радко-Дмитриевым, чья двенадцатая армия как раз сейчас проводит Митавскую операцию, был взят Кавказской Красной армией в число заложников в Ессентуках и зарублен на Пятигорском кладбище.

Командующий медленно достал из пачки, лежавшей на столе, папиросу, но прикуривать не стал, а понюхал её, покрутил пальцами и положил на столешницу.

- Давайте мы о моей дальнейшей службе разговор отложим, а поговорим о той миссии, с которой Вы прибыли сюда, имея на руках приказ от Алексея Алексеевича всячески Вам содействовать, - решительно объявил генерал.

- Добро. Я хочу обсудить с Вами ход Митавской операции. Вы позволите воспользоваться картой?

Рузский напрягся. Кинул взгляд на карту и замер в нерешительности.

- Ну хорошо. Обойдусь без наглядного пособия. Вы театр военных действий знаете, поэтому поймёте о чём я хочу сказать.

- Подождите минуту, - прервал Шилова командующий, - у нас этот разговор как долго продлится?

- Думаю, что не меньше часа.

- Тогда я отменю приём, чтобы люди не сидели и не ждали. - генерал вызвал адъютанта и распорядился о переносе заслушивания докладов на полтора часа.

- Продолжайте, пожалуйста.

Василий взял со стола чистый лист бумаги и карандаш.

- Итак, что мы имеем на данный момент? Шестой Сибирский корпус и Латышская стрелковая дивизия без артиллерийской подготовки атаковали восьмую германскую армию и прорвали оборону, продвинувшись к реке Курляндская АА. При этом были захвачены хутора. Второй день принёс победу на Пулемётной горке. Немцы застигнуты врасплох. Резервов у них нет. Но их нет и у двенадцатой армии. Для развития успеха генералу Радко нужно усиление. Я знаю, что Вы обращались в Ставку, но Гурко отклонил Вашу просьбу об усилении наступающих войск. Если Вы сейчас свяжетесь с Иосифом Владимировичем, я убеждён, что он не будет возражать против поддержки двенадцатой армии. Смотрите, Радко удалось образовать брешь в обороне противника. Но для развития наступления необходимо без промедления вводить кавалерию, чтобы она преследовала, гнала отступающего врага. Мы можем без особых усилий выйти на железную дорогу Крейцбург-Митава, организовать угрозу флангам и тылу Якобштадтской и Двинской групп немцев. Заставить их отойти от линии Западной Двины. Но для этого, пока немцы не очухались, надо начинать военную операцию на рубежах других армий. Если мы не начнём раздвигать силы противника, то максимум через неделю они подтянут к месту прорыва дополнительные резервы и локализуют удар двенадцатой. Все жертвы будут напрасны. У врага сейчас смятение. И их десятая армия тоже в панике, в ожидании наступления на её фронте. Сродни преступлению будет не воспользоваться сложившимся моментом, Николай Владимирович. Добавлю ещё из неприятного. В частях двенадцатой зреет восстание. Второй и шестой Сибирские корпуса начнут отход. Они не хотят драться за самодержавие, за империю. А почему они не уведомлены о свершившемся переходе власти к Советам? Листовки были Вашему фронту отправлены. Вы придержали их распространение в полках? Не умно, Николай Владимирович. Есть же замечательная поговорка: «Правда, как водица, рано или поздно да просочится». Печально, что этим поступком Вы усугубили положение. Ладно, давайте ближе к делу. Время поджимает. Можете быть уверены, что все предложения, поступившие от Вас в Ставку, будут одобрены генералом Гурко. Подготовьте распоряжения о временном подчинении первой гвардейской кавалерийской дивизии из первой армии двенадцатой армии на время

наступления. Уведомите генерала Литвинова, что я прибуду в его расположение и привезу секретный документ. Под документом я имею в виду приказ о начале наступления. Но... его армии отводится на подготовку три-четыре дня. За это время я со своей группой, которая уже находится у Литвинова, прогуляюсь по тылам германских войск. Надеюсь, что прогулка принесёт ощутимые результаты для всего хода Митавской операции. Вот, собственно, всё о чём я хотел Вам поведать. Если у Вас есть сомнения, вопросы, пожалуйста, высказывайте. Давайте ускоримся. Вот ей-ей, каждая потерянная минута — это десятки жизней наших солдат.

Вопреки расхожему мнению о том, что генерал Ружский очень нерешительный, долго думающий военачальник, Николай Владимирович быстро связался с Гурко и, убедившись в правдивости слов Шилова, энергично развернул масштабное приготовление к наступлению армий фронта, а также приказал немедленно отправить кавалерийскую дивизию на расширение прорыва двенадцатой армии. Василий с лёгкой душой, поблагодарив за доверие, выехал в Глубокое.

Глава 16. Год 1916.

Диверсанты из группы продолжили свой путь на санях, а Шилов и Свиридов остались в деревне, в надежде присоседиться к какой-нибудь машине. Селение было стандартным для этой местности - дворов в тридцать. Население за пределы своих надворий старалось не выходить. Лишь изредка можно было заметить, как от одного дома к другому ускоренным темпом перебегали мужички и женщины с корзинками, вилами в руках.

Попутный транспорт до города подвернулся на удачу уже часа через три.

Трёхтонный «Даймлер» с затянутым плотным брезентом кузовом остановился как раз напротив крайнего от околицы дома, в котором, наблюдая за дорогой, у окна сидел Шилов. Шофёр шустро выскочил из кабины, дробно протанцевал парочку «па» и ринулся к калитке, высматривая на ходу необходимое ему заведение. Хозяин, ворошивший в риге снопы зерновых, подготавливая их к обмолоту, выглянул в низенький дверной проём на звук хлопнувшего прикалитка.

Подворье у него было справным. Судя по тому, что сушку и обмолот мужик затеял уже в зимний месяц, нужды в хлебе он не имел. Не закрывая двери постройки, он вышел навстречу немцу. Шофёр быстро подбежал к нему, залопотал и жестами показал, что ему нужен сортир. Хозяин махнул рукой в сторону строения на огороде. Шофёр пулей залетел в кабинку.

Шилов и Свиридов вышли на улицу и стали дожидаться, когда немец закончит свои дела. Хозяин заглянул в ригу, проверить, как исправно топится печь у двери, и привалился спиной к брёвнам. Водитель появился минут через пять. Зачерпнул пригоршней снег и стал протирать ладони, с интересом осматриваясь вокруг. Взгляд уткнулся в двух офицеров, перекрывших выход со двора.

— Господин обер-лейтенант, ефрейтор Лоренц Шрайбер, сто шестая дивизия, — вытянулся шофёр, шустро вытерев мокрые ладони о шинель.

— Вольно, — махнул рукой Шилов. — Куда направляетесь, ефрейтор?

— Господин гауптман Шульте отправлял со снарядами на позиции батареи. Возвращаюсь в город, — без запинки доложил шофёр.

— А почему один?

— Я с недавнего времени всегда езжу один, господин обер-лейтенант. Дивизия ведёт тяжёлые бои и людей не хватает. Все в окопах.

Василий, из глубин подсознания, вытянул данные по сто шестой и вспомнил, что именно она в ходе Митавской операции была полностью разгромлена, а также потеряла всю артиллерию.

— Ты попутно захвати нас до города.

Ефрейтор потоптался в сомнениях, раздумывая.

— Хорошо. Но в случае встречи с жандармерией вопрос с ними решать будете вы.

— Договорились.

Хозяин, оперевшись подбородком на руки, сложенные домиком на черенке граблей, проводил безразличным взглядом не прошенных гостей и вновь вернулся в ригу, ворошить снопы.

Ехали молча. Лишь в самом начале пути, как только тронулись, обер-лейтенант удивлённо покрутил головой в кабине.

— Тепло у тебя в машине, Лоренц.

— Это я специально сделал заслонку от двигателя, чтобы не мёрзнуть в дороге, — не преминул похвастаться ефрейтор, — вот жар и поступает в кабину. Когда тепло — я отверстие закрываю.

Шофёр, может быть, был бы и не против поболтать ещё, скоротать время за разговорами. Всё не так скучно крутить баранку. Но, наткнувшись на непроницаемые, суровые лица оберлейтенанта и его спутника, он оставил глупую затею.

Внезапно началась сильная метель. Снег валил огромными хлопьями, мгновенно застилая всё вокруг. Ветер задул с такой силой, что его завывания стали похожи на зловещую симфонию переключков волчьей стаи. Он завывал и свистел, поднимая из не успевавших падать на землю мохнатых снежинок снежные вихри. Испуганное солнце запуталось в них. Всё вокруг стало тёмным и уютным, словно мир погрузился в белую пелену. При резких порывах видимость падала до нуля, и двигаться становилось очень опасно.

Василий представил, как в этой снежной буре, проваливаясь в глубоком снегу у болот, под вой метели и звуки разрывов снарядов, пробивая белый саван, наступают солдаты двенадцатой армии. Он понял и то, что намеченная им с Русским воздушная атака аэропланов отменяется. С этой стороны помощи сибирякам и латышам ждать не приходится. Надежда только на самих себя.

«Продержитесь, мужики, чуток. Скоро подсобим», — подумал Шилов и, приоткрыв дверь машины, глянул вперёд.

Неуверенный свет фар буквально через пару метров утыкался в плотную снежную завесу. Пробивать белую стену не помогали и фонари-искатели на стойках кабины.

Ефрейтор осторожно остановил машину.

— Стоять — смерти подобно, — прерывая доступ в кабину обрадовавшимся колючим струям, захлопнул дверь и в раздумье протянул Василий, — Когда эта круговерть закончится — одному Богу известно. При таких хлопьях скоро заносы начнут образовываться, и тогда вообще не проедем. Но и ехать наобум тоже опасно. Можно в кювет гробануться. Вот что, камрад, я пойду впереди перед капотом по колее, указывая путь, а ты потихоньку рули за мной. Хоть черепашими темпами, но мы всё же будем продвигаться к городу.

— Может, вернёмся в деревню, господин оберлейтенант? Или всё же лучше стоять на месте? Бензина я потратил немного, полный бак заливал, да и про запас в канистре есть. Замёрзнуть мы не замёрзнем. Господин гауптман знает, что я выехал с батареи, и, если не прибуду, будет волноваться и отправит мне на встречу помощь.

— А смысл возвращаться? Мы находимся примерно посередине. Что туда, что обратно — хрен редьки не слаще. И к тому же, я не думаю, что господин гауптман рискнёт отправить кого-нибудь в такую погоду. Также будет дожидаться, когда метель закончится. Всё. Делаем, как сказал. Стану замерзать — подменишь меня, — сказал он Свиридову и вывалился из машины, провалившись по щиколотку в снежный нанос.

Снег забивал глаза. На бровях сразу образовались белые «козырьки». Усы стали седыми. Холодно не было, но ветер хлестал зло, словно хотел заставить человека признать поражение в борьбе со стихией и загнать его в тепло кабины. Шилов медленно, упорно, брёл сквозь бешеную пляску снега.

«Успели парни до начала пурги добраться до города или и их ненастье застигло в дороге?», — поглощая шаг за шагом расстояние, размышлял Василий.

Определять, где бежит колея, становилось всё сложнее. Метель равняла дорожное полотно с обочиной и прилегающей округой. Шилов вернулся к машине.

— У тебя карабин со штыком? — обратился он к шофёру.

— Со штыком, — утвердительно кивнул ефрейтор.

— Давай, — приказал Василий. — Не разобрать уже очертания дороги. Буду штыком проверять высоту намётов.

Ветер неожиданно окрепчал. Порывы его буквально сшибали с ног. Шилов отворачивался от ветра, пробираясь по дороге полубоком. Вдруг сквозь снежные заряды Василий заметил мелькнувшую серую тень и, действуя инстинктивно, выставил перед собой карабин. Волк

атаковал молча. Не рычал. В прыжке он попытался изменить траекторию полёта, понимая уже, что открытая пасть вонзится клыками не в объект его охоты, а сомкнётся на непонятной вещи, которую заветная плоть держит двумя руками поперёк полёта. Хищнику удалось поднырнуть под карабин, который Шилов держал за ствол и приклад, и приземлиться под ноги человека. Василий среагировал мгновенно и, развернув оружие, вонзил штык в запорошенную тушу волка и, передёрнув затвор, тут же выстрелил. Зверь взвыл от боли или же призывая своих сородичей отомстить его убийце. То, что жизнь его окончена, хищник понял. Из белой снежной стены метнулась ещё одна тень. Шилов не успевал среагировать, развернуть карабин, прикрыться им или же выставить навстречу штык. Василий нырнул головой вперёд, под тень, перекувырнулся и мгновенно вскочил. Снежные наносы мешали быстро двигаться, ноги вязли в снегу. Сбоку блеснули два огонька, а напротив, оскалив пасть, широко расставив лапы, стоял ещё один зверь. Василий не задумываясь, на автомате, передёрнул затвор и, не дожидаясь повторной атаки, выстрелил. И ещё, и ещё. Он не видел, куда пошли пули, но волка крутануло. Однако хищник моментально принял прежнее положение, резко оттолкнулся и кинулся на Шилова. Туша смачно наделась на штык. Кровь брызнула в лицо Василию. Пронзённый железом, зверь не собирался сдаваться. Он лязгал клыками, стараясь дотянуться до человека. Боковым зрением Василий отметил, что оттуда, где сверкали огнями глаза, приближается ещё одно серое тело. Внезапно рядом раздался выстрел. Шилов машинально обернулся. С парабеллумом в руке стоял Свиридов.

— В машину! — крикнул он, контролируя подступы к грузовику.

Василий рванул к кабине. Карабин мешал быстро залезть. Из снежной пелены в направлении стоявшего Свиридова метнулась ещё одна тень. Сергей не целясь выстрелил. Пуля остановила хищника в полёте. Шилов был уже в машине. Свиридов проворно заскочил в кабину и захлопнул дверцу. Рядом с грузовиком нарезала круги оставшаяся пара волков. Они встали перед капотом и, оскалив клыки, рычали на железного монстра. Они его не боялись. Ефрейтор включил скорость и, резко бросив сцепление, рванул вперёд. Удар отшвырнул одного зверя в сторону, а второй успел отскочить.

Всех находившихся в машине трясло от нахлынувшего адреналина.

"Ну и почему ты меня не предупредил об опасности?" — попытался достучаться Василий до Чапаева.

"Я знал, что этот инцидент ты решишь и без моей помощи. Мне даже интересно стало, как ты справишься." — родился ответ в голове.

"Но я не слышал приближения стаи своим изумительным слухом. У меня не было ускоренной реакции. Всё, как и прежде. Ты наврал мне?"

"Ой ли? Ты на досуге попробуй повторить все свои действия с карабином и засеки время," — с обидой произнёс Чапаев.

"То есть, ты хочешь сказать, что сверх способности мои сработали?" — с недоверием поинтересовался Шилов.

"Мне даже обидны твои сомнения! Я пошёл!"

Просидев минут пятнадцать в машине, Свиридов осторожно приоткрыл дверцу и выглянул. Оставшийся один из стаи хищник покинул место кровавого побоища. Подождав ещё пять минут, Сергей вышел на дорогу, держа наготове пистолет, и вновь стал указывать дорогу.

К счастью, Шилов серьёзно ошибся с расстоянием. До города оставалось совсем немного. Большую часть пути они успели преодолеть до начала снежного представления. Шилов и Свиридов сменили ещё по разу друг друга, когда впереди, тёмной массой, в поле зрения ворвались окраинные дома. Сани товарищей по пути не попались, и это вселяло надежду, что они благополучно добрались, не застигнутые непогодой. На улицах города метель была тише. Скрадывали ли её дома или же силы бурана стали иссякать, но видимость стала хорошей, снежных порывов не наблюдалось, и до гостиницы, где в основном селились офицеры, и куда попросили

доставить попутчики, ефрейтор довёз быстро. Фортуна так и благоволила диверсантам. Свободные номера были. Заселившись в соседние комнаты, приведя форму в надлежащий вид, Шилов и Свиридов вышли на улицу и направились в ближайшее кафе, в котором обычно обедали офицеры. Зал был практически пуст. На вопрос, почему так малоллюдно, официант пояснил, что господа собираются в основном вечером. Потчевать себя особо разносолами не стали и, слегка перекусив, пошли к штабу армии.

На обратной стороне площади, напротив здания, в котором разместилась вся верхушка войскового объединения, Шилов заметил сани с диверсантами из его группы. Они, не привлекая внимания, занимались привычными для служивого люда делами. Один кормил лошадь, насыпав овёс в мешок и надев его ей на морду. Двое, незлобливо поругиваясь, сосредоточенно разбирались с запутавшимся телефонным кабелем на катушке. Стараясь не задерживаться у повозки, Шилов, притормозив, чтобы прикурить сигарету, на ходу бросил:

— Лист, метрах в пятнадцати от вас — люк телефонной магистрали. Подключись к линии штаба и прослушай, о чём они там ведут беседы. Встреча в восемнадцать у вокзала. Крот, Ряса, проследите, куда идёт воздушная линия междугородней связи от штаба, и где-нибудь за городом, в укромном местечке, подключитесь. Не думаю, что их тут несколько. Явно всего одна. Проверьте возможность перехвата звонков. Всё.

Ещё на учебном полигоне в Петрограде, перед отправкой на задания, Василий построил группы и объявил:

— Запомните, как Отче наш. Одна из важнейших задач нашего подразделения — диверсионная деятельность. Победа — это когда ты выполнил задание и вернулся живым. Вы — круче всех. Хлеб диверсанта-разведчика — это его ноги. Это вбейте в мозг. После того, как группу засекут, через шесть часов её догонят и уничтожат. Поэтому... Выдохся, чувствуешь, что не можешь больше бежать — твоя участь прикрывать отход товарищей. Вы не обязаны быть сверхспецами в рукопашном бое, но бегать вы должны, как скаковые кобылы. Забудьте ваши фамилии. Для краткости общения, для того, чтобы в случае пленения не выдать своих товарищей, каждый получает свой позывной. Вы знаете друг друга исключительно по позывным. Вы с ним едите, вы с ним спите и ходите в туалет. Никаких обращений по званию. Только позывной. Меня зовут — Джинн.

— А почему Джинн? — нарушая правила, без разрешения обратиться, вышел вперёд вертлявый, весь как на шарнирах, молодой парень. — Вы вроде как русский, а позывной какой-то... непонятный.

Шилов догадался, что перед ним представитель рабочего класса, из тех, кого сам Шилов и направил на обучение. Насколько он хорош в деле, определил Потапов, если включил его в члены группы. Вертлявый ещё не значит никудышный.

- Вот и противник будет ломать голову, а почему вдруг «Джинн»? Из арабских сказок что ли? Со мной всё до противного банально. Я вижу будущее. Иногда. И могу его предсказывать. Вам всем следует избегать применения примитива. Кузнецов не должен быть Кузей. Понятно? Включайте мозговой процесс.

Так в группе Шилова появились — Свист, он же Свиридов, Крот — Земляной, Марков — Глаз, потому что находился на должности штатного снайпера, Харитонов — Ряса, потому что учился в духовной семинарии, Мирский — Брэк, ну тут всё просто, как на боксёрском ринге, Лавров — Лист, с ним тоже всё понятно...

В штаб, без предварительной подготовки, сбора необходимых сведений, Василий и Свиридов не пошли. Они заняли столик у окна в пивном баре, разместившемся в небольшом уютном павильончике парка, находившемся от здания штаба через переулок, шириной буквально метров в сорок.

Два часа пристальных наблюдений дали пищу для размышления. У входа находился постоянный пост из двух солдат. Документы они у входящих не проверяли. Вероятно, что

внутри находится основной контроль. В штаб заносили различные коробки, какое-то оборудование. Окна на втором этаже были завешены плотными шторами, и что-либо увидеть не представлялось возможным. Около пяти часов вечера к входу подкатил роскошный лимузин, и Шилов узнал в пассажире, который степенно проследовал в здание, командующего армией Бруно фон Мудра. Его сопровождал один лишь адъютант, который предупредительно распахнул дверь машины.

Ровно к шести часам вечера вся группа собралась у вокзала. Шилов повёл подчинённых в буфет. Он, конечно, предполагал, что там могут появиться нежелательные службы, страждущие проверить документы и поинтересоваться, что это здесь делает столь внушительная команда военных. Имеются ли у них проездные документы, если они собрались куда-то отъезжать. На все вопросы у Василия были заготовлены аргументированные ответы, поэтому он особо не переживал.

— Как устроились, где остановились? — в первую очередь поинтересовался Шилов.

— На окраине, у старика. Он даже обрадовался, что к нему на постой встали военные. С продуктами у него напряжно, а мы сговорились, что будем его снабжать, и взамен он будет готовить на всех. Ну и себя включая, конечно. С кормом для лошади хозяин тоже помог. Съездили с ним через два дома и там набрали полный воз сена. Сарай у него хоть и старенький, но кров для нашей животинки надёжный. Так что — всё нормально, Джинн, — за всех ответил Глаз. — Подходы-отходы проработали. Сразу за огородом у него начинается лес. В округе три дома разрушены обстрелами, и в них никто не живёт. Кстати, в одном из них сено мы и набрали. До места подключения к телефонной линии не больше километра.

— Мы сегодня уже проверили надёжность наших сопроводительных документов. Остановили двое, докопались, но посмотрев на печати, — взяли под козырёк и свалили, — тихо засмеялся Крот.

Получив исчерпывающие сведения по интересовавшим его моментам, заслушав ответы на уточняющие вопросы, Шилов распределил обязанности на завтрашний день. Сверили часы и разошлись каждый в свою сторону.

Глава 17. Год 1916.

Ветки, покрытые инеем и снегом, хлестали по лицу. Они словно пытались преградить путь: резко и порывисто били по коже, вызывая при соприкосновении ощущение холода и лёгкую боль. Ветер, пусть и небольшой, делал их удары ещё более ощутимыми. Они царапали лицо, оставляя свои отметины и капельки растаявшего снега. Иногда они, самые мохнатые, обхватывали лицо как живые, заставляя замедлить бег и словно кричали: «Прижмись на мгновение к стволу вон того большого дерева, переведи дыхание и соберись силами». Снег срывался с веток и сыпался в глаза, за шиворот.

Шилов ломился сквозь заросли, не разбирая дороги. За ним, словно взбесившиеся лоси, пёрли диверсанты его группы. «Как там у Шукшина — «Ноги, мои ноги»? Не зря я говорил мужикам, что ноги — первое дело разведчика. Ну и дышалка само собой».

Диверсанты тяжело дышали, но держались и не отставали от Василия. Внезапно и этот затяжной пролесок кончился, и группа вылетела из зарослей на простор. Перед ними простиралась снежная гряда холмов, с чёрными прогалинами на некоторых, где ветер вырвал белый наст. По косогору извивалась двумя едва заметными колеями дорога.

Шилов резко затормозил, озираясь по сторонам. Мужики, загнано, со свистом вдыхая воздух, встали вокруг, уперев ладони в колени. Появилась мимолётная возможность отдышаться.

«Вася, блядь, ты чё молчишь? Эй, помощник херов, ты где? Подсказывай, куда нам переть? Где снег не глубокий? На сколько оторвались?»

Чепанев объявился мгновенно, словно всё время находился рядом.

«Уводи с дороги. Возьми правее и... летите, голуби, километра полтора, без остановки. Там лес вас укроет. Германцы выдохлись. Нет у их пехтуры подобающей подготовки».

«И сколько их там у нас на хвосте?»

«Загоняют вас человек двадцать. Правым охватом по дорогам идут три грузовика. С левой стороны, тоже по дороге, два грузовика. Если бы ты повёл по косогору, то влетел бы точно в них».

«Ты сказал брат правее, а там три транспорта. Они что, не перережут мне путь?»

«Они, вероятно, собираются брать вас дальше, зажав в болотах. Но, учитывая скорость, вы разминётесь. Они уже проедут, а ты с парнями только подберёшься к той дороге. Так что, проскочишь в хвосте».

«Проложишь маршрут?»

«Не дрейфь, Вася, прорвёмся!»

— Закончили привал. Вперёд, братцы! — присев ещё пару раз, разминая ноги и восстанавливая дыхание, скомандовал Шилов, и пропустил под уклон вправо от колес, куда указывал Чепанев...

На крыльце штаба охрана на Василия и Свиридова даже не посмотрела. Как воткнулись взглядами куда-то в одну точку через улицу, так и стояли, не шелохнувшись. В вестибюле здания, как и предполагал Шилов, перед лестницей, ведущей на второй этаж, располагался пропускной пост. Точнее сказать — пост регистрации посетителей. Молодой лейтенант, вид которого сразу говорил, насколько же ему скучно заниматься этой ерундой — заносить в журнал данные прибывших по тем или иным делам к тому или иному должностному лицу. Однако, отреагировав на звук открывающейся двери, он приподнялся из-за стола и одёрнул китель. Дождавшись, когда Шилов и Сергей подойдут, лейтенант чётко приложил руку к козырьку, отдавая честь.

—По какому вопросу и к кому, господа офицеры? — поинтересовался он довольно радушно, запрятав в глубины души свою скуку.

Шилов достал удостоверение личности с сопроводительным документом и протянул лейтенанту. Свиридов проделал то же самое.

—Вернер фон Штейн, — задумчиво прочитал офицер и, держа перед собой документ, с неммым вопросом в глазах, уставился на Василия.

—Военный министр Герман фон Штейн — мой дядя, — пояснил Шилов, — но это не играет никакой роли. Я служу сам по себе.

—Конечно, конечно, — пролепетал лейтенант и быстро стал заполнять журнал посещений.

— Подождите, — оторвался он от писанины и заглянул в сопроводительный документ. — Так это насчёт вас был звонок из Генерального штаба? Буквально минут двадцать назад мне сообщили, что звонили от генерала Люндердорфа — заместителя господина фельдмаршала Гинденбурга. Передали о том, что отправлены к нам в штаб армии два офицера. Один из третьего отдела, литер «Бэ» — связь, контрразведка, а второй — штаб-офицер телеграфных войск.

Шилов про себя удовлетворённо хмыкнул: «Справились мужики, молодцы», а вслух ответил, с некоторой ленцой, попахивающей безразличием к прозвучавшим званиям людей, имевшим отношение к их прибытию в этот город:

— Абсолютно точно. Это мы, но, откровенно говоря, даже не ожидал, что дядя Эрих проявит такую озабоченность и распорядится сообщить в штаб армии о нашем прибытии.

На словах «дядя Эрих», брошенных небрежно, как бы между прочим обер-лейтенантом, лейтенант подавился порцией воздуха, который комком встал в горле и ни как не желал проходить дальше.

— Генерал Люндердорф тоже Ваш дядя?

— Наши семьи дружат. Я его называю дядя Эрих, а он меня — "Мой мальчик".

Лейтенант молча, постоянно перхая горлом, заполнил необходимые графы в журнале и взял в руки документы Свиридова. Не задавая больше лишних вопросов, офицер внёс данные штаб-офицера телеграфных войск Гюнтера Юнга и вернул обоим их документы.

— Вам на второй этаж направо. Приёмная командующего армией — второй кабинет по правой стороне. Не забудьте сделать отметку о прибытии.

Лестница была огорожена балюстрадой. В завершении её, при выходе на второй этаж, красовались скульптуры каких-то орлов.

«Сдоброжелательными мордами лица», — отметил Шилов.

Ну, в плане того, что их головы не отражали агрессивность и хищническую натуру птиц.

Балясины были витыми.

Взбежав по ступенькам, Шилов со Свиридовым подошли к двери кабинета командующего и решительно вошли в приёмную. В ожидании своей очереди на стульях сидели три офицера. Адъютант оторвался от заполнения какого-то документа и вопросительным взглядом встретил диверсантов.

— К господину командующему по направлению из Генерального штаба. Насчёт нас звонили, — протянув свои документы, сообщил Василий.

Майор на мгновение задумался, видимо вспоминая, поступала ли информация.

«Да-а, рыбка гуппи. Проблемка у тебя с памятью. И получаса не прошло, как вас побеспокоили звонком, а ты весь мозг себе уже вывернул вспоминая. Как тебя в адъютантах держат?», — усмехнулся Шилов.

— Принимали такое сообщение, — наконец вспомнил адъютант и, довольный собой, улыбнулся. — Присядьте, пожалуйста. Сейчас доложу.

Он прошёл в кабинет и вернулся через пять минут. Что могли обсуждать командующий и майор столько времени, почему так затянулся доклад, осталось загадкой.

—Господа, —обратился адъютант к ожидавшим очереди местным офицерам, —господин генерал приносит свои извинения за то, что заставил вас ждать и не сможет сейчас принять. Оставьте ваши доклады у меня. Командующий ознакомится с ними и вызовет каждого для личных пояснений, если возникнут вопросы.

Бросив недовольные взгляды на «посланцев» из Генштаба, офицеры положили свои папки на стол майора и вышли из приёмной.

—Прошу вас, господа, проходите, — жестом пригласил войти в кабинет адъютант.

Генерал ожидал их появления и вежливо привстал за столом, указав рукой, куда можно присесть. Для своих шестидесяти пяти лет он выглядел превосходно. Умные глаза со складками под ними немного уставшего человека. Усы вразлёт с утончающимися концами. Строгий мундир с крестом под горлом.

— Откровенно говоря, меня удивляет факт того, что с инспекцией прибыли офицеры в ваших званиях, господа. Обычно присылают при несколько больших погонах, — без лишних вступлений сразу вывалил на диверсантов своё недоумение фон Мудра.

—Господин генерал, Вы не совсем верно информированы. Нас отправили не для расследования причин, по которым Ваша армия была застигнута врасплох русскими, терпит поражение и оставила ряд позиций. Мы...

—Так это же разведка из Генштаба меня успокаивала, что русские деморализованы. Что самое боеспособное соединение — Сибирский корпус, переброшен на Румынский фронт. Мало того, что русские не то что о наступлении не помышляют, так они ещё и опасаются, что не смогут удержать в случае чего наш прорыв. Ведь эти заверения поступили мне из Генштаба, —перебил Шилова командующий.

—Мы, к сожалению, не посвящены в такие детали, господин генерал. Перед нами поставлены совершенно другие, чёткие задачи. Мы должны обеспечить Вашу армию, в частности Ваш штаб, безопасной связью с использованием новинок, которые разработали наши учёные. И провести беседу с высшим офицерским составом о мерах противодействия утечке информации. Вот, собственно, по каким вопросам мы были направлены к Вам.

Командующий достал из красивого кисета из плотной кожи тёмно-синего цвета мешочек с табаком, оттуда же курительную трубку и стал медленно её набивать, изучая взглядом офицеров.

— Что требуется от меня? — раскурив трубку, пыхнув в потолок объёмным, запашистым клубом дыма, поинтересовался генерал.

Шилов с удовольствием втянул в себя аромат генеральского табака, что не ускользнуло от внимания командующего, и он как-то по-отечески, улыбнулся.

—Давайте согласуем график. Нам нужно определить час, в который мы приведём связистов, и они прокинут кабель, подключат аппаратуру. А так же, на который час Вы сможете пригласить штабное руководство армии. —доставая из планшетки документы, произнёс Василий.

Фон Мудра махнул рукой, мол, ни к чему мне ваши бумажки.

— Сколько вам потребуется времени, чтобы завершить все ваши дела? Насколько я понимаю, — и командующий мундитуком указал на Шилова, который едва не чертыхнулся вслух, отметив невероятную схожесть с жестом Сталина, —вы собираетесь устанавливать усовершенствованную аппаратуру и тянуть кабель в мой кабинет?

—Так точно. На практике работ в штабах других армий уходило не более часа. У вас задействованы три аппарата?

—Да. У меня линии на город и междугородняя, а так же внутренний. В приёмной точно так же, — указывая на каждый телефон, подтвердил генерал.

— Замечательно, — с секундной задержкой, словно прикидывал какие-то варианты в уме, удовлетворённо кивнул Василий, — Как Вы считаете, господин лейтенант, управитесь Вы за час? — повернулся он к Свиридову и тут же запнулся, — Извините, господин генерал, мы не представились. Вернер фон Штейн и Гюнтер Юнг.

Командующий вопросительно приподнял бровь, молча требуя пояснений.

— Военный министр — мой дядя, — подтвердил догадку командующего Шилов, — но это ровным счётом никак не повлияло на мою профессиональную подготовку и уж тем более не принуждает кого-либо к снисхождению, полагаясь по отношению ко мне в случае допущения мною каких-либо ошибок, просчётов.

Генерал молча кивнул и перевёл взгляд на Свиридова.

— Полковник Юнг, возглавлявший отдел пешей артиллерии в обще-военном департаменте, случайно не Ваш родственник, молодой человек?

— Увы, господин генерал. Только однофамилец. Конечно, может быть, какие-то линии и пересекаются, но я этим вопросом не задавался. Возможно, после победы встречаюсь с господином полковником и поощрем общих родственников за рюмочкой коньяку.

— Это замечательно, что вы, молодые люди, не кичитесь родственными связями с лицами, занимающими столь высокие должности, — посмотрев на Шилова, произнёс командующий и повернулся к Свиридову, — или возможными родственниками, как в Вашем случае. Это делает вам честь. Что же касается выполнения работ по телефонизации, то предлагаю использовать мой кабинет с десяти часов утра и, скажем, до двенадцати. А встречу с офицерами мы можем запланировать на двенадцать десять в моём же кабинете...

... Возле здания, где размещался телефонный узел, обеспечивающий службы штаба армии междугородней связью, не наблюдалось какого-либо движения. Казалось, что вся округа мирно изнывает от нудного, муторного безделья. Закрадывались сомнения: а есть ли в самом здании кто-нибудь? Покой и благодать. Однако сразу за входными дверями, в вестибюле, вошедших солдат встретил пост охраны. Предъявив сопроводительные документы от Генерального штаба, в которых указывалось, что предъявители их направлены на телефонный узел в составе команды по организации более надёжной связи, повышающей гарантии секретности переговоров армейских чинов, Мирский, Харитонов и Лавров прошли по коридору в коммутаторную. В помещении стояла тишина. Что изумило русских офицеров, так это то, что за пультом управления, скусающим взглядом разглядывая операционную доску с гнездами, сидел солдат - телефонист, а не девушка, как практиковалось на телефонных станциях России. Собственно, понимание необходимости замены барышни на военного пришло сразу же. Связь армейская, и лишние свидетели секретов из числа гражданских не желательны. Телефонист, словно преодолевая сопротивление невидимой преграды, медленно повернулся в сторону вошедшего Лаврова и начал привставать с кресла. Евгений успокаивающими жестами ладоней вернул его на место:

— Работайте, работайте! Я Вам не мешаю. Осмотрю входящие пары, проверю наличие сторонних подключений и уйду.

Он потряс над плечом документом, который явно давал ему такое право — что-то проверять в помещении коммутатора. Телефонист успокоился и вновь уставился пустым взглядом в вертикальную панель с гнездами. Лист сосредоточенно, с умным видом, изучал различные провода, предназначение которых он и знать не знал.

Вдруг раздался непонятный, странный стук по стеклу где-то справа от коммутаторной. Телефонист оторвался от созерцания итекеров и посмотрел в сторону звука, но он больше не повторялся. Поворочавшись в кресле, устраиваясь поудобнее, солдат достал из кармана конфету и стал её разворачивать. Тук-тук-тук донеслось опять. Телефонист с вопросом в глазах посмотрел на Лаврова. Лист пожал плечами, мол, я здесь товарищ не местный, что тут у вас может происходить, мне не ведомо.

—А что в той стороне находится? —поинтересовался он.

— Туалет, —ответил телефонист.

—Довольно странно, —протянул Евгений, —Довольно таки странно... Вы бы сходили, посмотрели, мало ли что... —предложил он.

Солдат замялся. Причины могли быть разные: боязнь наказания за самовольное оставление своего поста или страх перед неизвестным источником стуков.

—Я покараулю, можете не волноваться. Пока Вы не вернётесь, я помещение не покину и никого из посторонних сюда не запущу до Вашего прихода. —обнадёжил Лавров телефониста.

Всё ещё находясь под гнётом сомнений, солдат отложил гарнитуру на операционную доску, встал из-за пульта и вышел в коридор. Стук повторился, и источник его действительно был в туалете. Телефонист осторожно заглянул в открытую дверь, окинул взглядом помещение и, не заметив никого, собрался вернуться в коммутаторную. Но стук раздался снова. Солдат резко заскочил в туалет. Никого. Он прошёл к окну и увидел за стеклом зависший в воздухе небольшой болт. Удивившись, как он держится, телефонист полез на подоконник и подобрался к форточке, рядом с которой и находился болтик. Шёлковую нить сложно было заметить даже вблизи, и он её, естественно, не увидел. Мирский сидел у слухового окна чердака и периодически раскачивал болтик. Дверь в туалет внезапно резко захлопнулась. Харитонов заблокировал её снаружи клином, лишая телефониста возможности покинуть туалет. Лавров в ускоренном темпе нацепив гарнитуру, воткнул нужный штекер в нужное гнездо и по междугородней линии вышел на связь со штабом восьмой армии. От имени заместителя начальника Генерального штаба генерала Эриха Людендорфа, Евгений передал информацию об отправке в восьмую армию связистов под командой штаб-офицера телеграфных войск Юнга и контрразведчика обер-лейтенанта Штейна.

Приведя рабочее место в исходное состояние, в котором оно находилось до момента выхода телефониста в туалет, Лавров уселся на стул рядом с пультом управления и стал дожидаться возвращения солдата. Заглянул Харитонов и, получив утвердительный кивок, метнулся к двери в туалетную комнату, которую быстро разблокировал. Войдя внутрь, он возмущённым тоном с нотками сочувствия обратился к телефонисту:

— Что тут у вас с дверью происходит? Она у вас всегда ведёт себя так, как ей захочется? Вы здесь застряли, а я там, в коридоре, чуть в штаны не нассал. Кое-как открыл, проклятую. Вызовите наконец ремонтника, а то в другой раз точно кто-нибудь не донесёт в себе, пока с ней мучиться будет.

Через три минуты диверсанты покинули здание телефонного узла...

ПЕРВАЯ КНИГА ЦИКЛА "Я ПРИШЁЛ ДАТЬ ВАМ ПОБЕДУ"здесь: <https://www.litres.ru/73493373/>

Глава 18. Год 1916.

Неопределённость с местом размещения и неясность, каким способом активировать заряд, - напрягали. Шилов чувствовал, как нарастает напряжение, а время меж тем неумолимо утекает. Он внимательным взглядом изучал кабинет командующего. С местом закладки было проще. Василий уже прикинул, каким образом добиться наибольшего эффекта поражения. А вот решения, как инициировать подрыв динамита, он найти не мог.

Из телефонных катушек уже были извлечены цилиндры динамита и аккуратно разложены на брезенте. Диверсанты напряжённо сверлили глазами своего командира, ожидая дальнейших инструкций.

Взгляд метался между двумя объектами. Внимание Шилова привлекли огромные, под два метра, напольные часы фирмы Густава Беккера с дубовой отделкой и гиревым механизмом, стоявшие чуть сбоку от кресла генерала. Вторым предметом интереса Василия был расположенный в трёх метрах от стола кирпичный камин.

Шилов прекрасно понимал, что должен выбрать правильный способ подрыва, иначе все усилия пойдут прахом. Каждый из родившихся вариантов вызывал у него сомнение. Наконец, после раздумий, которые тянулись, казалось, бесконечно, Шилов, стараясь стряхнуть с себя накал напряжения, обратился к диверсантам:

— Так, мужики, давайте совещаемся. Закладки мы разместим здесь, там и там, —показал он на предполагаемые точки закладки динамита. —Как мы их сможем подорвать? У кого какие есть на этот счёт мысли?

Каждый из офицеров понимал, что от их работы зависит не только успех этой миссии, но и, вполне вероятно, тысячи жизней русских солдат. Они сосредоточенно прокручивали в голове возможные варианты подрыва.

—Смотрите, —подождав минуты две, прервал их мысли Василий, —у меня есть два предложения. Ищем в них слабые места. Первое —используем механизм напольных часов. А именно, инерцию падающей гири.

—А если от удара он не взорвется? Это вполне может быть, —высказался Мирский.

—Поэтому мы применим страховочный вариант. Используем бритовскую гранату Миллс. Падающая гиря тянет цепочку, цепочка срывает предохранительное кольцо, рычаг говорит: «адъё», граната приводится в действие, взрывается, а за ней активируется динамит в часах и дальше по цепочке полыхает уже в остальных местах закладки.

Шилов окинул взглядом свою группу, пытаясь понять, согласились ли они с его предложением или же ещё находятся в процессе взвешивания возможностей озвученных манипуляций.

—Второй вариант — это камин. В нём размещаем пару цилиндров, а на трубе, к какой-нибудь палке, крепим гранату. Глаз стреляет из винтовки, перебивает палку, граната летит вниз, в камин. Привязанный кабель срывает кольцо, и мы получаем ба-бах.

Свиридов подошёл к камину и заглянул в него, стараясь разглядеть, как устроен дымоход.

—Я бы предложил использовать оба варианта. Но у меня вопрос к Глазу. Удастся ли поразить палку настолько точно, что она треснет, сломается? Упадёт ли граната в трубу, а не мимо, от удара пули по палке? И не рванёт ли граната ещё до того, как она грохнется в камин?

Все дружно повернулись к Маркову. Михаил засмутился от такого пристального внимания к его персоне, хотя понимал, что от того, каким будет выстрел, зависит очень многое.

—Надо знать, какой толщины палка, это — раз... А... больше вопросов у меня нет.

—Где бы её ещё найти, эту палку?... — протянул Земляной.

Все призадумались. Понятно, что здесь не стройплощадка и не склад заготовленных веток для розг. Шутки шутками, а вопрос оказался не из праздных.

—Смотрите, —подняв голову к потолку, произнёс Харитонов. — С люстры свешиваются стеклянные трубки с подвесками. Может быть, снять одну и использовать её?

Шесть пар глаз воткнулись в люстру. Действительно, по её краям свисали стеклянные трубки, длиной примерно сантиметров по семьдесят и диаметром миллиметров двадцать.

—Глаз, попадём в такую? —Василий посмотрел на Маркова долгим тяжёлым взглядом.

Михаил не торопился с ответом. За дверью послышался шум. Шилов быстро глянул на часы. С момента, как их запустили в кабинет, прошло всего одиннадцать минут. У входа дежурил Лавров и сейчас, вероятно, он старается кого-то не пропустить.

—Динамит укройте! Разматываем кабель, —приказал Василий и склонился к телефонному аппарату на столе командующего.

Дверь распахнулась, пропуская внутрь тучного майора в пенсне. За его спиной, с виноватым видом, разводя руками, топтался Лист.

—Начальник почтово-телеграфного отдела армии майор Шнайдер, —представился нежданный посетитель, —Как у вас продвигаются дела?

Он хозяйским взглядом окинул кабинет, наткнулся глазом на брезент и подошёл к нему.

—Это у вас и есть те самые новые разработки учёных?

Никто не успел ни ответить, ни среагировать, как майор откинул угол брезента и замер. Первым включился Свиридов. Он подскочил к начальнику отдела и ребром ладони врезал ему по шее. Майор рухнул лицом на пол. Лавров моментально вылетел в коридор и захлопнул дверь.

Шилов стоял над распластанным телом немца и ускоренными темпами прокручивал дальнейшие действия, прикидывая возможные последствия.

—Крот, бегом во двор. Спокойно подойдём под окно. Мы тело спустим на кабеле. Примешь его и отволоки в углярку. Только не несись, как угорелый. Чтобы не привлекать внимание. Сюда не возвращаешься. Идём в павильончик в парке и дожидаемся нас.

— Ты не допускаешь, что его видит кто-нибудь из окон первого, да и второго этажа тоже? —усомнился в правильности действий именно таким образом Свиридов.

—Допускаю. Но что ты можешь предложить? Не здесь же его оставлять, в самом деле.

Офицеры думали не долго. Точнее сказать, не долго думал Свиридов. Уже через секунд тридцать он обнадёживающе улыбнулся.

— Говори уже, не томи, —распорядился Василий.

—Майора не опускать, а поднимать надо. На чердак. Нам же всё равно туда надо будет пробираться. Вот и затянуть его наверх.

Шилов на мгновение завис. И как он только сам не дошёл до столь логичного решения.

—Крот, отставить двор. Бери кабель и дуй на чердак. Выберешься в слуховое окно, осторожно, не гремя, подберёшься напротив окна кабинета и спустишь вниз нам кабель. Продумай, как будете закрепляться. Тушка у майора внушительная, не дай Бог перетянет и тогда мы увидим немислимый полёт доблестного русского диверсанта без страховки на землю. Может быть, есть смысл даже на обратную сторону крыши отойти немного. Кабель через конёк прокинуть.

Земляной с деловым видом вышел из кабинета. Начальник отдела замычал, подавая признаки жизни. Постепенно приходил в сознание. Василий нагнулся к немцу, взял руками его голову и резко рванул в бок, услышав, как хрустнули шейные позвонки.

—Всё, братцы, время у нас не пошло, а полетело. Ряса и Брэк, снимаете быстро с люстры стекляшку. Глаз, выходишь и занимаешь позицию на чердаке дома напротив здания штаба. Ряса, берёшь трубку с гранатой и отправляешься на крышу, закреплять конструк-

цию. *Помогаешь Кроту затянуть майора. А я и Свист стравливаем в окно тушку и занимаемся часами. Понеслись, братицы! В темпе! Но... аккуратно. Не спеша.*

На избавление от трупа любопытного майора, поплатившегося за своё любопытство, ушло минут семь. Проследив, что тело успешно «пошло» вверх, Шилов подошёл к часам и открыл дверку. Гири были массивные, в виде конических цилиндров.

—Ну что, Свист, приступим? Давай-ка для начала мы эту избушку не на куриных ножках развернём. Они хоть и ходики, но вряд ли добровольно отправятся в путешествие и сами вряд ли нам свой тыл покажут.

Они напряглись, настраиваясь на перемещение невероятного груза из дубового массива, но оказалось, что часы весили от силы килограмм тридцать. Получив доступ к часовому механизму, Василий и Сергей стали его изучать.

— Так, гиря боя весит около пяти килограмм, и она тяжелее гири мелодии. Значит, будем гамырить с левой гирькой. Что нам с тобой нужно тут намастрячить? Наша задача — чтобы цепь, к которой мы привяжем кольцо гранаты, в нужное нам время сорвалась и полетела вниз. Тэ-экс, это у нас ходовое колесо.

Шилов мучительно силился вспомнить схему действия цепей в старинных часах и вытянуть её из далёких глубин подсознания. Однажды он помог отремонтировать подобные ходики своему соседу, дедушке Лёне. У ветерана было чёткое понимание, как надо чинить и что делать. Он мог подробно объяснить, где какое колесо расположено и с какими трибами какое взаимодействует, где находится качалка и рассказать, что износ её приведёт к тому, что гиря не зафиксируется. Словами ветеран мог всё подробно разложить по полочкам, но вот зрением старик стал совсем плох и едва различал поднятую перед собой руку. Утрированно, конечно, но не помогли ему и очки в минус четырнадцать диоптрий справиться с ремонтом своего раритета. Василий, под чутким руководством дедули, вернул часики к жизни.

—Давай-ка мы приведём в негодность стопорную собачку, уменьшим осевой зазор, а на счётном колесе погнём зубья. Сейчас нужно прикинуть, какие гнуть и сколько, чтобы штифт второго пускового колеса освободился и механизм боя пришёл в движение. Обычно бьёт, когда минутная стрелка встаёт на двенадцать или на шесть, а нам нужно заставить, чтобы бой начался в двенадцать десять.

Просчитав досконально, что необходимо испортить в этих прекрасных часах, Шилов и Свиридов это успешно испортили. Потом осторожно соединили предохранительное кольцо английской гранаты и звено цепи тонкой проволокой. Чеку максимально ослабили, для того чтобы она держалась практически на соплях. Руки двигались уверенно, но плавно, выполняя точные, необходимые манипуляции с инструментами. Сердца бились учащённо. Василий и Сергей понимали, что одно неверное движение с гранатой, и на воздух взлетят не офицеры немецкого штаба с их командующим, а сами диверсанты. Они действовали слаженно, словно были единым целым с часовым механизмом. Шилов ласково разговаривал с гранатой, сюсюкал с ходиками. Свиридов понимал его состояние и не удивлялся, потому что и сам шептал те же самые слова, повторяя их за Василием. Проверив ещё раз всю цепочку конструкции, мужики расслабленно опустили на пол.

—Как считаешь, всё учли? Ни в чём не ошиблись? —хриплым от напряжения голосом спросил Шилов.

Свиридов посмотрел на размеренно тикавшие часы.

—Нам нельзя ошибаться, командир. А значит, мы с тобой всё сделали правильно.

Спина, руки у обоих затекли. Покрутив телом из стороны в сторону, они встали и подошли к Мирскому, который надёжно замаскировал цилиндры динамита среди углей и золы в камине. Так же он, по собственной инициативе, заложил гранату, придавив её тремя чуть обгоревшими поленьями. Стоит едва пошевелить огарыши, рычаг отлетит и граната сработает.

Для видимости прокинули телефонный кабель, к аппарату присоединили маленькую кнопку, как от телеграфа, которую, для включения новаторского оборудования следовало бы надавить, и тогда-а-а... ничего не произойдёт.

Часы показывали пять минут двенадцатого, когда диверсанты, приведя всё в кабинете в порядок, покинули помещение. В вестибюле адъютант командующего разговаривал с каким-то оберстом. Шилов сообщил ему, что все работы завершены. Сейчас он быстренько перекусит и вернётся к намеченному часу. Василий завёл свою группу в пивной бар в парке, а сам осторожно пробрался в дом, где занял стрелковую позицию Марков.

— Ну как устроился, Глаз? — из глубины чердака, не подходя близко к слуховому окну, рассматривая трубу на здании на противоположной стороне улицы, поинтересовался Василий.

— Блаженствую. Боюсь усну, — потянулся Михаил.

— Вижу, что трубку Ряса закрепил. И закрепил грамотно. При любом раскладе граната упадёт в трубу. Не промахнёшься?

— Обижает. С такого-то расстояния.

... Офицеры штаба армии стали собираться возле здания заранее. Уже к двенадцати часам у входа толпились человек двадцать. Двери приоткрылись, и кто-то, вероятно, пригласил всех пройти в помещение. Ощущение того, что что-то может сорваться, пойти не по плану, не покидало Шилова, и он с нетерпением поглядывал на наручные часы. Стрелка приближалась к десяти минутам первого. Из здания штаба выскочил поджарый лейтенант и прытко припустил в сторону павильончика в парке, где возвращения Василия и Михаила ожидали остальные члены группы.

— Наверное, кто-то видел, что мы зашли в бар, — протянул Шилов, поглядывая за посыльным. — В штабе ждут докладчика обер-лейтенанта Вернера фон Штейна, а он, непунктуальная скотина, не идёт.

"Бегунок" тем же темпом выскочил из павильончика и понёсся в штаб.

— Приготовься. Осталось тридцать секунд. — не отрывая взгляд от циферблата, произнёс Василий. — Лупи!

Выстрел Маркова потонул в грохоте взрыва в здании. Стеклопанельная трубка разлетелась, граната спикировала в камин, и раздался новый взрыв.

— Ходу, ходу! — не разглядывая результат детонации динамита, закричал Шилов и сам выскочил с чердака.

Группа уже выбралась в парк и с нетерпением вглядывалась в ту сторону, откуда должны были появиться командир и снайпер. Вывалившиеся на улицу Василий и Михаил порысли к своим. Они не опасались того, что кто-то обратит внимание на их бег. После большого бабаха бегали уже многие, кто успел подоспеть из соседних зданий. Но бежать от взорванного штаба было бы нелогично в глазах немцев, и поэтому парк группа в полном составе покинула степенным шагом. Каждый из них понимал, что от способности сейчас незаметно исчезнуть зависит не только их собственная безопасность, но и успех выполнения дальнейшего намеченного задания.

На перекрёстке с соседней улицей диверсанты едва не попали под выскочивший из-за дома грузовик. "Даймлер" резко затормозил, а Шилов, моментально сообразив, подскочил к водителю.

— Камра-ад! — обрадованно воскликнул он, обнаружив, что за баранкой сидит их знакомый ефрейтор.

— Лоренц, ты никак опять снаряды на батарею везёшь? И опять один?

Шофёр с гордым видом закивал.

— Да, господин гауптман снова меня на ту же батарею отправил. Я ему рассказал, в какие приключения мы с вами попали, как отбивались от волков, и попросил дать мне сопровожде-

ние. Хотя бы одного солдата, но он отказал. Сказал, что я парень ушлый, из любой передраги сам отлично выпутаюсь.

—Ну так, если ты не будешь против, эту самую охрану тебе предоставим, по старой дружбе, мы.

Василий, понимая, что Лоренц возражать не станет, уже жестом головы показал, чтобы мужики лезли в кузов, укрывшись под тентом. В кабину, как и в предыдущий раз, забрались Шилов и Свиридов.

—А вы что, уже покидаете город? —поинтересовался шофёр.

—Больно он у вас негостеприимный, —усмехнулся Свиридов. — Взрывают.

—А вы не знаете, что там на площади рвануло? —проявил любопытство ефрейтор.

—Говорят, что штаб разбомбили, —развеял интригу Василий.

—Неужели аэропланы русских уже спокойно летают и здесь? —с испугом спросил Лоренц.

—Мы аэропланов не видели, —успокоил его Свиридов.

—Но лучше убраться отсюда куда подальше, —посоветовал Шилов. —Гони.

Всё своё ношу с собой. Перед выходом на операцию в штабе диверсанты из дома, в котором квартировали, забрали все вещи, а лошадь щедрой рукой подарили хозяину.

По улицам, на встречу, спешили к штабу различные подразделения. Пропустили взвод с лопатами, ломami. Ускоренным темпом бежали вооружённые части. Лоренц остановился и с каким-то юношеским восторгом наблюдал за перемещением солдат. Подбежал армейский лейтенант.

—Вы куда направляетесь? Сейчас транспорт необходим на площади.

—Господин лейтенант, у меня груз, который дожидаются на батарее. Я не могу выгрузить снаряды, — смело ответил ефрейтор, проявив себя, как парень не из робкого десятка.

Лейтенант зло сплюнул и побежал догонять своё подразделение. Шилов задумался.

—Хорошо, что понятливый попался, —произнёс он, осматриваясь по сторонам. —А если нарвёмся на какого-нибудь безумного служаку? Заставит тебя освободить машину и направит на уборку обломков здания. Как за снаряды отчитываться перед господином гауптманом будешь?

Лоренц смотрел на обер-лейтенанта с надеждой, что тот предложит выход из ситуации.

—Сворачивай вон туда, во двор частного дома, —показал Василий направление. — Переждём с полчаса. Накал спадёт, и тронемся дальше.

Ефрейтор согласно кивнул и лихо зарулил в указанный двор. Шилов вылез из кабины, обошёл грузовик и встал у водительской двери. Достал пачку сигарет.

—Выходи, перекурим спокойно, —пригласил он шофёра.

Лоренц заглушил машину и спрыгнул на землю. Из кузова высунулся Лавров и вопросительно посмотрел на командира. Василий едва заметно покачал головой, запрещая покидать транспорт. Ефрейтор с блаженством закурил и выпустил колечки в небо. Шилов мягко ткнул его пальцем куда-то за ухом. Лоренц повалился на него без сознания.

— Братцы, принимайте груз, —позвал командир диверсантов.

Свиридов помог поднять шофёра, а Земляной и Лавров затащили его в кузов.

— Повежливее с ним. Он нам ничего худого не сделал. Свяжите, кляп в рот. Потом определимся, как поступить дальше.

Василий сел на водительское место, завёл грузовик и довольно успешно выехал со двора на дорогу. Спешивших к штабу стало немного, они попадались редко, и останавливаться, чтобы пропустить их, не приходилось. Солдаты небольшими ручейками обтекали грузовик, а Шилов ехал дальше.

На выезде из города немцы устроили пропускной пост. Он был не большим. На мешках стоял пулемёт, за которым скучал пулемётчик. Трое солдат, привалившись на эти же мешки

беззаботно о чём-то разговаривали. Метрах в трёх потрескивал костёр, у которого грел руки фельдфебель. Услышав звук приближающегося транспорта, а затем и увидев его, он вышел на край обочины и поднял руку, требуя остановки.

—Мужики, приготовиться, —предупредил команду Свиридов, а Шилов медленно подкатывал к посту.

Не доезжая метров пяти до фельдфебеля Василий изобразил торможение. Немец расслабился и, повернувшись к своим подчинённым, что-то весело крикнул, а они засмеялись. Василий резко рванул грузовик в сторону, снёс бампером весельчака и надавил на газ. На посту растерялись. Кинулись оказывать помощь своему командиру, потом спохватились и начали стрелять. Но грузовик уже уходил за поворот, который уходил в не густой, но пролесок.

Неизвестно, был ли на посту полевой телефон, или кто-то из солдат оказался олимпийским чемпионом по бегу, но факт в том, что уже через километров десять, на развилке из примыкающих к дороге, по которой катили диверсанты, за ними выскочили с обеих сторон по два грузовика. Мужики вначале кидали им под колёса снаряды, и преследователи в страхе отворачивали в сторону. Но потом они поняли, что этими болванками им вред не причинишь никакой, стали просто пропускать их под днищем или обруливать. Тогда в ход пошли оставшиеся у группы гранаты. Машины встали. Два шофёра были убиты, заменить их умельцев не нашлось, а два автомобиля просто не могли объехать вставший транспорт, так как чуть в сторону от дороги снег был глубоким для подобных машин.

Проскочив пару деревень и ту, рядом с которой размещалась батарея, грузовик диверсантов двигался в сторону фронта. Через пять километров автомобиль зачихал, дёрнулся парутройку раз и встал. Бензин кончился. Лоренца развязали, но вновь отправили в нокаут, чтобы подремал ещё хотя бы минут пятнадцать.

Да, ехать хорошо, но лафа кончилась. Дальше на своих двоих. И уже через километра полтора они нарвались на ожидавших именно их, по всей вероятности, немцев. Ушли в сторону, в перелесок, и начался загон.

ПЕРВАЯ КНИГА ЦИКЛА "Я ПРИШЁЛ ДАТЬ ВАМ ПОБЕДУ"здесь: <https://www.litres.ru/73493373/>

Глава 19. Год 1916.

«Шилов, стой! Жопя подкралась. Ситуация резко меняется.»

Василий замер и поднял руку, призывая к вниманию. Группа, вывалив языки, сгрудилась вокруг него. Земляной без сил рухнул на землю, а Лавров присел на корточки, стараясь перевести дух. Шилов понимал Листа. Он был самым возрастным из них. Как специалисту ему не было равных, именно поэтому Василий согласился на предложение Потапова включить его в состав группы, но вот гонки его возрасту были противопоказаны. Нет, в простых условиях офицер, конечно же дал бы фору многим молодым, но когда у тебя на пятках висит враг, когда от того, насколько долго и быстро ты в состоянии двигать ногами и от этого зависит не только твоя жизнь, но и жизни твоих товарищей, заданный Шиловым темп Лаврову выдерживать становилось с каждой сотней метров всё сложнее.

Собственно, Чапаев остановил вовремя. Шилов и сам собирался объявить привал, так как двигались они уже минут тридцать пять, пробиваясь сквозь снег, да ещё и след в след. Совсем не простое занятие.

—Подъём, подъём. Не стоим, братицы. Топчемся на месте хотя бы минуту. Снимаем нагрузку. Брэк и Крот — контроль. Привал семь минут.

«Не тормози, Вася! Толкуй быстрее.»

«От передовой в вашем направлении движется цепь шириной по фронту километров десять. Полк сняли с позиций, чтобы захлопнуть вас.»

«Ни хрена себе! Навели мы им шороху. Полком пожертвовали. Это ещё один большой плюсики нашей работе. Полк оголил какой-то участок и на нём теперь нашим мужикам легче будет рвать оборону. Ладно, это лирика. Что можешь порекомендовать?»

«Подумать надо. Совет с бухты барахты может только навредить.»

«Да некогда думать, Вася. Рисуи обстановку. Всё, что видишь рисуи. Где те, что раньше на грузовиках передвигались?»

«Они все высадились. Сам понимаешь, следы на снегу очень заметны. Маскировать их проблематично. И хоть вы движетесь след в след, германцы обнаружили вашу «цепочку». Теперь они тоже цепями движутся, стремясь совершить охват и перекрыть все пути отхода. Правда, цепи у них не такие густые, как полк. Кстати, я не вижу смысла терять время, соблюдая эту вашу технику «след в след». Вас всё равно охватывают широким фронтом и им без разницы, одного диверсанта они загонят или нескольких. Главное, что они накроют того, кто покусился на жизнь их военачальников. Так что — прите, как бешеные кабаны - напропалую.»

«Эх, сейчас бы какую-никакую заваливающую метель, или на худой конец - ветер. Но... имеем, что имеем. Где их меньше всего? Как далеко они ушли от машин?»

«Если брать правее, то там цепь у них обрывается уже километра через три. Дальше, вправо от них, никого нет. Но, если брать это направление, то ты удаляешься в таком случае от линии фронта. Да и леса там тоже нет. Крохотные перелески. Погоди, гляну... Семь штук. Разрывы между ними метров по сто пятьдесят. Транспорт германцев стоит на дороге у леса, в котором вы сейчас. Отсюда до них около четырёх километров. У машин по одному солдату. Загонщики углубились в чащу, отойдя от грузовиков, примерно, метров на семьсот.»

Периодически в разных местах тишину рвали одиночные выстрелы. Изредка вспыхивала хаотичная, беспорядочная стрельба.

«С кем они там воюют?»

«Бздят. На каждый шорох палят. Сорока взлетит — стреляют. Заяц выскочит — вообще за атаку диверсантов принимают и лупят во все стороны.»

—Так, братцы! Ситуэвина складывается следующая: нас берут в клещи. Сами слышите. Вероятно, что выстрелами и громкими разговорами они обозначают себя и вынуждают нас переть дальше по прямой к фронту. Но... есть уверенность в том, что там, у линии фронта нас ждёт сюрприз из немаленьких сил, которые тоже направлены на наше уничтожение. Не думаю, что поисковая операция охватывает большую территорию. Состав количественный загонщикам не позволит. Поэтому, начинаем путать германцу планы. Мы идём не к линии окопов, а уходим параллельно вправо. Дальше будем поглядеть. Лист, есть три минуты. Сможешь отыскать подходящее дерево, чтобы лук смастерить?

—Берёзы вижу, а вон и яблоня дикая растёт. Выбор есть. Сейчас срезы гляну. Если сердце темнее, чем заболонь, то однозначно подойдут. На морозостойкость проверить не смогу, не сильно морозит.

Лавров быстро сбегал к обозначенным деревьям и, отмерив нужной длины стволики, срезал их. Засунув, по очереди, то одну срезанную заготовку, то другую, между стволами двух берёзок, он проверил ветки на упругость.

—Джинн, древесина качественная. Не трещит и в исходное положение быстро возвращается. Единственное, что меня смущает, так это то, что лук нужно закалывать над огнём, а на это уходит минут пятнадцать. Они у нас есть?

—Лист, нам не на Олимпийские игры готовиться, а сделать пару-тройку выстрелов.

—Тогда без проблем. Стрелы жалко терять. Я их с любовью готовил. Классные стрелы получились.

—А ты их готовил чтобы любоваться ими? Или стрелять? Да и почему сразу терять? Их что, из тела вынуть нельзя? Ладно, поживём — увидим. Всё, братцы, ходу. Что у нас впереди? Снежок, глубиной сантиметров этак под тридцать. Значит, скорость передвижения составит не более двух км в час. Повезёт, если на взгорки нарвёмся, где снег ветром посорвало до земли. Тогда скорость подрастёт. Напоминаю: сохраняем ритмичность и глубину дыхания. Это касается Листа. Не части. Понял? Дышим равномерно, через нос и делаем полный выдох. По возможности стараемся мышцы ног, туловища особо не напрягать. Настраиваемся на забег в километра четыре. Порядок движения — я в голове, Свист — замыкающий. Дозора не будет. Порысили, братцы!

«Вася, веди нас, Сунанин! Постарайся по опушкам провести, чтобы между деревьев особо не петлять.»

И группа «порысила». Снег летел в разные стороны. Высоко поднимать ноги не хотелось, потому что Шилов помнил один неприятный случай, когда однажды он, даже не бежал, а брёл, сквозь снег к посёлку. МАЗ, на котором Василий вёз тушёнку из Казахстана и водила которого решил ради экономии солёры срезать крюк застрял в белоснежной пустыни на полевой дороге, не добравшись до нормальной трассы с десятков километров. Водила остался у машины, а Василий, взяв курс на мерцающее огнями жильё, двинулся напрямую в путь. Он шёл, высоко поднимая ноги, чтобы не пробивать ими снеговую траншею. Дойти он, конечно, дошёл. Но после того, как договорился отправить в поле трактор местного овцеводческого хозяйства, встать и пройти в кабину ДТ-75, не смог. Боль пронизывала всю паховую область настолько, что Шилов с трудом, по стеночке, добрался до туалета.

Наученный горьким опытом, теперь Василий разметал сапогами снег в разные стороны, как снегоочистительная машина. Тем более, что скрывать своё направление уже не имело смысла. Группа повторяла движения за ним. Неизвестно, испытали ли они ранее прелести «задирания» колен к носу, но факт тот, что сейчас они бежали так же, как и командир.

Открытые участки между перелесками «пролетали», максимально ускоряясь. Вонзившись в лесные заросли, переходили на стабилизирующий дыхание размеренный шаг. И так до следующего рывка. Последний перелесок был больше похож на маленькую рожицу, которую скупой рукой засадил деревьями великан. Лесок вклинивался в лесной массив, по которому и

шло преследование группы немцами. Только сейчас Василий понял, что все перелески окружены древостоем и находятся как бы внутри целостной, но ограниченной территории леса. Спрятав их от постороннего взгляда в своих границах, лес по своим бокам протянулся дальше, изогнувшись в форме полукруга. Вопрос, почему немцы не прочёсывали правую «руку» лесной зоны, как это ни странно, у Шилова не возник. Вероятно, решили, что диверсанты не успеют преодолеть такое расстояние, да и вообще они будут рваться к линии фронта.

Чепанев замолчал сразу после того, как дал старт на преодоление пространства от предпоследнего пролеска.

«Вася, куда дальше?»

Но ответа не последовало.

«Подожди секунду, не торопи», — наконец ворвалось в сознание.

«Грузовики на месте. Цепь загонщиков от вас прошла левее метров за шестьсот.»

Вы верите в предчувствие? Помните эти ощущения необъяснимой тревоги, возбуждения, которые вспыхивают неожиданно, беспричинно и ковыряют тонкой иголкой ваше сознание? Вот и Шилова тяготило какое-то определённое чувство.

«Бойся-я!» — заорал Чепанев, но предостережение запоздало.

Белые «сугробы» взметнулись из-под кустарников с разных сторон и наскочили на ослабевшую, после спурта между перелесками, группу.

Нападавшие были опытными бойцами. И если бы перед ними оказались простачки, то были бы скручены в один момент. Все офицеры группы усвоили крепко главную установку Шилова на немногочисленных, но продуктивных тренировках: никаких прямых ударов. Такой удар требует высочайшего уровня подготовки. Единицы могут похвастаться освоением этой техникой. В ближнем бою используются удары локтями. Причём целью является непременно горло противника. Василий резко произвёл захват запястья врага, вывернул его и отрывисто вдарил открытой ладонью в нос нападавшего, отправляя его в бессознательное состояние. Но тут же огрёб в правую скулу нешуточный удар от очередного, щеголеватого вида, германца. Отшатнувшись в сторону, Шолов поднырнул под несущийся в кадык кулак немца и двумя пальцами нанёс удар в яремную впадину. Враг задохнулся и, схватившись руками за горло, опустился на колени. Василий на автомате крутанулся на пятке и проскользил взглядом по месту схватки. Диверсанты сопели, хрипели, так же как и их противники. Лавров лежал на спине, и немец, наложив одну ладонь на другую, пытался вонзить в его грудь клинок. Лист перехватил одной рукой лезвие, из пореза текла кровь, а другой рукой он пытался оттолкнуть или отвести в сторону «замок» врага.

Шолов подскочил и рукояткой пистолета, который выдернул из кобуры, ударил в затылок немца. Он ткнулся лицом в плечо Листа. Лавров с трудом скинул тело с себя и лежал, смотря в небо.

Вся схватка заняла минуты три, а диверсантам показалось, что тянулась она едва ли не полный час.

Шолов привалился спиной к стволу дерева и смотрел на поле битвы. Девять германцев были убиты, а двоих скрутили.

—Брэк ранен, — подошёл к Василию Марков.

—Серьёзно? — вскочил на ноги Шолов и поспешил туда, где Мирскому оказывал первую медицинскую помощь Свиридов.

Удар ножом пришёлся в левый бок со спины, не задев почку.

—Ты как? — присев на корточки перед своим диверсантом, спросил Василий.

Мирский скривился, одарив командира вымученной улыбкой.

—Подвёл я вас всех. Не уберёгся.

—Ну, знаешь, в такой свистопляске не мудрено. Я тоже огрёбся по морде. Отдохни немного.

Василий вопросительно посмотрел на Свиридова, который закончил обработку раны и перевязку Мирского, приступая к осмотру пореза на ладони Лаврова. Свист понял взгляд командира и покрутил пальцами рук, словно закручивал лампочку в плафон, сообщая, что состояние Брэка «так себе».

Шилов нахмурившись отошёл от «лазарета».

— Глаз, подведи вот этого щёголя, — движением подбородка указал Василий на молодого немца, которого он и отключил от участия в битве ударом под кадык.

— Надеюсь, Вы понимаете, что для Вас самым лучшим выходом из создавшейся ситуации, рассказать честно: почему ваша группа ожидала нас в этом перелеске? Фамилия, звание, подразделение.

Немец презрительно сплюнул кровь на снег и вытер рукавом маскхалата губу.

«Странно, по губам я его не бил», — подумал Шилов и поднял глаза на Маркова.

— Это он Брэку нож в спину всадил, сука, — не чувствуя за собой никакой вины, ответил Михаил.

Василий уже совершенно по-другому посмотрел на пленного.

— Я жду, — процедил он.

— Майор Байер. Командир Егерского батальона, входящего в девятый армейский корпус, — по-русски ответил немец.

— погоди, погоди... — встрепенулся Шилов. — Егерский батальон... Глаз, где его снаряга? Марков огляделся по сторонам и пожал плечами.

— Да вроде всё при нём. А-а, вон киверок под кустарник нечаянно отлетел.

Он достал из-под веток головной убор немца, отряхнул его от снега и протянул Шилову. На правой стороне красовался германский орёл с розетками в немецких цветах, а слева разместились орёл в финских — белом и голубом.

— Тэ-э-кс! Значит, братья суоми? Верные подданные Российской империи? Вот откуда мы так хорошо по-русски говорить умеем, — протянул Василий, с нескрываемой ненавистью смотря на егеря.

Майор не ответил и отвернулся.

— Ладно, шут с тобой, горячий финский парень. Поясни мне, почему вы были уверены, что мы появимся именно здесь и ждали нас в засаде?

Финн пошевелил туго затянутыми запястьями.

— Я просто подумал, как бы действовал в сложившейся ситуации я сам. Уверенности не было никакой. Приходилось рассчитывать на ум русского офицера. Как грамотному командиру Вам нужно отдать должное. Немцев Вы обвели вокруг пальца.

— Что, вот так всё банально? Ну-у, знаете, даже не интересно, — с разочарованием произнёс Шилов.

— Ну вот что, майор Байер, я оценил Вашу смекалку и оставляю Вас в живых. Я даже закрою глаза на то, что это Вы нанесли ранение моему человеку. И это не за смекалку такая моя щедрость и награда. Я призываю Вас хорошенько подумать о будущем. Примите как неизбежное. Советская власть не допустит выхода Великого княжества Финляндского из состава страны. Да, Финляндия входит в Российскую империю. Но Союз Советских Социалистических Республик, это тоже Империя. Разница лишь в том, что строй другой. Социально ориентированное государство. Не стану скрывать, что такие профессионалы, каким несомненно являетесь Вы, нужны народной армии. Выберете правильный вариант и, когда решитесь, выйдите на Народного комиссара Вооружённых Сил товарища Фрунзе в Петрограде. Расскажите ему о нашей встрече и он всё поймёт. Теперь же вынужден с Вами расстаться. Надеюсь, что камрады Вас обнаружат быстро и Вы не успеете околоть.

Лавров даром время не терял и, пока командир вёл задушевные беседы с пленным, занимался закалкой лука. Ладонь саднила от пореза, но Лист старался не обращать на это внимание.

—Гранаты у егерей соберите, посмотрите, что может быть полезным нам из имеющегося у них имущества, и выдвигаемся. Готовность пять минут.

«Вася, ты там часом не на обед ли ушёл или может быть, на пляж загорать отправился? Обстановку обрисуй-ка!»

«Цепи ушли на встречу полку, заканчивая прочёсывание леса. Слепошарые, на твоё счастье, попались. Прошляпить следы в снегу, это надо постараться. Водители недавно завели грузовики и прогревают двигатели. Какие у них намерения — сказать не могу.»

«Сколько до них?»

«Метров двести-триста.»

—Братцы, ноги в руки. Понеслись.

Грузовики тарахтели заведёнными моторами. Из труб вырывались серые клубы дыма. Водители стояли у одной из машин и о чём-то неистово спорили, показывая пальцами друг другу разное направление. Вероятно, решали, куда лучше ехать. Один из них махнул рукой, словно от безнадёжности, и залез в кабину. Двигатель взревел, добавляя обороты, и грузовик лениво тронулся по снегу. Колёса вгрызались в белый наст, раскидывая по сторонам белые хлопья. Проехав метров двадцать, трёхтонник «Люк» зарылся своими не внушающими доверия тонкими колёсами в нанос и встал. Водитель включил заднюю скорость и немного сдёрнул застрявшую машину, но дальше грузовик ехать не желал. Надсадно ревел двигатель, колёса пробуксовывали. Подбежал водитель второго грузовика и что-то прокричал неудачнику, который перестал насиловать машину и вылез из кабины. Второй шофёр неспешно потрусил к своему «Даймлеру». Аккуратно проехав по проторенному пути, он остановился рядом с застрявшим грузовиком. Первый водитель уже приготовил буксировочный трос и сразу накинул его крюк. Проблем с вытягиванием «Люка» не возникло. Оба водителя встали около «Даймлера» и закурили.

От крайних кустарников до дороги было метров сорок. Вибрирующий, жужжащий звук отпущенной тетивы долетел до слуха германских солдат практически одновременно со вскриком одного из них, получившим стрелу в шею. Второй не успел понять, что произошло и среагировать, защищая свою жизнь, как второй выстрел Лаврова поставил точку и его пребывание на этом свете.

Глава 20. Год 1916.

Диверсанты молча выскочили из кустарника и понеслись к машинам. Шилов подбежал к «Даймлеру», который показался ему более надёжным по сравнению с детищем фирмы «Лоэб».

— Крот, проверь, что в кузове той машины! — распорядился Василий, устраиваясь за рулём выбранного грузовика.

Двигатель схватился сразу, стоило Свиридову только крутануть «кривой стартер». Подбежал Земляной.

— Джинн, под тентом два ящика с патронами к карабинам, ящик гранат «толкушек» и больше ничего нет.

— Понятно. Хабар в нашу машину, а на той пережечь на двигателе все иланги. Хочется, конечно, рвануть этот агрегат, чтобы он больше не послужил немчуре, но шуметь не будем. Все в кузов. Помогите Брэку. Постелите что-нибудь ему. Свист в кабину.

— О-о, — раздался из-под тента удивлённый и в то же время радостный возглас Харитонова, — А мы тут станкач МГ-08-15 на сошках имеем. Ленточный, не барабанный. И четыре короба с лентами.

Шилов выскочил из-за руля и подбежал к заднему борту грузовика. Заглянув в кузов, он увидел пулемёт, подготовленный к стрельбе с заправленной лентой.

— А вода здесь есть?

Лавров достал из-под лавки канистру. Открыл её и понюхал.

— Вода.

— Хорошо, что не замёрзла. — потёр радостно ладони Василий.

— Заливайте в кожух и разместите пулемёт впереди, над кабиной. Прорежьте в тенте окно. Если обнаруживаем погоню, моментально перебазировать МГэшку на задний борт. Штыри на сошках должны нормально в доску войти. Бьёте экономно, короткими очередями. Всё усвоили?

Шилов аккуратно развернулся на дороге, стараясь не залезать далеко с обочины, и «Даймлер», утомившийся от длительного простоя, довольно заурчал, дорвавшись до движения. Движение — жизнь.

«Вася, у меня карты нет, так что давай, подсказывай дорогу.»

«Впереди свободно. Через пять километров будет деревня. В ней только местные жители. Проедешь через неё и, на развилке, забирай левее.»

Миновали ещё две деревушки, в которых мирно текла размеренная крестьянская жизнь. Кто-то на салазках вёз в бочонке воду из реки. Кто-то задавал корм скотине. Чинили итакетник, точили лясы, дымя отборным самосадом. Всё отчётливее стали доноситься звуки приближающейся передовой. Ухали разрывы снарядов, заливались в треске пулемёты. Судя по всему, до линии фронта оставалось около трёх километров, поскольку звук крупнокалиберного пулемёта слышен именно на таком расстоянии. Благодаря подсказкам Чапаева, используя разрывы в стыках между германскими частями, удалось без происшествий преодолеть две полосы немецкой обороны.

«Ну всё — перед тобой позиции противника. Что думаешь предпринять? Дождаться ночи?»

«У меня раненый, если ты не в курсе. Каждая минута дорога. Дождусь, когда закончат боги войны расходовать дневной лимит снарядов, и рвану на прямки.»

«Свои же могут приголубить из пулемётов.»

«Сообразим чего-нибудь.»

Василий загнал грузовик в небольшой лесной островок, расположенный за спиной у германцев в четырёх сотнях метров от передней линии окопов. Диверсанты выбрались на землю.

— Как Брэк? — поинтересовался Шилов у Лаврова.

— Жар у него. Недавно в сознание пришёл.

Василий окинул группу пронизательным взглядом.

— Пешком мы Брэка не донесём. Поэтому предлагаю в наглую прорываться на транспорте.

Офицеры понимали, что этот крайний, оставшийся бросок до своей территории, будет самым трудным. Потому что здесь уже придётся полагаться не на своё мастерство и профессионализм, а на везение. На удачу.

— Есть другие варианты? Начнём с самого младшего. Крот, твоё мнение.

Земляной посмотрел на каждого из группы и решительно шагнул к Василию.

— Я, товарищ командир, голосую за машину.

— Принято. Кто следующий?

Каждый по очереди высказались в поддержку варианта прорыва через линию окопов и нейтральную полосу на грузовике.

— Закрепили. Теперь, кто знает, на какой скорости можно снести, порвать проволочное заграждение, чтобы не тянуть гирлянды за собой?

Свиридов поднёс к глазам бинокль. Естественно, с этого места он увидит ничего на нейтральной полосе не мог.

— Я полагаю, что забор устроен по шаблону. Поэтому считаю, что нужно валить столб. Тогда он уронит и колючку.

— Согласен, — кивнул Василий, радуясь в душе, что его мысли сошлись с размышлениями Свиста. — Слышите? — поднял палец вверх, — Огонь вроде как утихает. Вы, братицы, начинайте готовиться, а мы со Свистом прогуляемся поближе к окопам.

Разведка показала, что ширина стрелкового окопа соответствовала германскому нормативу — по верху около метра.

— Перепрыгнем? — высказал сомнения Свиридов.

— Будем надеяться. Во всяком случае такая возможность существует.

Вернувшись к грузовику, Шилов продолжил раздавать указания.

— Ряса, пулемёт на кабину. Лавров — вторым номером. Как только приближаемся к окопам — начинаете расчищать от германских вояк дорогу прямо перед нами и по флангам. До куда достанете. После того, как перескочим через эту небольшую ямочку, Мгэшку в корму. Глаз, я понимаю, что скакать мы будем, как блохи на сковороде, но ты пробуй. Стреляй. Выбирай, конечно, офицеров и фельдфебелей. Теперь вопрос на засыпку: у нас белая тряпка какая-нибудь есть?

Земляной молча начал стягивать с себя одежду и протянул исподнюю рубаху.

— Другого мы всё равно не найдём, — объяснил он.

Василий согласно кивнул.

— Привяжи к карабину, что ли. Как на нейтралку залетим, сразу тент срываете к едрене фене, и ты, Крот, гордо вытянув грудь, встаёшь с этим шедевром. Размахиваешь, привлекаешь внимание наших солдат. Чтобы они не принялись по нам палить со страху.

Артиллерийский огонь с обеих сторон прекратился совсем. Шилов приказал всем занять свои места. Забрался в кабину и с минуту сидел молча, сосредоточенно взглядываясь в пространство перед капотом грузовика. Кинул взгляд на Свиридова, который тоже сидел весь в напряжении и перекрестился.

— Ну, госпожа Удача, для кого ты добрая, для кого иначе. Не покинь нас, грешных.

«Даймлер» уверенно, набирая скорость, нёсся к окопам противника. Солдаты, услышав шум за спиной, повернулись к приближающемуся автомобилю. Кто-то замахал руками, при-

зывая остановиться и показывая, что здесь окоп, но Василий выжимал из грузовика все его скоростные возможности. Машина скакала на неровностях, недовольно взрыкивая двигателем, но продолжала стремительно пожирать метр за метром, отдаляющие транспорт от препятствия. Перед самым окопом Шилов резко ударил левой ногой по тормозу. Большая часть веса с задней подвески перенеслась на переднюю, и тут же отпустил педаль тормоза. «Даймлер» взлетел над окопом и тяжело приземлился на обратной стороне. Опасения Василия, что дурацкие колёса грузовика не выдержат такого удара, оказались напрасными — обошлось. Всё это время пулемёт в руках Харитонов не умолкал. Изредка хлётко звучали выстрелы снайперки Маркова. Василий махнул рукавом по лбу, сбивая катившиеся капли пота и прибавил скорость, направляя грузовик на столбы с колючей проволокой. Для трёхтонника преграда оказалась несерьёзной. Слово пробивая просеку в лесу, автомобиль уверенно пёр на нейтралку. Остались позади последние столбы. Уже отделились от них на два метра и тут под днищем рвануло. Грузовик уткнулся капотом в землю, кузов по инерции встал вертикально и плавно, со скрежетом, завалился колёсами вверх. Дуги, на которые крепился тент, выдержали общий вес и не дали сплющить кабину.

Шилов читал, что германцы в шестнадцатом году стали применять способ установки мин перед проволочным заграждением в двух метрах от него в сторону противника. К столбам привязывали проволоку, которая шла к закопанному ящику со взрывчаткой. Когда броневик заваливал столб, заряд срабатывал как раз под его днищем. Вот на такую простейшую мину и нарвались диверсанты группы Василия.

Сознание вернулось быстро. Рывком. Щёлкнуло и взгляд воткнулся в искорёженный кузов автомобиля. Свиридова зажало в кабине, а сам Шилов вылетел в дверь. Осторожно, без резких движений, Василий подошёл к грузовику. Вернее, к тому, что от него осталось. Мирский погиб сразу. Он лежал на полу кузова и осколки пронзили его тело в нескольких местах. Сейчас Брэк, переломанной окровавленной куклой, лежал под обломками машины.

Осколками пометило и Харитонов. Но ему досталось немного. Всего пара крохотных железячек вонзились неглубоко в районе левого предплечья, потому что он с Лавровым находился у заднего борта, а основной заряд пришёлся в середину. Лавров поймал чуть больше, но они все были мелкими и ранения опасности для жизни не представляли. Марков отделался вообще несколькими ушибами. Что его спасло, не понятно. Он крепко, прикрывая своим телом, обнимал снайперку. Крот умудрился избежать попадания в него осколков, но пропорол грудь «пеньком» мушки карабина.

Шилов добрёл до кабины и на коленках подобрался к двери со стороны Свиридова. Правая рука Сергея была неестественно вывернута. Весь правый бок маскхалата промок от крови. Василий приподнял голову Сергея. Едва слышный стон вырвался через нос.

«Живой», — обрадованно подумал Шилов.

Он, уперевшись ногой в переднюю панель, а спиной в дугу, оторвал искорёженную дверку и стал осторожно вытаскивать Свиридова из кабины. Подскочил Марков и через раму выбитого лобового стекла принялся помогать высвободить зажатые ноги Сергея. Промучавшись минут пять, не обращая внимания на болезненные стоны Свиридова, его всё же удалось вытащить.

Только сейчас Шилов услышал, что вокруг идёт перестрелка. Стреляли из окопов русской армии, стреляли германцы. Стрелял, как ни странно, Харитонов, который достал ни капли не пострадавший при взрыве пулемёт.

Василий отрешённым взглядом смотрел в сторону своей территории. Короткими перебежками, с носилками в руках, к подорванному грузовику, пробирались человек десять. Выключатель сознания вновь щёлкнул и свет вырубился...

* * *

Бу-бу-бу!

«Блин, как же это всё знакомо. Может быть, красочный и невероятно реальный сон, наконец закончился и мне пора уже проснуться? Рассказать Анисье про всю эту хренатень и посмеяться вместе.»

— Устимка!

— Ну слава тебе, одыбался солдатик, — раздался рядом хриловатый голос закоренелого курильщика.

Глаза открыл без труда. Закопчённый потолок с какими-то жёлтыми разводами.

«Протекает что ли?»

— Ну ты и дрыхнуть, милоч! Почитай сутки и даже не шевельнулся ни разу. Прямо бревно.

Посмотрел в сторону говорившего. У стола сидел мужик, укутанный бородой по самые глазные впадины. В руках он держал какую-то фуфайчонку и пришивал пуговицу.

— Где я?

— У своих, не бойсь, — откусывая нитку, просипел незнакомец. — Тебя ко мне в дом солдаты принесли и велели не тревожить. Твои архаровцы заглядывали давеча. Вообще, часто ходют. Каждые два часа. Переживают. Сами поранетые, а за тебя волнуютси.

Опёрся руками в край кровати, на которой лежал, и медленно сел, спустив ноги на пол. Маскхалата на Василии не было. Гимнастёрки и галифе тоже. Только нижнее бельё и нательная рубаха.

— Одежда моя где?

— А вещички твои хлопчики забрали. Всё одно, говорят, попорвато и в крови. Новое, мол, надо принесть. Но пока что не принесли. Вот ты проснулся, теперь точно принесут.

Шилов окинул взглядом помещение, в котором находился. Комната деревенского дома, в котором не ощущается женской руки. Взгляд наткнулся на висевший у двери тулуп и стоявшие у лавки валенки.

— Мне бы во двор сходить. Припирает уже, аж мОчи нет.

— Хе, мочА-то, как раз у тебя есть, и предостаточно, — хохотнул мужик. — Вон, накинь шубейку и валенки надень. От выхода вправо тропинка. Не заблудишься.

На улице стоял погожий день. Солнце согревающими лучами изучало закоулки двора и не слепило. Ленивый ветерок играл снежинками снега, выпавшего, наверное, ночью.

— Команди-ир! — не успев добраться до заветного строения, услышал Шилов за спиной радостный возглас.

Василий остановился и повернулся. К дому, растянув рты в улыбке, спешили члены его группы. Не было среди них Свиридова. Шилов махнул рукой, мол, не спешите.

— Подождите пару минут, братцы, а то фонтаны из ушей хлестать начнут!

Выйдя из уборной, Василий протёр снегом руки и подошёл к своим диверсантам. Поочередно, не зная у кого какие ранения, без похлопываний, приобнял каждого.

— Как Свист?

— В Псков отравили. Говорят, что месячишко госпитальные харчи похлебать придётся, — ответил за всех Лавров.

— То есть, жизни его ничто не угрожает? — расслабляясь, не то спросил, не то констатировал Шилов.

— Мирский? — с трудом выдавил Василий, но прекрасно понимал, что не может не спросить.

— Схоронили. На деревенском кладбище. Вот, — мотнул подбородком в сторону дома, Марков, — хозяин подсобил.

— Проводите сейчас меня к могиле, — и, не дожидаясь реакции на свои слова, направился к дому.

— Вы мне одежду принесли?

- А как же! Всё чин по чину. Новенькое, чистое. Интенданта местного едва на ленточки не пустили. Брыкался, скотина. Но потом проникся, когда командир полка объяснил ему популярно, что такое окопы первой линии. Полковник понятливый оказался. С нашим Потаповым в Николаевской академии Генштаба учился. Так что, получай, командир, новое обмундирование. *Офицерское.*

Шилов принял из рук Харитоновва вещмешок и зашёл в дом. Группа осталась ожидать на пороге. Быстро переоделись, притопнув сапогами, вбивая ноги поплотнее, Василий встал рядом с хозяином.

— Спасибо тебе...

— Захаром меня зовут... Захар Тимофеевич Кислицын, — подсказал мужик.

— Спасибо тебе, Захар Тимофеевич Кислицын, что приютил на время. Надеюсь, что не сильно стеснил. Одарить вот только мне тебя нечем.

— Христос с тобой, служивый. Какие одарки? Не пустите германца до нас, вот и будет нам самый ценный подарок.

— Не пустим, отец! Это я тебе могу пообещать ответственно.

Пожав на прощание хозяину руку, Василий вышел на улицу. Поредевшая группа понуро опустив головы побрела к местному погосту. Кладбище находилось на поросшем берёзами взгорке, в конце деревни.

Навстречу попадались спешившие по обозначенным адресам подводы, гружённые снарядами, ящиками и каким-то армейским скарбом. Напрягаясь, преодолевая пусть и неглубокий, но рыхлый снег, тянули «полковушки» четырёхконные упряжки. Вереница из пушек растянулась метров на триста. Вероятно, прозвучала какая-то команда, потому что первые орудия в колонне остановились на площади, а остальные постепенно подтянулись и запрудили собой всё пространство перед зданием штаба.

Снаряд разорвался метрах в ста пятидесяти от группы Шилова и всего в двадцати от крайней упряжки. Кони испуганно заржали, попятились назад. Второй снаряд лёг ближе к площади. Заметались беспорядочно, неосмысленно, люди. Лошади, взбесившись, поёрли пушки кто куда. Упряжки сцеплялись колёсами, создавая затор.

— Сколько отсюда до германских позиций? — обратился Шилов к своей группе.

— Около десяти, наверное, — ответил Лавров. — Может поменьше. Кто считал-то?

— Между деревней и нашей обороной есть ещё какие-нибудь населённые пункты?

— Нет. Там рощи, поля.

Василий встревоженно крутился на месте, вращая головой во все стороны. Диверсанты, недоумевая, следили за его «выкрутасами».

— Бьют не вслепую. Больно точные пристрелочные. Где-то должен быть корректировщик. Связи у него нет. Провод отсюда к немецким батареям непрокинешь. Значит, наводит через сигналы, которые кто-то дублирует в радиусе визуальной доступности. Смотрим внимательно и думаем, откуда он может работать.

Подтверждением правильности выводов Шилова являлся тот факт, что разрывов не было уже более трёх минут. Цепочка по передаче сигнала двигалась медленно от одного наблюдателя к другому. На площади, успокаивая животных, начали расцеплять колёса упряжек и ликвидировать затор.

— Крот, лети в штаб. Передай командиру, чтобы срочно очистили площадь. Пусть гонят пушкарей к чёрту из деревни в поле, в рассыпную. И сами из здания пусть чешут попырону, если жить хотят. Сейчас будет уже не пристрелочный, а прицельный огонь всей батареей, а может и не одной.

Земляной, не задавая лишних вопросов, поняв и сам, что следует сообщить командованию в деревне, рванул как наскипидаренный.

—Командир, —окликнул Василия Марков, осматривавший округу через оптический прицел винтовки, — посмотри на два часа у дома голубятни. Это самое высокое место.

—Не самое. Ты забыл про церковь, —ответил Шилов, настраивая бинокль и направляя его в сторону дома любителя голубей.

—Церквушка рядом со штабом. Корректировщик не идиот ведь размещаться в радиусе уверенного огневого поражения. Он что, смертник? —возразил Михаил.

—Согла-асен, —протянул Шилов, не отрывая взгляд от голубятни.

—Есть! —воскликнул он и резко обернулся к своей группе. —Там он, сука! Ряса, обойди двор с тыла. Действуй по обстоятельствам. Глаз, возьми этого непрошеного зрителя без билета на прицел. Увидишь, что он будет готов подать сигнал, во-первых, отметь в какую сторону он его будет стараться передать, а уже потом, во-вторых, не дай ему этого сделать. И «не дай этого сделать» не означает, что его надо завалить. Бьём куда-нибудь рядом с ним, чтобы он обдристался от неожиданности и даже не помыслил исполнить своё задание. Уяснил? Я тоже слежу за направлением возможного сигнала, а потом быстро думаю, где этот сигнал готовы принять.

Пламенную речь командира прервал резкий выстрел Маркова. Василий даже не успел навести бинокль на голубятню, чтобы начать отслеживать действия корректировщика.

—Радиус на шесть тридцать — семь часов. Куда-то туда он хотел просемафорить. — доложил Михаил, не отрываясь от прицела.

—Тьфу, напугал, ядрёна вошь, — чертыхнулся Шилов и повернулся туда, куда примерно должен был улететь сигнал корректировщика.

Всё пространство, насколько хватало возможностей бинокля, занимали разбросанные кляксами роицы.

—Есть, спеленал Ряса германца, - опутив снайперку сообщил Марков.

—Ну и отлично! —задумчиво протянул Василий, покусывая фалангу пальца. — Лист, пленный на твоей совести. Доставишь в штаб. Кроту передашь, чтобы догонял нас. Мы широкой цепью из трёх диверсантов пойдём прочёсывать роицы в том направлении.

—Командир, ты серьёзно? — как на идиота уставился на Шилова Михаил.

Василий почесал затылок и улыбнулся.

—Мишя, замолчи свой рот. Ты видишь, я даже нарушил установленное обращение. Не держи меня за того, кем я не являюсь... Конечно же серьёзно.

—И с чего у тебя, командир, такое игривое настроение? —повесил на лицо блаженную улыбку Марков.

—Всё просто, друг мой, всё очень даже просто. —проводя взглядом Лаврова с пленным, произнёс Шилов. — Ты же не будешь сидеть в самой чаще деревьев, правильно? Значит, ты выберешь местечко, где есть свобода обзора. Чтобы видеть дальше, нужно сесть повыше. На тонкую берёзку ты не полезешь, потому как она под твоим весом земле в пояс кланяться станет. Значит, ты выберешь самое высокое и самое толстое, с нормальными ветками дерево. И лучше, если это деревце будет не в ближайшей роице от деревни, так как придётся тогда в каждую роицу по семафорщику размещать. Значит, он устроится подальше где-то, но повыше. Ему ведь ещё нужно и дальше передать сигнал своим камрадам. Вот этот могучий баобаб до небес мы и будем высматривать. Доходчиво?

Второго наблюдателя-корректировщика взяли через час. В штабе полка командир рассыпался в благодарностях, искренне поражаясь тем, как такой малочисленной группе удалось предотвратить уничтожение артиллерии приданной его части, и предлагал сейчас же накрыть стол, чтобы отметить такой успех.

—Помогите лучше, в знак благодарности, нам добраться до Пскова. Нужно срочно выходить на связь со столицей. —вежливо увернулся от застолья Шилов.

Полковник вначале вроде как и обиделся из-за того, что ему обломали повод выпить, но потом пришёл к выводу, что повод никуда не делся, уедут только те, кто причастен к этому поводу.

—Если очень срочно, то одного человека я могу через час отправить aeropланом. Он уже должен вот-вот прилететь с пакетом. А остальным придётся потрястись в грузовике. Тоже через час пойдёт транспорт на армейские склады.

Василий улетел, а группа, прихватив с собой в кузов фляжку коньяка и щедрую закуску от командира полка, поехали на машине.

.

.

..

.

.

.

.

.

Глава 21. Год 1916.

Уничтожение командного состава восьмой германской армии во главе с её командующим на какое-то время привело к неизбежному хаосу в управлении войсками. Этим обстоятельством не преминули воспользоваться армии Северного фронта. Короткий, но интенсивный артиллерийский удар сровнял узлы сопротивления, оборудованные на дюнах. Укрепления из брёвен в промежутках между дюнами, ряды колючей проволоки разметало и порвало на широком участке, в который хлынули части двенадцатой армии. Установившаяся погода позволила поднять в воздух несколько десятков аэропланов, которые расчищали продвижение бомбардировкой и пулемётами. Шестидесятый армейский корпус немцев был смят. Подключились другие соединения фронта, и наступление получило грандиозное продолжение. Враг побежал, не оказывая серьёзного сопротивления.

Шилова, вошедшего в приёмную командующего Северного фронта, адъютант узнал сразу. Он так резко вскочил из-за стола, что часть бумажных кип свалилась на пол. Не обращая внимания на листопад, капитан уставился на Василия с немым вопросом.

—Здравия желаю! —поздоровался Шилов. —Мне бы к товарищу генералу попасть.

—Его Превосходительство, к сожалению, отсутствует, —выказывая искреннюю печаль, произнёс адъютант и тут же взбодрился. —Но Вы можете проехать к нему. Транспорт я обеспечу.

—Так где же Николай Владимирович, и как долго он будет отсутствовать? —поинтересовался Василий, не понимая причины возбуждённости капитана.

—В бане, —расплылся в улыбке адъютант.

—В бане-е? —с удивлением протянул специальный представитель, но потом осадил своё замешательство.

«А почему бы и нет? Генерал что, не имеет права устроить себе банный день?»

—Удобно ли przewoжит его в такой обстановке?

— Вы знаете, Его Превосходительство к подобным вещам относится спокойно. Он очень простой человек, —пояснил капитан.

—Ну если так, то давайте я проеду в баню. У меня, действительно, нет свободного времени, чтобы дожидаться.

Баня, в которую отправился генерал, находилась на закрытой, огороженной и охраняемой территории богатой усадьбы местного промышленника в парковой зоне на одном из притоков реки Великой. Летом, вероятно, виды открывались отсюда потрясающие.

Проверив у Шилова пропуск, выписанный адъютантом, охранник, усапый унтер, распахнул ворота и запустил автомобиль, на котором капитан отправил спецпредставителя. Получив объяснения, как проехать к зданию бани, шофёр плавно тронулся по чищенной от снега дорожке.

Русский сидел в тёплом предбаннике за столом, уставленном неплохой закуской и одинокой, отпотевшей бутылкой водки. Деничик нарезал колбасу.

—Здравия желаю, Николай Владимирович, —поздоровался Шилов.

Генерал изумлённо приподнял бровь, но потом жестом пригласил гостя присоединиться к нему за столом.

—Здравствуйте, Василий Иванович, здравствуйте! — протянул он руку. —Не поверите, но я искренне рад Вас видеть. Приятно общаться с человеком, чьи слова не расходятся с делом. Премного благодарен Вам за подсказки по наступлению армий моего фронта. Ставка весьма довольна результатами, но была озадачена, когда выяснилось, что основные моменты озвучены побывавшим у меня представителем новой власти. Впрочем, генерал Гурко имел сведения от Брусилова, но, откровенно, не верил в реальность такой успешной операции.

Шилов разоблачился и остался в гимнастёрке. Он подсел за стол, напротив Рузского. Денищик проворно откупорил бутылку и наполнил стопки.

— Я рад, что мои... — Василий запылся.

«Твои что? Послезнания о тех ошибках, которые были допущены ранее, и что следовало сделать соединениям фронта, чтобы их избежать? Вот так прямо и заявить генералу?»

— Мои предложения оказались полезными.

Рузский зацепил вилкой солёный огурец.

— Мне повезло... нам повезло, что Вы так вовремя оказались на нашем участке фронта, Василий Иванович! Давайте выпьем за победу. За то, чтобы как можно меньше мы теряли своих солдат и при этом наносили сокрушительные удары по врагу, имели успех.

Шилов поддержал тост генерала.

— Николай Владимирович, я собственно в Псков заскочил на минутку. Надо возвращаться в столицу. Но мне необходимо связаться срочно с контрразведкой. Вы разрешите воспользоваться Вашей линией?

— Конечно, конечно. Какой может быть разговор? Я немедленно с Вами проеду в штаб. Хайдаров, — обратился он к своему денищику, — закругляемся. Всё, выдвигаемся домой.

Унтер сноровисто помог генералу одеться, собрал закуску и водку со стола, уложив похотливо всё в корзинку, и они вышли на крыльцо. Солнце уже зацепилось за макушки деревьев и раздумывало, держаться ли ещё или же стоит спокойно упасть и отправиться на покой. По времени до наступления даже предвечерних сумерек оставалось около двух часов. И чего это вдруг светило намеревалось отлынивать от работы? Весьма интересно. Но у небесной канцелярии ответа не получишь.

Воздух наполнился непонятными звуками. В небе тарахтели двигателями аэропланы. Василий задрал голову, провожая взглядом современные тихоходы. Медленно, даже величаво, пятёрка тянулась, выстроившись в плотный ромб. Один впереди, один в середине, два по бокам и один замыкающий.

«Закат уже на носу, а они полетушки тут устраивают. Или с задания возвращаются?» — подумал Шилов и опустил взгляд на Рузского.

Взметнувшаяся неподалёку земля и вдаривший по ушам звук взрыва заставили Шилова среагировать моментально. Он без церемоний толкнул генерала и упал сам. Все пять аэропланов одновременно вывалили свой бомбовый запас на территорию усадьбы. Взрывы ложились вокруг дома, бани и постепенно подбирались к не нашедшим укрытия людям. Непонятный, противный свист заставил Василия пренебречь безопасностью и посмотреть в небо. А между тем этот свист нёс смерть. Металлические стрелы-дротики, размером едва ли большие карандаша, отправленные в свободное падение сразу из трёх бомбардировщиков, набирая скорость неслись к земле, выскивая свою жертву. Флешетты обладали значительной пробивной способностью, пронзая без особого труда доски в полтора сантиметра толщиной.

«Вася, будь осторожен. Опасность сверху. Уходи вправо.» — раздалось в голове.

Шилов быстро перекатился за ствол дерева.

«А ты о налёте предупредить не мог?»

«Бомбометание твоей жизни не угрожало. Поэтому раньше времени поднимать панику смысла не было. Когда стало ясно, что флешетты могут угодить в тебя, я сразу тебе сообщил.»

Вражеская авиация улетела.

Почему налёт был совершён именно в это время и именно на этот парк с домом и баней, предстояло выяснить. Утекла ли информация из штаба о том, что командующий фронта находится в этом месте, или же отработали разведчики-наблюдатели противника - всеми этими вопросами будет заниматься контрразведка. Хотя, почему контрразведка? Он

сам стал невольным свидетелем, участником бомбёжки, почему бы и не порыться в этом болотце.

Василий встал, отряхнулся и подошёл к Рузскому. Сообщать о том, что налёт закончился, и предлагать встать генералу не было смысла. В голове, в плечах и спине торчали стрелы-убийцы. Денищик лежал в трёх метрах так же пронзённый стержнями.

—Твою же мать! — раздосадованно хлопнул рукой по ноге Шилов.

«Ну вот, Чапай, полюбуйся! Всего этого могло не случиться, если бы ты меня предупредил!»

«Они не входят в круг моих забот.»

«Цинично звучит, тебе не кажется?»

«Зато честно.»

От ворот бежали охранники...

Как ни странно, но автомобиль, на котором Василий приехал в усадьбу, от авианалёта не пострадал. Шофёр, словно чуйка какая подсказала, отъехал метров на тридцать на боковую дорожку и копался в двигателе, когда с неба посыпались бомбы. Не закрывая створок капота, он заскочил в кабину и быстро отъехал к въездным воротам. По окончании бомбёжки транспорт вернулся к бане.

—Никому о гибели командующего не докладывать! — приказал Шилов унтеру, который ошарашенный лупал глазами, рассматривая лежавшего в окровавленном снегу Рузского. — Ты меня слышишь, солдат? — помахал перед глазами охранника рукой Василий.

— Так точно. Никому не сообщать. — заторможено протянул усач, — А почему? Надо штаб известить. — выходя из ступора, поинтересовался он.

—Я сам сообщу. Без телефонов. Нельзя, чтобы весть о генерале стала доступна врагу и, уж тем более, не дай Бог, повлияла на настрой в наших частях на фронте. Наступление идёт, вот и пусть идёт. О смерти скажем, когда придёт время. Понял?

—Не совсем понял, как о том, что Его Превосходительство погиб, может стать известно германцу, ежели я сообщу в наш штаб?

—Ну, не понял и не понял. Я тебя прошу: ни-ку-да, ни-ко-му, пока что не звонить. На территорию никого не запускать. Кроме труповозки, которую я отправлю. Уяснил?

Унтер потоптался на месте. Посмотрел на погибших.

—Хорошо. Пусть будет так. Хотя чую, по головке меня потом не поглядят.

—И слова тебе никто не скажет. Разве что, только похвалят. Будь уверен.

Штаб жил своей размеренной штабной жизнью. Неспешно перемещались по коридорам между кабинетами офицеры, с документами в руках, стучала клавишами печатная машинка, кто-то ругался по телефону, а может просто громко кричал из-за плохой связи.

В приёмной командующего адъютант, изучая листы, раскладывал их по разным папкам. Заметив вошедшего Шилова, радушно улыбнулся, но тут же согнал улыбку на нет, обратив внимание на внешний вид Василия. Шилов, изучающим взглядом, пробежал по сторонам, увидел лежавший на столе ключ, подошёл, взял его и запер дверь. Капитан с удивлением взирал на все его манипуляции.

—Спокойно, капитан. Сосредоточься и отвечай чётко на мои вопросы. Кто знал, что командующий поедет в баню?

—Да многие знали, а что? — не особо понимая смысла вопроса, ответил адъютант.

—Конкретнее!

Капитан задумался.

— Ну, я знал, конечно.

—Ещё? Да не тормози ты, капитан, рожай быстрее! — закипая, резко выпалил Шилов. Адъютант вздрогнул.

—Начштаба знал, потому что на время отсутствия Его Превосходительства занимается делами фронта... Начальник гаража... Да что случилось-то?

—Ты что, не слышал авианалёта?

—Почему? Слышал. Бомбили.

—А какой объект бомбили, ты в курсе? Баню бомбили. Целенаправленно. Генерал погиб. Капитан замер, нервно потянув крючок на воротнике. Потом вскочил и хотел вроде бы выбежать из приёмной. Остановился, глядя в пол. Вернулся за стол и схватил трубку. Василий положил сверху свою ладонь, не давая воспользоваться аппаратом.

—Звонить никому не надо... Пока что... Мы не должны вспугнуть предателя или немецкого агента раньше времени.

—Какого предателя? Вы о чём? —пришёл в себя адъютант.

—Тебе фамилию назвать? В том, кто он и где пристроился, я и пытаюсь разобраться... Так, капитан, — Шилов помял пальцами подбородок, раздумывая. —Один звонок ты сделать можешь. Но позвонишь ты на артсклад. Туда должны были уже подъехать мои хлопцы. Распорядись, чтобы их немедленно доставили сюда и сопроводили в кабинет командующего.

—Их здесь, у штаба высадили. Я отправил их в столовую, —пояснил адъютант.

—Вот спасибо, капитан, —обрадованно пожал ему руку Василий. —Слушай, тебя как звать-то, а то уже надоело капитаном навеличивать. Давай по простому.

—Кхм.. —смущённо покашлял в кулак адъютант.

—Что не так? —удивился Шилов. —Ну, не хочешь по имени, пусть будет по званию. Официальное, так сказать, общение-обращение.

—Да нет, —посмотрев Василию в глаза, произнёс капитан. —Имя у меня не из распространённых. Герасим Иванович.

—И что такого? —недоумевающе вскинулся Шилов. —Что в нём такого необычного? Отличное русское имя. Радуйся, чудило. Народное у тебя имя. Меня Василий зовут. Познакомимся. Столовая у нас где?

—В соседнем здании.

—Ага, —Василий подошёл к окну и, распахнув створку, выглянул на улицу в сторону входа.

—Эй, архаровцы! Быстро поднимайтесь в приёмную! —крикнул он, увидев, что его группа уже топчется у крыльца.

—Тут такое дело... —запустив своих товарищей, начал сразу объяснять Шилов, —При авианалёте, под который попал и я, погиб командующий. Бомбардировка производилась целенаправленно по усадьбе. В чётко установленное время. Именно тогда, когда генерал непременно должен был там находиться. Включайте мозг, начинаем анализировать и высказывать свои мысли.

Офицеры задумались.

—Известно ли, где находится ближайший аэродром германцев? — обратился к адъютанту Харитонов.

—Таких данных не поступало, —ответил Герасим Иванович.

—Давайте посчитаем, —предложил Василий. —Судя по всему, использовались бомбардировщики Albatros С.III. Средняя скорость у них, примерно, сто сорок кмэ в час. Запас полёта не более четырёх часов. От линии фронта, а учитывая тот факт, что мы неплохо продвигаемся в наступлении, у германцев времени должно быть не более полутора часов, максимум —час сорок. Чтобы вернуться не на последних каплях. Над усадьбой они были около пяти... Тэ-экс... Время на поиск цели, бомбёжку, повторный заход для сброса дротиков...

Шилов замолчал. Его никто не тревожил. Все видели, что Василий пытается что-то построить в логическую цепь.

—Капитан, —вернулся он к адъютанту, — Известно было с которого часа Рузский планировал находится в усадьбе?

—Ну конечно. Гараж предупредили, что автомобиль следует подать к штабу к двум часам пополудни, а забирать Его Превосходительство обратно из бани в пять тридцать.

—Гараж когда известили?

— Командующий дал мне распоряжение в девять утра. Я позвонил в гараж сразу и в усадьбу, чтобы к приезду Николая Владимировича баня была протоплена.

Шилов прошёлся по приёмной, остановился у стола и постучал пальцами по столешнице.

—Ну что, други мои, вывод у меня такой: у германцев существует возможность отправления и получения срочных сообщений. Каким образом можно было передать сведения так быстро?

Присутствующие понимали, что вопрос адресован ко всем без исключения и что думать над этим нужно быстро.

—Василий Иванович, —поднялся со стула Харитонов. — Разрешите высказать свои соображения? Предположение, что использовались радиостанции, по типу искровых передатчиков, думаю следует исключить. Да, они могут обеспечить связь на дистанцию до двухсот пятидесяти километров, но в распоряжении штаба фронта их нет. Подобные имеются в кавалерийских дивизиях. Дивизии у нас сейчас все заняты в боях. Полевые станции «Телефункен», которые могли бы обеспечить связь на большое расстояние, у нас отсутствуют. Использовать рации шпион бы не стал. Дальность у них от двадцати до тридцати семи километров, это просто невозможно представить, какую цепочку связи надо было бы выстроить. Поэтому, я лично, прихожу к выводу, что применялись почтовые голуби.

Шилов заинтересованно посмотрел на офицера. Обвёл взглядом всех в приёмной.

— Точно! —обрадовавшись, что способ передачи информации раскрыт, воскликнул Василий. — Голубь летит со средней скоростью шестьдесят — семьдесят км/ч в час... И получа-а-ается... И получается, братцы, что информацию почтарь успевает доставить вовремя, а у германцев остаётся приличный запас времени, чтобы подготовиться и долететь в нужный час к месту нахождения генерала. Теперь остаётся вычислить любителя птиц... Капитан, знаешь что-нибудь о местных голубятниках?

Герасим Иванович помотал головой.

—Значит, выходим на улицу, братцы и шерстим в разных направлениях. Радиус... —Шилов на мгновение задумался, —радиус берём по времени. От крыльца штаба до дома человек мог себе позволить потратить не более часа. Максимум.

—Командир, что мы втятером нашерстим? —выступил вперёд Земляной. —Да и стемнело уже. Что увидишь то?

Василий повернулся к адъютанту.

—Есть сведения о тех, кто снимает жильё в городе? Кто не в расположении ночует?

—Вообще-то Его Превосходительство выдавал разрешение офицерам разместиться в шаговой доступности от штаба, чтобы при необходимости их могли срочно вызвать на службу. Сейчас подниму список.

Капитан уверенно достал из стопок многочисленных папок одну и вынул из неё лист.

«Молодец. Отлажена у него работа. Всё по полочкам. И знает, где что находится», —с одобрением отметил для себя Шилов.

—Вот, —протянул список Герасим Иванович.

—Угу, —удовлетворённо промывал Василий, — всего восемь адресов. Офицеры, что указаны в списке, уже убыли из штаба по местам квартирования?

—Конечно... Разве что штабс-капитан Останин может быть ещё в телеграфной. Он постоянно повышает квалификацию своих подчинённых. Занимается с ними.

—Капитан, он на твоей совести... Мы уходим, а ты, под любым благовидным предлогом, задерживаешь телеграфиста в штабе до нашего возвращения. Придумай что-нибудь такое, что его не обидит, но и не вызовет ненужных подозрений.

Адреса находились не далеко и все на одной улице. Так что шли всей группой. Голубятню обнаружил Земляной. При чём он её не увидел, а вначале услышал воркование и шум крыльев и уже потом обнаружил и само строение.

—Командир, нашёл, —подбежал он к Шилову.

—И кто у нас тут обитает? — посмотрев в список, протянул Василий. —Ага, начальник гаража... Вот мне интересно, товарищи, а почему начгар не взволнован тем, что автомобиль генерала не прибыл в гараж? Это что, в порядке вещей? Как думаете?

—Чего тут думать? Возьмём и спросим, —высказал своё мнение Марков.

—Осматриваем вокруг подходы к дому и перекрываем все возможные варианты бегства крысёньши.

Дверь открыл мужчина возрастом под сорок лет, с благородным, дворянским лицом, по всей видимости хозяин дома, и вопросительно посмотрел на Лаврова, которого Шилов отправил вперёд.

—Господина поручика Его Превосходительство в штаб вызывают. Срочно.

—Его Превосходительство? —изумлённо выдавил из себя мужчина. —А-а... Ну да, ну да, конечно. Сейчас приглашу.

Василий выскочил сбоку и вломился в помещение. Поручик сидел за столом в нательной рубашке. Вечерял вместе с хозяином. Бутылка была ещё полной, вероятно выпить не успели.

—Остаться на местах! —крикнул Шилов, рыская глазами по комнате, высматривая, где находится оружие начгара.

Кобура лежала на стуле у кровати в спальне. Поручик растерянно хлопал глазами.

—Что происходит? —дрожащим голосом поинтересовался он.

—Крот, уведи хозяина в другую комнату, —кивнув на мужчину, приказал Василий. —А мы с поручиком —покалякаем о делах наших скорбных.

Он дождался, когда за Земляным и хозяином закроется дверь и опустился на стул напротив начгара.

— Советую отвечать на мои вопросы предельно честно. Первый, кому Вы передали информацию о том, что командующий в два часа поедет в баню и пробудет в усадьбе до половины шестого?

Поручик закрутил головой, глядя то на Шилова, то на Лаврова, и Маркова с Харитоновым.

— Не понимаю, —неуверенно произнёс он. — Я никому ничего не говорил.

—Что Вы делали после того, как получили от адъютанта генерала распоряжение о направлении автомобиля к двум часам в штаб. По минутам, начиная с девяти. Слушаю.

Начгар сморщил лоб, натурально напрягая память, силясь восстановить весь график в указанный промежуток времени.

— Приказал шофёру подготовить мотор и подать его к двум часам. Провёл инструктаж с механиками. Обнаружил, что жиклёрный ключ для карбюратора и магнетный ключ, которые получил накануне на складе, забыл дома. Сходил домой и принёс ключи. Около двенадцати...

—Подождите, —перебил его Шилов, —Вы отлучались из гаража домой? Как долго Вы отсутствовали?

Поручик задумался.

—Минут сорок, наверное, я не засекал.

—От гаража до Вашего дома максимум десять минут ходьбы. В развалочку, не спеша. Столько же обратно. Чем Вы занимались оставшиеся двадцать минут?

Начгар смутился, начал ладонью смахивать со скатерти несуществующие крошки.

—Перекусил с Петром. Чай попили.

—Чай?

—Стопку я выпил. Одну. Я же понимаю — служба. Вот Вам крест, только одну стопку.

—О чём разговаривали с хозяином за столом? —не обращая внимания на неистовые попытки поручика доказать, что спиртного выпил всего-ничего, сделав стойку, как собака, почуявшая приближение врага, напрягся Шилов.

—Да ни о чём особо, —вспоминая беседу, сказал начгар. — Пустое. Пожаловался я, правда, на разницу в жизни простого поручика, хоть и при такой должности, и генерала. Я в машинах ковыряюсь, боюсь одну стопку выпить, а командующему можно в бане нежиться и выпивать без опаски.

«Вот оно!» — почуяв приближение разгадки, заёрзал на стуле Василий.

—Хозяин проявил интерес к словам о командующем?

Поручик ответить не успел. В комнате, куда увёл Петра Земляной, раздался грохот мебели, отчаянный крик Крота:

—Стой!

Дверь резко распахнулась и в проёме показался хозяин, с револьвером в руке. Не задерживаясь он выстрелил в Лаврова, который сидел на скамейке у входа в дом, и ринулся к двери. Марков среагировал мгновенно. Стоявшая у ног снайпера взлетела в его руках и приклад впечатался в затылок беглеца.

Состояние хозяина не беспокоило Шилова абсолютно в этот миг. Он подскочил к Лаврову, у которого на груди расплывалось кровавое пятно. Помочь своему товарищу командир уже не мог ничем.

—Су-ука! —взвился Василий и кинулся к Петру, лежавшему у порога без сознания.

—Командир! —перехватил его Марков, —Он нужен живым...

Петерис Валодис был передан фронтовой контрразведке, а дальнейшую судьбу поручика Яблокова, который, во время совместных застолий с немецким агентом, выложил не мало секретной информации врагу, должен был решить военный трибунал...

Глава 22. Год 1916.

Потапова на месте не оказалось, однако на том конце провода клятвенно заверили, что пригласят его к аппарату буквально минут через двадцать. Позвонив повторно, Василий наконец услышал далёкий, уставший, вероятно спросонья, голос полковника.

- Николай Михайлович, приветствую! - потухшим голосом поздоровался Шилов. - Похоже, не дал тебе отдохнуть? Прости.

В свою последнюю встречу, перед отбытием групп с полигона за линию фронта, Василий и контрразведчик согласились, что можно уже перейти в обращении на «ты».

- Василий Иванович, рад слышать тебя! Ты ещё в Пскове? Когда планируешь в Петроград?

- Сейчас с тобой переговорю и буду выдвигаться. - уперев локти в столешницу, смотря в аппарат, словно надеялся увидеть в нём изображение Потапова, ответил Шилов. - Ты мне про группы расскажи. Что и как?

Эфир поскрипел недовольно помехами, будто требовал не держать его в напряжении, а побыстрее дать отдохнуть.

- Все намеченные объекты уничтожены. Штабы генералов Эйххорна, Гронау, Бернгарди взорваны. Командующий армейской группой Войриша генерал Войриш со всем штабом убиты. Не безызвестный тебе капитан принял решение не взрывать, а зайти и перестрелять всех. И, как это ни странно, но его группе это удалось. На всём протяжении российско-германского фронта германские штабы ликвидированы. И этим воспользовались наши армии. Повсеместно войска перешли в наступление. Печально, что происходит это без должной подготовки, но оборона противника прорвана и мы малой кровью движемся вперёд.

- Кстати. Про кровь... - Шилов тяжело вздохнул, - Сегодня при авианалёте погиб Рузский. У меня в группе есть потери. Безвозвратные. Мирский... И Лавров... Григорий Андреевич уже здесь. При задержании германского агента.

Потапов молчал. Потом ответил не менее тяжёлым вздохом.

- В тылу, в Пскове, и погиб. Жаль... В других группах, Василий Иванович, тоже не обошлось без погибших. Шесть человек мы потеряли. С Мирским и Лавровым.

Василию нестерпимо захотелось закурить. Он прекрасно понимал, что провернуть такие операции и выйти из них без потерь просто нереально. Однако осознание того, что на эту погибель отправил офицеров лично он, отзывалось в глубинах души скребущей болью. Может быть, потом он привыкнет к этим неминуемым смертям. Очерствеет его душа и он станет более спокойно воспринимать каждого потерянного бойца, но сейчас на душе было погано.

- Николай Михайлович, послания от нас в штабах оставили? - поборов минутную слабость, спросил Шилов.

- А как же? Конечно. Нежинский запихнул прямо в китель Войриша, наглец.

- Молодцы! А мне не удалось. В кабинете и оставить негде было. Там всё в прах, а потом пожар. Ну ничего, думаю, что и тех будет достаточно. Николай Михайлович, давай заканчивать. Скоро увидимся.

Разговор закончился, а Василий сидел, держа в руке трубку. Он смотрел на неё с такой особой задумчивостью, что если бы кто-то сейчас зашёл в кабинет, то непременно бы сделал вывод, что Шилов вновь и вновь прокручивает только что законченный разговор. В дверь робко постучали и заглянул Марков. Василий положил трубку на аппарат, выражение озабоченности сразу слетело с его лица и он сфокусировал взгляд на Михаиле.

- Командир, с вокзала звонили. Через двадцать минут литерный от Елизарова пойдёт. Нам спальное отделение выделили.

- Купе - это хорошо, - задумчиво протянул Шилов, будто у него в голове продолжался мозговой штурм и он чего-то никак не может решить. - Купе - это хорошо... Михаил, а Свиридов у нас в каком госпитале?

Марков завис на мгновение. "Через двадцать минут отходит поезд, а командир госпиталем интересуется".

- В четвёртом Полевом запасном на Великолуцкой. В здании Псковского духовного училища. Там отменные условия для офицеров.

Понял. Подожди минутку.

Василий поднял трубку внутренней связи.

- Герасим Иванович, помоги мне соединиться с начальством станции.

Капитан заглянул через пару минут.

- Василий Иванович, комендант станции подполковник Кирпиченко на проводе. Обязан предупредить, что к большевикам он... не очень хорошо относится.

Шилов изобразил кривую усмешку.

- Говорит специальный представитель Совета Народных Комиссаров Шилов. В виду чрезвычайных обстоятельств задержите отправление литерного в Петроград на сорок минут. Это не обсуждается. В случае неповиновения и неисполнения полученного Вами сейчас от меня распоряжения... Ну Вы и сами понимаете... Если есть куда бежать - бегите. Но не советую. Лучше выполнить то, о чём я Вас попросил. Сорок минут.

В госпитале поговорить с Сергеем не удалось. Свиридову была проведена повторная операция, и к нему никого не пускали. Получив заверения, что жизни товарища ничто не угрожает, Василий с Марковым отправился на автомобиле командующего на вокзал.

Пульмановский вагон первого класса, в котором группе Шилова выделили купе, был шикарен. Снаружи он был обшит деревом, медные поручни сияли при свете фонарей. Внутреннее убранство поражало своей роскошью. Лакированные панели из красного дерева, стены отделаны тиснённым плюшем, тюльпаны электрических лампочек и в довершение - мягкие спальные диваны.

У тамбура Василия и команду, нервно прохаживаясь, ожидал комендант станции. Шилов подошёл к нему и радушно улыбнулся.

- Подполковник Кирпиченко?

Мужчина вздрогнул от неожиданности и посмотрел на излучающего саму любезность Василия.

- Приношу свои извинения за вынужденную, но столь необходимую задержку состава и примите, пожалуйста, от имени Совнаркома искренние слова благодарности. Можете быть уверены, что данное действие Вам зачтётся непременно. Сейчас можно давать отправление. Более нам ничто не мешает тронуться в путь.

Комендант зло сверкнул глазами и поспешил к паровозу. Проводник сразу же проникся важностью своих прибывших пассажиров, из-за которых свирепый подполковник, матерясь на всех нервных требователей немедленной отправки поезда, выполнил требование вот этих, только что подошедших людей, и проводил к отведённому им спальному отделению.

- Ну что, братцы, - обратился Шилов к своей группе, - чтобы не слушать всю дорогу музыкальные переливы наших голодных желудков, предлагаю завалиться спать.

В дверь робко постучали и заглянул проводник.

- Господа, может быть желают чай испить? У меня пироги домашние есть. Могу уступить.

Василий повернулся к мужикам, у которых слюна не давала произнести хоть что-то внятное, и они утвердительно замотали головами.

- Спасибо Вам, уважаемый. Давайте сразу с Вами договоримся. Во-первых, у нас нет господ. Мы теперь все - товарищи и граждане. Во-вторых... Пусть это выглядит невежливо с нашей стороны, но мы не откажемся от Вашего предложения. Особенно в части пирожков.

Проводник умчался в своё служебное купе, откуда уже через минуту выскочил со стаканами в подстаканниках. Он мастерски, не расплескав ни капли, расставил посуду на столике и вновь убежал, чтобы вернуться уже с "заварником" и тарелкой, на которой, источая сногсшибающий аромат, горочкой высились пирожки.

- Эй, человек! - раздался в коридоре голос с явным, выраженным пренебрежением.

Проводник выглянул из купе группы.

- Вы что-то хотели? - спросил он.

- Сюда иди! Я те шо... ты шо, этого... лектора во мне нашёл? Шо я, на весь вагон орать буду?

Проводник виновато улыбнулся Шилову и выскочил из купе. Василий одной ногой и половиной туловища вылез в коридор и стал наблюдать. Худошавый, неопределённого возраста мужчина, в английском кителе, стоял засунув руки в карманы брюк у входа в своё купе и высокомерно разглядывал подбежавшего проводника.

- Чаю мне неси. И эти... пирожки...

- Извините великодушно, чай я принести могу, а вот пирогов больше нет.

- Ты шо, не понял кто с тобой говорит? Этим, - мужчина мотнул головой в сторону Шилова, - пирожки можно, а мне шо, низя? - качнувшись с пятки на носок, прорычал "полувоенный".

- Пирог были моими. Мне жена в рейс приготовила, и я поделился с... товарищами, - спокойно ответил проводник, вероятно, уже привыкший к выходкам подобных личностей.

- Я - секретарь Губкома Дмитриев. Я - власть! Я - народ! Мы теперь хозяева. Чуешь? А ты, рыло, смеешь МНЕ отказывать в пирожках?! Бежи в ресторацию и шобы пирожки мне были!

Шилов тяжело вздохнул, окинул взглядом свою притихшую команду, которые уже неплохо изучили характер командира и понимали, что он так просто происходящее не оставит. Василий подошёл к купе недовольного обслуживанием секретаря.

- Вас что-то не устраивает, гражданин? - вежливо поинтересовался он, отесняя в сторону проводника и встав прямо напротив Дмитриева, - Как, кстати, Вас величать?

- Ты ще кто? Кто это гражданин? Я - Тимофей Денисович Дмитриев. Секретарь Губкома! Чуешь?

- Ну ещё бы! Конечно же чую, Тимофей Денисович! Вы бы не устраивали скандал. У товарища от Вашего крика пироги не появятся. Из вагона-ресторана он Вам сможет что-либо принести по Вашему заказу и за Ваши деньги, только на станции. Да и то, навряд ли - время уже не торговое. Ресторан явно закрыт. Прошли бы Вы в своё купе и легли отдыхать. Завтра, как я понимаю, Вас ожидает трудный день?

- Ты шо, указывать мне вздумал? Мне? Дмитриеву? Пшёл вон, рыло! - заводясь, начал брызгать слюной секретарь. - Некада мне до станции ждать. Жрать хочу. Пусть по крыше шурует.

- Вы это серьёзно? У Вас как, с головой-то всё в порядке? Удивляет, что человека с таким багажом образования товарищи избрали на столь высокую должность.

- Ах ты, рыло! Да я тебя сгною! Будет он мне тут надсмехаться, офицерё вшивое. Вумный слишком?

Шилов вспыхнул моментально. Он до последнего сдерживал себя, но эта быдлатина вывела его окончательно. Он резко впихнул Дмитриева в купе и закрыл за собой дверь.

- Слушай сюда, жертва аборта! Мне насрать на то, что ты позоришь себя лично в глазах простых людей. Но ты, скотина, прикрываешься властью. Ты, тварь, орёшь, что ты - народ. Глядя на таких как ты, люди и составят своё мнение о народной власти, о власти Советов. Ты, паскуда, хуже самых ярых врагов страны. - зашипел Василий, ухватив секретаря за воротник кителя.

- Ты... меня... большевика во враги?! Да я тебя!... - истерично лапая по карманам, в поисках револьвера, брызгал слюной Дмитриев.

Шилов осуждающе покачал головой и ткнул пальцами Тимофею Денисовичу под кадык. Тушка опустилась на пол, прислонившись боком к дивану. Василий почесал затылок и решительно вышел из купе. Проводник, переминаясь с ноги на ногу, стоял у стены коридора. Шилов взял его за руку и подвёл к своему купе, в которое и затолкал, открыв дверь. Команда наградила вопрошающими взглядами.

- Михаил, за мной!

Василий с Марковым прошли в купе секретаря. Он ещё не пришёл в себя. Шилов рванул вниз окно. Холодный воздух и запах дыма ворвались в спальное отделение.

- Бери эту суку за ноги! - подхватив Дмитриева подмышки, приказал командир.

Гудок поезда словно известил округу о том, что планета Земля на одну сволочь стала чище.

- Эту мразь кто-нибудь провожал? - поинтересовался Василий у проводника, вернувшись с Марковым в своё купе.

- К вагону его подвёл артист городского театра Трахтенберг. А вот вместе они были или театрал просто помог пройти нетрезвому человеку, я не знаю, - пожал плечами мужчина.

- Если вдруг у кого-то к тебе возникнут вопросы, отвечай, что пассажир был на взводе, постоянно бегал курить в тамбур, а потом ушёл спать. Больше ты его не видел...

* * *

Накал страстей сквозь плотно закрытую дверь выплёскивался истеричным криком в коридор.

Страдающие неудержимым любопытством тёрлись у двери в надежде понять суть горячей перепалки.

Шилов отодвинул ротозеев в сторону, открыл дверь и зашёл в кабинет. Визжал Молотов. Перед ним стоял Сталин и свирепым взглядом прожигал Вячеслава Михайловича.

- Иосиф, ты не поддерживаешь линию партии?

Сталин пробежал глазами по лицам сидевших за столом соратников. Остановился на переносице Ленина, но разговор продолжил с Молотовым.

- Ты так истошно не вопи, Слава. Как сказал Руми: "Возвышай слова, а не голос. Цветы возвращает дождь, а не гром!" Мнение Владимира Ильича и твоё — это ещё не линия всей партии.

Ленин нервно дёрнулся, но сразу же погасил секундную слабость.

- Я спрашиваю, почему в отсутствие членов правительства принимаются такие судьбоносные документы? Вас что, так прижало, что вы не могли подождать неделю? - ухмыльнувшись, Иосиф Виссарионович перевёл взгляд на Вячеслава Михайловича.

- Мы действовали в соответствии с Постановлением о проведении заседаний. Регламент мы соблюдали. Кворум у нас набирался.

- Слава, ты мне то глаза не мыль. Кворум он набрал. Здесь стоит подпись Дзержинского, - Сталин отрывистым жестом сунул Молотову под нос документ, - Это же его роспись? Ну, надо полагать, поскольку напротив определённой фамилии должна стоять подпись именно этого человека, верно? И она, как и положено, стоит. Всё чин по чину. А где в этот день находился Феликс Эдмундович, ты мне не подскажешь? Молчишь? Раскаты грома сошли на "нет"? Зато я тебе подскажу. Он был вместе со мной на рубеже. Там, где тебя уж точно никогда не будет. Там, где Корнилов готовит на нас выступление. И теперь поясни мне, тугодуму, каким волшебным способом Феликс мог оставить этот... афтограф на вашем... вашей писульке? Моргаешь? Соринка в глаз попала?

Сталин вновь обвёл глазами членов правительства.

- Заявляю вам в глаза, без обиняков, - я буду добиваться признания этого Декрета незаконным, поскольку он сфальсифицирован.

Шум коридора, ворвавшийся в открытую дверь, привлёк всех к вошедшему.

- А-а, Шилов! Ты как, уже успел ознакомиться с этим опусом? - не здороваясь потряс листом Иосиф Виссарионович.

- И тебе не хворать, товарищ Сталин. Я только что прибыл, но в коридорах только и слышно обсуждение введения какого-то красного террора. Ты про это говоришь?

- Именно. На — полюбуйся.

Василий взял лист, пробежал глазами первые пункты и резко бросил руку вниз.

- Я ознакомлюсь тщательно у себя и потом зайду. Надеюсь, вы ещё не расходитесь?

Но направился Шилов не к себе, а в кабинет Фрунзе. Михаил Васильевич что-то искал в ворохе бумаг в сейфе. Обернувшись на звук открывшейся двери, обрадованно махнул рукой.

- Проходи! Ты мне как раз нужен. Ты сам-то, по делу или как? Торопишься? Подожди две минуты, надо документик один найти и передать в распечатку. Ждут.

Василий подошёл к столу, но садиться не стал, а пристально посмотрел на Фрунзе.

- Да я собственно хотел задать тебе только один вопрос и идти дальше.

Михаил Васильевич нашёл искомый документ, закрыл сейф и, оперевшись кулаком левой руки в столешницу, правой махнул:

- Ну давай, задавай свой вопрос. Только быстро.

- Скажи мне, Миша, как ты мог подписать такую мерзость? - и Василий бросил лист на стол перед Фрунзе.

- А что это?... Красный террор?... Моя подпись? Да окстись, Вася. Я и слыхом не слыхивал про это. Ты на число глянь. Меня вообще в этот день не было. Мы втроём - Сталин, Феликс и я выезжали в части, которые стоят у Петрограда с проверкой готовности их к обороне. Корнилов заворшился.

Шилов взял лист из рук Михаила Васильевича и ещё раз изучил его.

- Вот как, стало быть!.. А ну, пошли, к этим вершителям судеб. Есть у меня желание побазарить с этой кучкой воинствующих тыловых крыс.

В кабинете Ленин что-то увлечённо объяснял обступившим его соратникам. Сталин с Бубновым и Южиным сидели отдельно и пили чай. Василий махнул им рукой, призывая присоединиться к разговору и подошёл к Владимиру Ильичу.

- Я ознакомился с документом. Не успокойтесь никак, упыри?

Ленин посмотрел на него глазами уставшего человека.

- Что опять не по Вашему, товарищ Шилов?

- Значит, вы решили таким образом утвердиться во власти? Значит, террор является необходимой мерой обеспечения спокойствия в стране? Вы объявляете войну не действующему сопротивлению отдельных граждан, не согласных с вашими методами управления, а масштабно объявляете вне закона, одним росчерком, целые слои общества: дворян, казаков, офицеров, священников и так далее? Я правильно понял суть вашего сочинения?

- Мы должны научиться ненависти! - первым, куда-то в потолочные выси, пробурчал Луначарский.

- Вы человек другой эпохи, и Вам не понять реалии нашего времени. Без смертной казни по отношению к эксплуататорам едва ли обойдётся какое-либо революционное правительство, - развалившись в кресле резюмировал Ленин, пытаясь указать потомку его истинное место.

- Никто не говорит о том, что на смертную казнь нужно наложить табу. Но она должна применяться в соответствии с законом. Только суд может определить степень вины человека. Не по принципу: офицер — расстрелять! Помещик? К стенке! Расстрелы на месте.

Ленин, энергично оттолкнувшись от кресла, вскочил на ноги.

- Партия и правительство уверены, что необходимо проводить беспощадный массовый террор против помещиков, попов и офицера! Тех, кто под сомнением, — отправить в концентрационные лагеря. Это несомненно контрреволюционеры. Подвергать расстрелу на месте каждого, у кого будет обнаружено оружие.

- Я бы ещё предложил проводить операции по взятию заложников, чтобы добиться полной отдачи буржуями наложенной на них контрибуции, - напыщенно произнёс Молотов. - Должны же быть составленные ответственными товарищами списки для взысканий.

Владимир Ильич, воодушевлённый поддержкой, пружинящей походкой подскочил к Вячеславу Михайловичу и положил ладонь ему на плечо.

- Это, по-моему, полумеры. Я предлагаю «заложников» не брать по спискам, а назначать поимённо по волостям. Цель назначения - именно богачи, так как они отвечают за контрибуцию, отвечают жизнью за немедленный сбор и ссытку излишков хлеба в каждой волости. Вот так мы и решим продовольственный вопрос, который так волнует товарища Шилова.

- Вроде бы умные дяденьки! Такие труды пишете, а тупые, как валенки. Или власть вам глаза золотой мочой залила? Вы добьётесь лишь одного - народного бунта. Ваши опричники станут выгребать из закромов у всех без разбору. Они не приучены определять уровень бедности и границу необходимого количества хлеба для нормального существования отдельно взятой семьи. И учтите, что крестьянин пойдёт на вас не с вилами. Оружия много в вольном обращении. Заметьте, какие парадоксальные вещи происходят: куда бы вы ни запили свои тупые рога, всё это в итоге может вылиться в народный бунт. Такое впечатление складывается, что вы поставили перед собой задачу любыми средствами добиться именно этого.

- Вся трудовая Россия отнесётся с полным одобрением к таким мерам, как расстрелы контрреволюционных генералов и других врагов трудящихся, - закуривая, бросил Петровский, который ожидал подписания Постановления о назначении его Народным комиссаром внутренних дел и готов был поддержать любые начинания Ленина. - Расхлябанности и миндальничанью должен быть немедленно положен конец. Все известные правые эсеры должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицерства должно быть взято значительное количество заложников. При малейших попытках сопротивления должен применяться массовый расстрел. Отделы милиции должны принять все меры к выяснению и аресту всех подозреваемых с безусловным расстрелом всех замешанных в контрреволюционной и белогвардейской работе.

- А я, откровенно говоря, не верил заявлениям в моё время, что подобные мысли, речи могли звучать из уст большевиков. Я даже не мог себе позволить подумать о том, способен ли возведённый в ранг Бога дедушка Ленин на такое. Теперь откройте уши и внимайте каждый в обе свои дырки внимательно! Начну с того, что подниму немедленно вопрос о мошенничестве со стороны Ульянова, Молотова и других нетоварищей, которые сфальсифицировали подписи ответственных лиц под этим мерзопакостным сочинением. Я добьюсь, и надеюсь, что товарищи, чьи подписи подделаны, поддержат меня, чтобы большие ваши морды здесь даже близко не появлялись. Чтобы из правительства вас вышвырнули, как помои туберкулёзных больных, а места, где вы ходили, просыпали известью. Я докажу, можете не сомневаться, что вы - враги народа, контрреволюционеры, которые хитростью, через доверие соратников, пробрались в партию и в правительство. И буду настаивать на том, что вас необходимо немедленно, безжалостно подвергнуть расстрелу. Товарищ Сталин, иницируйте, пожалуйста, созыв заседания правительства.

- Послушайте, Шолов! Вы же должны понимать, что у нас ни у кого нет опыта управления. Тем более в подобных условиях. Нам всем свойственно ошибаться, разве не так? Давайте не будем нагнетать обстановку, а спокойно решим этот щекотливый момент.

Постановление СНК не опубликовано и не внесено в Ведомости. Его можно порвать, и всё! - встал перед Василием Молотов.

- Опыта у вас, действительно, ни у кого нет. Как, впрочем, и у меня. Это правда. Но кровожадные, страшные мысли, к сожалению, у вас есть. Вы целенаправленно пытаетесь ввергнуть страну в Гражданскую войну. Хорошо... Трудитесь... На благо народа.

- Вась, ну ты и двинул! - восхищённо смотрел на товарища Фрунзе. - Да-а, слушай, я же не успел тебе сказать, за всеми этими баталиями, тебя финн какой-то разыскивает. Вышел на меня, и какие-то сказки про плен и разговор с тобой вещал. Через три часа должен прибыть в Петроград через Белоостров. Не откроешь тайну?

- Хоть одно хорошее известие за день! Обязательно, Миша, - обрадованно схватил Фрунзе за руки выше локтей, Шилов. - Обязательно!

Глава 23. Год 1916.

- Вот умеешь ты, Вася, наживать себе врагов на ровном месте. Какая собака тебя укусила?

Напряжение последних дней вопило во всё горло, что организму требуется отдых. Шиллов прекрасно понимал, что в таком состоянии находиться постоянно чревато последствиями для психики, да и здоровья в целом. Он уже неоднократно замечал за собой, что ему достаточно полбуквы, произнесённой в его сторону кем-нибудь с ноткой недовольства, возражения, как в нём сразу же вспыхивала неконтролируемая ярость. Благо, что все эти гневные выплески происходили здесь, в Петрограде и в адрес членов правительства, а не во время операций в тылу врага. Но всё до поры до времени. Разрядка просто необходима, а где для неё выкроить лишний час Василий не видел в ближайшей перспективе.

- А ты считаешь, что я не прав и надо было всё спустить на тормозах? Закрывать глаза на подделку подписей, на стремление уничтожить не самую плохую часть населения страны? Хрен им во всё рыло! Раз слабинку дашь, потом они тебя вообще ни во что ставить не будут. Да

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.